

*Межи мои прошли
по прекрасным местам
Псалом 15:6*

АНГЕЛИНА МАЛЬЦЕВА

«Межи мои прошли по прекрасным местам» Псалом 15:6

Биографический очерк

*Посвящается мужу, детям,
внукам и правнукам, родным и друзьям*

На этом компьютере напечатана эта книга

*Выражаю глубокую благодарность
Ирине и Эрнесту Бруггер за помощь в подготовке книги*

* * *

*Живи и радуйся, и, радуясь, живи!
И помни: каждый день безмерно дорог.
Из рук Господних ты его бери, —
В нём каждый миг — жемчужины осколок!*

*Учись, читай, вникай, молись и пой,
Благословляй, дари, прощай, сочувствуй.
Чтобы потом, вечернею порой,
Назад взглянуть с довольством, а не с грустью.*

*Живи и радуйся, и, радуясь, живи,
И помни: каждый день — подарок Божий!
Чтоб, проводив вечерние лучи,
Могла сказать: «Какой был день хороший!»*

*Живи и радуйся, и, радуясь, живи, —
Ведь жизнь твоя — это подарок Божий!
Встречай с надеждой утром свет зари, —
С улыбкой встретить вечер Бог поможет!..*

* * *

*Наша жизнь как свеча на столе
На ладонях Всевышнего Бога,
Чем мы ярче горим на земле,
Тем светлей и короче дорога.*

*Не летят как у роз лепестки,
Что в конце осыпаются лета,
Но коль отданы Богу они,
Никогда не жалейте об этом.*

*Пусть за годом проносится год —
Так усмотрено Господом прежде.
Принести бы Творцу добрый плод
Нашей веры, любви и надежды.*

*В этот мир мы однажды пришли —
Пилигримы Небесного града.
Ждёт нас вечная жизнь впереди —
За скитанья земные награда.*

*Наша жизнь как свеча на столе
На ладонях Всевышнего Бога.
Чем мы ярче горим на земле,
Тем светлей и короче дорога.*

Детство

Я родилась 14 декабря 1935 года в городе Краснодаре. Родители мои вместе с братиком Вениамином переехали в Краснодар из Мариинска, где папа отсидел в тюрьме 5 лет, где была их свадьба и родился мой старший брат. Рождение девочки после мальчика было очень желанным. Это были счастливые годы для моих родителей. Так как после долгой разлуки они стали жить вместе на свободе. Со слов папы я была очень хо-

Сидят: дядя Митя, я, бабушка, Виня, дядя Гоша. Стоят: тетя Лидя, мама и тетя Вера

рошенькой, и он дал мне имя — АНГЕЛ — Ангелина. Я была очень спокойным ребенком, и, если я просыпалась ночью, папа говорил мне: «Ангелочек, спать!» — и я сразу успокаивалась и засыпала. Мне было приятно слушать лестные слова, что я была очень послушная. Вскоре наша семья переехала в город Алма-Ату, где жил мамин брат — Митя. Дядя Митя был женат. Жену звали тетя Лида. У них было два сына. Мы дружили с младшим, Толиком. Он был немного старше моего брата Вини. (В то время все звали моего брата не Веной, а Виней). Родители тети Лиды жили в своём хорошем доме, и тётя Лида с дядей Митей и детьми жили вместе с ними. Папа её был пресвитером одной из Алма-Атинских церквей.

В городе Алма-Ата папа и мама посещали ту церковь, куда ходили все наши родственники. Время опять стало неспокойное. Начались аресты верующих. Это был 1937 год. Папу просили воздержаться, временно не ходить на собрания, скрыться. Но он не захотел этого делать. И вот во время одного собрания пришли люди из милиции и забрали папу и ещё некоторых братьев. Папе дали 10 лет по 58 статье и отправили в Караганду отбывать этот долгий срок. Мама осталась опять одна с двумя маленькими детьми. Вине не было четырех, а мне двух лет. Мама устроилась на работу в швейную мастерскую, а меня с Виней оставляла дома одних. Она стелила одеяло на пол и оставляла нас, чтобы я играла на полу и ниоткуда не упала. На обед она прибегала домой, чтобы посмотреть, как мы себя ведем и покормить нас. Один раз Виня остриг мне волосы и выбросил их в окно. С тех пор мама старалась не оставлять ничего опасного, чтобы Виня не натворил чего худшего. В воскресенье мама водила нас к родителям тети Лиды, и мы играли там с Толиком. Дядя Митя был фотографом, работал в фотоателье, поэтому он часто фотографировал нас троих то с собаками, то с кошками, то в саду. В саду у бабушки была хорошая беседка, вся поросшая цветами. Там был гамак, и мы в нём качались. Перед домом рос большой дуб, и я очень любила по утрам собирать желуди. Гостить у тёти Лиды было для нас большим праздником.

В 1939 году мамин брат дядя Гоша переехал жить в Узбекистан в город Фергану. Там он купил дом и пригласил маму переехать к нему. Он устроился работать бухгалтером на Заготзерно. В то время он ещё не был женат. Так мы в 1939 году переехали жить в Фергану. Вскоре дядя Гоша решил жениться, и Бог указал ему невесту — тётю Веру. Она ему понравилась на одном из общений в городе Ташкенте. Дядя Гоша попросил у нее адрес и сказал, что хочет прислать ей письмо. Позже, когда я уже была девушкой и жила в Ташкенте у дяди Гоши и тёти Веры, мы часто вечерами допоздна сидели, пили чай, и тётя Вера рассказывала нам о своей юности, как их раскулачили и увезли далеко на лесоповал. Работа была очень тяжелая. Молодые девушки должны были работать с утра до вечера. Однажды они с подружкой решили бежать — и убежали. За ними послали погоню, но Господь чудно укрывал их. Так они прибыли в Ташкент. Когда дядя Гоша взял адрес, тётя Вера стала ждать письмо, а его все не было и не было... Сердце томилось в ожидании, а жених все медлил... Дядя Гоша был высокого роста, стройный юноша, хорошо пел, хорошо знал Слово Божье, был весёлый, радостный и общительный — такие братья всегда нравятся сестрам. Тётя Вера была тоже красивая. Волнистые тёмные волосы, красивые глаза, розовые щёчки, стройная фигурка, а самое главное, она была искренняя христианка, простая и скромная. Дядя Гоша так и не написал письмо, а приехал в Ташкент, сразу сделал предложение тёте Вере, на что тотчас получил согласие. Свадьбу справляли в Ташкенте. Затем он увез тётю Веру в Фергану.

С нами жила ещё бабушка — мамина мама. Она убиралась дома, готовила кушать и смотрела за мной и Вией.

Наступил Новый 1941 год... Все люди жили неплохо. Нас мама повела на елку в Заготзерно, где работал дядя Гоша. Ёлка была очень большая и красивая. Дети рассказывали стихи, им дарили игрушки... Всё было очень интересно. Вдруг вспыхнул пожар! Люди заметались и бросились к выходу. Образовалась давка, люди теснили друг друга... Наша мама тоже старалась вывести нас поскорее. Ёлка уже пылала... Приехали пожарные

Тетя Вера и дядя Гоша

машины и быстро затушили пожар. Сильно никто не пострадал, но у нашей мамы опалились волосы. И этот Новый год запомнился нам на всю жизнь.

Вскоре после этого — летом 1941 года — началась война. Мы жили в тылу. У нас не стреляли, не убивали, но все здесь работали на фронт. Всех здоровых мужчин забрали на войну. Забрали и дядю Гошу. Тётя Вера работала в роддоме акушеркой: она любила новорожденных детей и ухаживала за ними. Один раз она взяла меня с собой на работу и показала мне всех детишек, которые были в детском отделении. Один мальчик сосал соску, некоторые плакали, другие же спокойно спали. Все они были такие интересные, красненькие, пухленькие... (Позже, когда я была уже замужем, мои многие детки родились именно в этом роддоме).

Мама зарабатывала деньги на жизнь шитьём. Она работала дома. Люди приносили перешивать, перелицовывать пальто, куртки. Помню за то, чтобы сшить пальто, она брала 100 рублей. Это были небольшие деньги, но нам хватало на жизнь.

В 1942 году умерла бабушка. Мы похоронили её на старом кладбище на улице Ленина. В связи с тем, что на кладбище уже не было места, людей стали хоронить на пустыре за забором, могилы копали до самой дороги. Оставляли только тротуар. Первое время мы с мамой часто посещали бабушкину могилку, но потом потеряли её и не смогли найти — венки украли, никаких ориентиров не было, номеров на дощечках не было, столбиков не ставили. И остались эти могилки безымянными...

Потом пришло известие, что дядя Гоша ранен. Он лечился в госпитале, а после лечения его отправили домой, так как у него был поврежден коленный сустав, и нога в колене не сгибалась. При ходьбе он поднимал ногу вместе с туловищем, но тётя Вера была рада, что он вернулся живым. Он снова стал работать на старом месте. Через год у них родился мальчик — Жорик, хорошенький, спокойный, симпатичный малыш с кудрявыми волосами. Жить во время войны было трудно. Мама стала шить чёрные плюшевые пальто, затем с дядей Гошей они ездили на автобусах в соседние города и поселки, чтобы поменять пальто

на зерно. Мешки с зерном привозили тоже на автобусах или на грузовых машинах. Привезённое зерно возили на тележках на мельницу. Мельница была далеко в Кош-Карчах на саю (сай — это прибрежная мель). Хотя это было и очень далеко, но выбора не было, ездили только туда и часто подолгу ждали в очереди. Зато домой привозили муку. Эту муку просеивала я. Это была моя работа. Я научилась владеть ситом, и эта работа мне нравилась. Мука сыпется через сито как снег. Да и я была беленькая, как напудренная. Помимо этого у меня было много и другой домашней работы. Мы замачивали плиточный жмых в больших чугунах. Сверху он становился мягким, и мы ножом счищали размягченный слой. Иногда нож срывался, и я резала себе колёно. Жмых добавляли в шелуху и кормили скот.

Молитвенных домов в то время не было. Верующие собирались по домам. Детей с собой не брали. Часто приходили с собрания очень поздно. Света электрического тогда еще не было, и помещения освещались керосиновыми лампами. Но даже и керосиновые лампы мы не могли зажигать всегда — это было роскошью. Жгли «мангалки» — в маленькие бутылочки наливали масло, вырезали круглую железочку от консервной банки, делали посередине отверстие, вставляли фитилёк, зажигали — и это было наше освещение.

Когда мне исполнилось семь с половиной лет, я пошла в школу. Все мы учились в школе № 5 по улице Дзержинского. Виня пошел в школу раньше меня на два года. Я и раньше часто приходила в школу в Винин класс, и меня почему-то все любили. Его одноклассники спрашивают: «А ты писать умеешь?» «Да», — говорю. «А ну, напиши что-нибудь!» И я пишу «8» — восьмёрку. Они спрашивают: «Это сколько?» Я говорю: «Семь». И все закатываются со смеху, и я смеюсь вместе с ними, не понимая, что я ошиблась.

Моя первая учительница — Татьяна Георгиевна — была молодая, лет двадцати семи, очень красивая и стройная. Хорошо одевалась. Мы её все очень любили. Но она была строгая. Однажды мы писали диктант. Учительница напишет предложение на доске. Мы должны прочитать предложение, хорошо

посмотреть, как оно пишется. Затем учительница стирает его и говорит: «Пишите!» Только после этого мы должны писать. Я хорошо писала, без ошибок. Посмотрю и знаю, как писать. Не смотрю больше на доску, и пишу на контрольном листе. Татьяна Георгиевна подумала, что я списываю с доски, и поставила мне кол — громадную «единицу» красным карандашом на всю страницу. Я обиделась, расплакалась и ушла домой. Мама не могла меня утешить, я плакала, что учительница несправедливо поставила мне «единицу». Ведь училась я на одни пятерки, была отличницей.

Конечно, сначала мы учили буквы. Букварь мне очень нравился. Буквы я знала, а читать не умела. Учительница нам прочитывала то, что задавала на дом. Я точно запоминала всё по порядку. Дома маме «читала» смело. А однажды она спросила меня вразброс — и я не смогла прочитать. И тогда мама поняла, как я «хорошо» читаю. Помню, читали про Луну. После этого я научилась читать сначала по слогам, а затем и сразу всё слово.

Виня любил читать книги. Он брал их в библиотеке. Большинство читал ночами при свете мангалки. Однажды он читал и уснул. Читал же в углу, где стоял комод. Комодом тогда служили три чемодана с вещами, поставленные друг на друга. На них была постелена белая простыня, а сверху лежала белая вязаная скатерть. Вечером на комод тётя Вера положила свою одежду, среди которой был красивый серый пуховый свитер. Он-то и вспыхнул от огня мангалки. Огонь стал разгораться, появился запах горелых вещей, и все проснулись. Взрослые быстро накинули одеяла на огонь и затушили пожар. Виню, конечно, после этого наказали. Мне тоже было очень жаль тётин свитер, потому что она мне очень нравилась в нём.

Детство, хоть и военное, но было очень интересное и весёлое. Вечерами все девочки и мальчики с улицы играли дотемна в «Борьбу за знамя», в прятки, пятнашки, разрывные цепи... Девочки ещё играли в классики, а мальчики в лянгу (азиатский вариант игры в сокс). Средняя Азия была тылом, и в наш город эвакуировали поляков. Летом их поселили в школах. Часто слышно было из классов, как они пели. Какие у них были мело-

дичные голоса! Пение было очень красивое. Мелодии были напевные, народные. Ближе к началу учебного года их расселили по домам. Одна семья поселилась в доме напротив нас. У них тоже были дети, которые быстро подружились с нами. Часто они угощали нас конфетами — подушечками разноцветными, очень ароматными и сладкими. Их родители делали конфеты сами. Они были очень добродушными, приглашали нас к себе в дом и даже разрешали посмотреть, как они делают конфеты. Густая разноцветная масса спадала сверху вниз сплошной полосой и заполняла формочки, разделяясь на маленькие конфетки, которые быстро застывали, посыпались сахаром и были готовы для продажи.

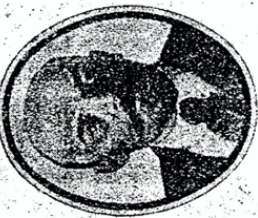
Во втором классе нас встретила другая учительница — Анна Владимировна. Она была пожилая, полная, добрая, умная, и с материнской любовью относилась к каждому ученику. Мы сначала расстроились, что нам не дали Татьяну Георгиевну, но оказалось, что летом она умерла от рака. Как нам было жалко такую молодую хорошую учительницу! Сейчас мне уже 65 лет, а я до сих пор помню свою первую учительницу — строгую, но справедливую, красивую, стройную. К Анне Владимировне мы привыкли очень быстро и полюбили её. Учебный материал она преподносила очень понятно, старалась использовать все свои знания и опыт. Меня Анна Владимировна почему-то любила больше всех. Я всегда знала заданные уроки, учеба давалась мне легко. И если кто-нибудь не знает урока и стоит у доски, краснея, она говорила: «Ну, Линушка, иди, расскажи». И я всегда шла и рассказывала, и всегда получала «отлично».

В нашем классе учились две девочки полячки — двойняшки Абби и Бэби. Они владели русским языком, и мы трое дружили. Их мама работала на маслозаводе. Она давала им в школу жареный хлеб. Какой же он был вкусный! Подружки угощали меня жареным хлебом, а я давала им простой, и все были довольны. Мне хватало даже делиться этим хлебом с братом Виней. Так мы дружили вместе, пока не закончилась война, и они не уехали домой в Польшу.

ЎЗСР МАОРИФ ХАЛҚ
КОМИССАРИЯТИ

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ УЗССР

ТАҚДИРНОМА ШОХВАЛБАНДАЯ ГРАМОТА

КЧИ СОИ..... (район, қишлоқ, шаҳар)

УКУЧИСИ

МАКТАБЛИҚИЗ

СИНФ

СО

(исм, фамилияси)

Берилди ўқувчи..... 2..... со классда.

Маърузи *Сурхай*..... школы № *5*

? *Ферган*..... (села, города и района)

Масъудов..... (фамилия и имя)

АЛО ЎҚИГАНИ ВА НАМУНАЛИ ХУДЖИ УЧУН
БЕРИЛДИ

..... йили..... 1943 й. г.

№ *16*

Мақтаб директори (муҳри)

Директор (зап.) и солы *Кисилметов*

ЗА ОТЛИЧНУЮ УЧЕБУ И ПРИМЕРНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ

Наш дом, в котором мы жили, находился на улице Пионерской № 20. Он был большой, и много людей находило в нем приют. В первой большой комнате, имевшей отдельный вход, жила мама Якова Григорьевича Скорнякова со своими детьми. Семья была большая, но жили они дружно, и не было никаких проблем. Следующие две комнаты, тоже с отдельным входом, занимала семья из пяти человек — дядя Ваня и тётя Лида — неверующие, и тётя Люба — жена дяди Мити, брата дяди Вани, с дочуркой Галей и бабушкой — они были верующие. Дядя Митя отказался брать оружие в руки и за это сидел в тюрьме. Ему дали 10 лет. Я часто нянчила Галю, после того как умерла их бабушка. Бабушку эту мы часто вспоминаем в нашей семье даже до сих пор, потому что эта бабушка была всегда голодная, и, если у нас что-то оставалось, мы всегда давали ей. Она всегда съедала всё и благодарила, желая нам, чтобы пища не оскудевала на нашем столе. И сейчас, когда у нас остаётся что-то, мы вспоминаем её: «Где та бабушка, которой можно отдать?»

Однажды, когда я нянчила Галю, и она была у меня на руках, я споткнулась и упала, и Галя стукнулась лбом о землю. На месте ушиба появилась большая шишка. Конечно, она вскоре прошла. Когда я была уже девушкой и жила в Ташкенте, там же жила и Галя, уже с папой, который вернулся из тюрьмы, с мамой и братьями. Она напоминала мне о шишке. Я же думаю, что это последствия рахита, так как было неполноценное питание.

В третьем классе, когда мне было 10 лет, я заболела корью. Прививки тогда никакие не делали, кроме как от брюшного тифа. Их делали под лопатку. Несколько дней после этого мы болели. Мальчики специально ударяли по месту укола, нам было очень больно, и мы возмущались. Когда я заболела корью, у меня появилась на теле красная сыпь. В школу с сыпью не разрешали ходить, и я пошла к врачу за справкой. Мне хотелось бы, чтобы со мной пошла мама, но у мамы было много дел, и она сказала мне: «Ты уже большая, сходи одна». Детская поликлиника от нас была далеко. Надо было идти по нашей Пионерской улице до озера Комсомольского, попасть на улицу

Конституции и ещё пройти несколько кварталов. Врач осмотрела меня и велела быстро идти домой и лечь в постель. Никуда не ходить и в школу тоже. Она объяснила мне, что у меня корь, что от меня могут заболеть другие дети, и поэтому я должна быть только дома. Она написала рецепт, с которым кто-нибудь должен сходить в аптеку, а мне прийти к ней снова через две недели. Радостная, я бежала домой — нельзя идти в школу! Но и сидеть дома мне не хотелось. У меня пока ничего не болело, температуры не было — как я могу лежать? Но к вечеру поднялась температура, и я слегла в постель. Иногда даже теряла сознание. Вообще в таком возрасте корь протекает очень тяжело. В больницу не клали, лечили дома. Медленно, но все же я поправилась. Тяжело было маме одной без папы воспитывать нас. Хотя мы редко болели, но тяжело.

Вскоре после меня заболел Виня. У него в горле появился нарыв, и он не мог глотать. Была высокая температура, две недели он ничего не ел, иногда терял сознание. Состояние все ухудшалось, и на выздоровление не было надежды. Мама уже приготовила ему одежду на похороны. Но всё же врачи решили ему сделать операцию, вскрыть этот нарыв. Они привязали его на столе и стали делать операцию. Хоть он и был очень слаб от болезни, но смог пнуть ногой медсестру, которая держала его. Думаю, что анестезия тогда была на очень низком уровне, и от сильной боли он так поступил. Операция прошла благополучно, и Виня поправился.

Болели мы с братом и малярией. Она бывает двух и трёхдневной. У Вини была коматозная малярия, но он лечился дома и выздоровел. Я же лежала в больнице. Городская больница была на улице Крупской. Как сейчас помню, пришла я в школу, было ещё рано. Я присела к стенке дома на солнышке, так как меня знобило. И больше я уже не встала, меня унесли домой с температурой, а затем положили в больницу. Лечащим врачом была Татьяна Константиновна Чекмарёва. Какая она была хорошая, добрая! Как внимательно она всех осматривала, так ласково разговаривала! Мы не могли дождаться обхода, чтобы увидеть её. Это был 1946 год. Однажды пришла мама на посе-

шение и принесла мне несколько больших красивых яблок. Я очень обрадовалась — мы не видели ничего такого, не могли позволить себе купить такие дорогие яблоки даже для больного. Потом мама говорит мне: «Линочка, а посмотри, кто это стоит рядом?» Я посмотрела и узнала: «Папа!» Я кинулась к нему в объятия. Он взял меня на руки, обнял и поцеловал. Я ощутила его сильные добрые руки. Какая радость — папа вернулся домой из тюрьмы! Теперь мы уже не будем полусироты, и мама не будет одна! Папу отпустили домой на год раньше за хорошую работу.

С возвращением папы жизнь наша сильно изменилась. Мама стала радостной и счастливой. Папа оказывал нам столько любви, ласки и внимания! Как стало хорошо! Первое время наша семья также жила вместе с дядей Гошей. Дядя Гоша научил папу делать женскую обувь. А продавали мы её на базаре. Вскоре папа и мама купили землю на задах нашего двора — узкая длинная полоса земли. Ворота выходили на соседнюю Памирскую улицу. На этой земле в самом конце папа построил дом из двух комнат. Первая — входная — кухня и вторая, где мы спали, где мама шила — это был наш зал. Как мы были рады, что имеем свое жильё! До этого жили в доме, но это был дом дяди Гоши. Спасибо ему, что он так помог маме и нам, когда не было папы. И тётя Вера к нам хорошо относилась. Слава Богу и благодарность ей!

Помню, за всё моё детство наказывали меня два раза. Один раз, когда все ребята с улицы собрались идти за тутовником (шелковицей). Виня попросил меня спросить разрешение у бабушки и взять бидончик. Я думала, что бабушка нас не отпустит, поэтому потихоньку прокралась, взяла бидончик и ушмыгнула на улицу. Вине сказала, что бабушка отпустила. Ребята хотели возвратиться быстро, но не могли остановиться. Мы шли по полям за мечетью и дальше к железнодорожному поезду на Беш-Боле. Уже давно набрали все по полным бидончикам, но чем дальше шли, тем тутовник становился всё крупнее и слаще... Сопливый тутовник — это очень сладкий, сочный тутовник. Его ешь и не можешь наесться. И красный, и

чёрный, и белый и сиреневый — даже глаза разбегаются. Когда вернулись домой, нас уже искали везде, но нигде не могли найти. Виня спокойно вернулся, думая, что бабушка нас отпустила. Я призналась, что обманула Виню, думая что бабушка нас не отпустит, что тайком взяла бидончик и убежала. Меня наказали. Это было моё первое наказание. Я стояла на коленях сперва на кукурузе, затем на крупной соли. Я не любила просить прощение. Знала, что я виновата, и хотя бабушка несколько раз проходила мимо, но я молчала и стояла на коленях. Уже все пошли спать, а я всё стояла. Виня уговаривал меня: «Ну попроси прощение у бабушки. Скажи, что больше не будешь так поступать, и бабушка простит тебя». Но мне это трудно было сказать. Только когда все уже ушли спать, я пришла к бабушке и попросила у неё прощение. Бабушка простила и поцеловала меня. Перед сном мы всегда молились с бабушкой. Один раз я уснула раньше и не помолилась. Ночью мне приснился страшный сон. Я проснулась и прибежала к бабушке. Бабушка мне сказала: «Это потому, что не помолилась вечером и не попросила у Иисуса охраны на ночь». С тех пор я никогда не ложилась спать не помолившись.

Второй раз меня наказывали — били ремнем. Меня обвинили в одной лжи, а я не соглашалась. Я была очень упрямая. Дядя Гоша держал меня между колен, а мама била ремнем. И хотя я получила наказание, осталась на своем.

Из детства помню еще один интересный случай. Я пошла провожать свою подружку домой и надела на себя мамину коричневую косынку из креп-жоржета (вид шёлковой ткани), которую мама надевала на собрание. Мы шли с подругой по улице Памирской до Скобелева, затем пошли по железной дороге до маслозавода. Я не хотела провожать её так далеко, но мы заговорились, и все шли и шли... На железной дороге к нам присоединилась девочка-цыганка и пошла с нами. Потом она говорит: «Какой у тебя красивый платок, дай примерить». Я дала ей. Мы шли дальше и разговаривали. Я не заметила, как платок с головы цыганки исчез. Говорю ей: «Отдай платок!» Она говорит: «Какой платок? Видишь, у меня нет никакого платка». И

ушла от нас. Я плакала, как я признаюсь маме, что у меня девочка-цыганка украла её платок. И решила совсем не говорить ей ничего про платок. Мама долго искала его, так и не нашла, а я промолчала. И это было на совести моей, глодало меня, что я скрыла это от мамы. Призналась ей в этом и попросила прощения уже когда покаялась в 17 лет.

Когда окончилась война, разрешили верующим собираться на богослужения. И потихоньку число верующих стало увеличиваться.

Ферганская церковь

Папа

Сначала один брат, живший на улице Навойи, пригласил к себе в дом всех братьев и сестёр. Так в его доме стали проходить благословенные собрания. Люди истосковались по общению. Сколько было радости! Стали приходить на собрания души, которые уже в течение нескольких лет не имели

общений. Но вскоре этого места не стало хватать. Дом не мог вместить всех желающих послушать Слово Божие. Тогда всех пригласил к себе брат Дубинин, который жил по улице 1 Мая. Собрания проходили в его дворе под виноградником. Летом виноградник предохранял от жары. Большие кисти винограда висели над нашими головами. Теперь мама всегда брала нас с собой на собрание. Другие верующие тоже приводили своих детей, так что уже много детей стали посещать собрания. А к тому времени, как папа вернулся из тюрьмы, верующие уже купили для Церкви Молитвенный дом по улице Крупской. В этом доме ещё и сейчас собирается Ферганская зарегистрированная церковь ЕХБ.

По Воскресеньям утром папа всегда читал нам Слово Божие, затем мы все по порядку молились. Потом пели какой-нибудь из наших любимых семейных гимнов: «Я люблю Тебя, Боже, люблю всей душой», «Когда одолеют тебя испытанья», «Полн любви к душе моей», «К неземной стране», «О, я грешник бедный», «Книга Богом мне дана», «Мне в детстве мама говорила, дитя, почаще ты молись» и многие другие... После завтрака мы шли в собрание, как на праздник. Собрания были очень интересные! Были очень хорошие проповедники, пел прекрасный хор! Были хорошие регенты, были и хорошие голоса, которые исполняли чудесные сольные партии. Соло исполняли в сопрано мама, тётя Маруся Тырсенко, Нина Чимирина и другие. В басах прекрасно пел дядя Гоша. В альтях пела тётя Галя Бабицкая, Матрёна Ивановна. В тенорах — дядя Ваня Крамаренко. После собрания мы всегда заходили в кафе покушать мороженное. Это, конечно, не такое кафе, как сейчас, а просто на улице было приспособлено место: расставлены столики, сделана тень от солнца и рядом в ларьке готовили мороженное. Желающие могли садиться за столики и их обслуживали работницы — приносили заказанное мороженное. Какое оно было вкусное! Нас было четверо: папа, мама, Виня и я. Нам было возможно позволить себе купить мороженное, так как папа работал, и мама подрабатывала шитьём. Как мы были тогда счастливы! Папа был с нами, и мама расцвела, стала такой радостной и счастли-

вой! Она также шила и зарабатывала деньги для семьи, а папа работал токарем на заводе. Когда мы купили участок и построили свой дом, мы купили корову. Держали также поросёнка, уток и кур. Так интересно было утром заходить в кладовку и набирать на полу много утиных яиц! Курочки неслись в своих гнёздах. Часто, когда мы купались в арыке (это небольшой оросительный канал), находили гнёзда с утиными яйцами, так как утки плавали в этом арыке и часто неслись где-нибудь в траве на берегу. Арык протекал по нашей улице, и нам было очень удобно купаться в любое время, когда захотим. Летом во время каникул мы с Виней ходили за травой берёзкой (полевым выюнком). Ходили далеко в Кош-Карчи, даже за сай. Сейчас, вспоминая, думаю, как мы могли так далеко ходить пешком? Да ещё нести на плечах набитые травой мешки?! Виня свою траву продавал, а моей травой кормили корову.

Мы уже стали постарше. Собrania для нас были необходимостью. Мы сами читали Слово Божие, по вечерам пели в семье гимны, вместе молились. Среди проповедников очень любили Чекмарёва Петра Ивановича, Маслякова, Литвинова Игната Прокопьевича. Очень содержательные захватывающие проповеди говорил наш папа. Из всех верующих нашей церкви мы больше всех любили Чекмарёва Петра Ивановича. Он изливал из себя лучи света, добра и ласки. Был очень внимателен ко всем. Выходец из дворянской семьи, он был очень образованный, интеллигентный, владел несколькими иностранными языками. Всех приглашал к себе домой. Его правилом было, кто бы ни пришёл в его дом, он усаживал за стол, и за чашкой чая или кофе мирно беседовал, выслушивал, давал добрые советы. Это был дом, где могла найти успокоение любая истомлённая душа. Сколько юных сердец покаялось в его доме! В нашей церкви он был учителем. Пресвитером был Масляков. Его мы тоже любили особо. Он всегда был радостный, переполненный искренней христианской любовью. Вспоминаю сейчас, в то время были все такие простые, с открытым сердцем, искренние. Действительно горели первой любовью. Регентами были Игнат Прокопьевич Литвинов, Иона Семёнович Ткач и Ваня Крамаренко.

В Фергану стали приезжать верующие из других мест, так как жизнь в Фергане была легче. Зима была короткая и не суровая. Молодёжь в собрании была дружная. Начались покаяния, особенно после приезда Грачёва Юрия Сергеевича в 1948 году. У него был дар — призывать грешников к покаянию. Помню, собралась молодёжь в нашем доме. Юрий Сергеевич с тремя сестрами зашёл в соседнюю комнату, побеседовал — и вот они уже выходят оттуда со слезами радости на глазах. Они покались. И много покалось в те дни молодёжи. Мне очень понравился Юрий Сергеевич. Мне было всего 12 лет. Мне он подарил открытку «Иисус Христос — Добрый Пастырь». Она была очень красочная: Иисус Христос несёт на руках маленькую овечку, а рядом с Ним и за Ним идёт много других овечек... На молодёжном общении он подарил всем записные книжки в кожаном переплёте для записи Золотых стихов из Библии. На первой странице каждой из них было написано: *«Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно» 1 Тим.4-16.*

В центре: папа, Петр Иванович Чекмарев и Юрий Сергеевич Грачев. Внизу я в белом фартуке с Евангелием в руках. Мне 12 лет

Как-то в Воскресенье днём после утреннего собрания вся молодёжь собралась в доме Петра Ивановича Чекмарёва. Этот

дом находился в центре города возле городского рынка. Он состоял из красивой террасы со ступеньками, прихожей комнаты и очень большого зала. В этом зале всегда принимали гостей. На этот раз гостей было очень много. Пригласили также папу с мамой. Они взяли с собой Виню, меня и маленькую Милочку. Она родилась в 1948 году. Общение было в честь дня рождения Юрия Сергеевича. Молодёжь и Юрий Сергеевич попросили папу с мамой рассказать о своей жизни: как они нашли друг друга, как узнали волю Божию, как прошла свадьба. Папа восторженно рассказывал, как Бог дал им чудно найти друг друга, как узнали волю Божию, как мама согласилась выйти за него, заключённого, замуж, как прошла свадьба. Как он восхищался, что Бог послал ему жену — истинную христианку-красавицу. Когда рассказывал о свадьбе, то слёзы наполнили его глаза... На их свадьбе не было гостей... Приехавший брат пресвитер, старичок, сочел их в доме одного брата-старца в городе Мариинске, где папа сидел в тюрьме. Никто не пел им свадебных песен, хотя оба были хористами... Тогда Юрий Сергеевич попросил молодёжь, чтобы спели папе и маме все свадебные гимны. Мама и папа плакали, видя, как Господь восполняет то, что не могло быть сделано раньше.

Ещё можно вспомнить из тех времён то, что летом мы ходили на базар собирать арбузные корки. Я брала байковое одеяло, красивое эмалированное блюдо, острый нож и мешок. На базаре, где-нибудь в сторонке около стены или закрытого ларька, или около дерева в тени, я расстилала одеяло, клала в центр блюдо и ожидала тех, кто пожелает сесть ко мне и покушать арбуз или дыню. Обычно это были мужчины-узбеки. Женщины, в основном, работали на полях или сидели дома с маленькими детьми. Иногда что-то продавали на базаре. Мужчины же сидели в чайхане, пили чай и обсуждали новости, мимоходом ели манты или плов прямо на улице, где их продавали, а потом ели арбуз или дыню. Они съедали арбуз, а шкурки оставались нам. К вечеру мешок со шкурками был полным. Так как много было нас таких, кому нужны были шкурки, то приходилось не зевать, а просить людей сесть на твою подстилку. Обычно я зва-

ла: «Эй, тога, бака келинг!» По-русски это значило: «Дяденька, иди сюда!» И они с охотой садились на моё одеяло. Полный мешок я поднимала на плечи и несла домой. Мешок был весь мокрый, сладкий сок бежал по моим плечам, и я приходила домой совсем липкая. Зато разрешали сразу идти купаться. Хорошо, что арык протекал рядом, далеко не надо было идти. Вода в нём была чистая, проточная. Однажды был случай: со мной на базар за шкурками пошёл мой двоюродный брат Жорик. На базаре он потерялся. Его взяли в детскую комнату. Я принесла шкурки домой, и мы их перебрали. Те, что были обрезаны ножом, мы обмывали и ели. Или если арбуз был не сладкий, узбеки отдавали нам его целиком, а мы ели и не сладкие. Так, пока Жорика нашли и привели домой, мы уже все шкурки обглодали, и Жорик плакал, что ему ничего не досталось. А рано утром я ходила на кирзовую фабрику продавать молоко. Мы продавали цельное молоко, неснятое, и поэтому наше молоко быстро покупали. Я ходила по Памирской улице, по дороге заходила к Бабицким и вместе с их дочкой Любой мы ходили продавать молоко. У них тоже была корова, и они тоже продавали молоко.

Семья наша росла. В 1950 году родился ещё один мальчик — Володя. Он был хорошенький собой и спокойный. Стараюсь вспомнить наш тот домик в Фергане. Пола не было. Сначала насыпали шлак, а затем смазали глиной. И так временами смазывали его, чтобы освежить. Не было никаких половиков, паласов или ковров — был простой земляной пол. Но была радость, что есть свой кров. Все были довольные, счастливые. Папа всё ещё работал на старом месте, мама всё также шила. Этим она зарабатывала деньги, чтобы мы могли покупать продукты. Молодёжь — сёстры — заказывали маме платья. Она шила очень красивые платья из крепдешина. Сёстры многие работали и позволяли себе одеваться красиво. Фасоны мама могла выполнять любые. Тогда делали на юбке сверху с двух сторон сборочки — «вафли». И на блузке сверху с двух сторон тоже. Я смотрела, когда они делали примерки, любовалась, но знала, что я долго не смогу позволить себе такие красивые, но дорогие платья.

В День Брака, 17^{ти} 32^а.

16го Марта 1932 года.

Папаша приехала из дому (Боготай) в г. Мариинск и пришла ко мне на свидание в тюрьму. Комедантура и охрана ее уже знали, что эта девушка уже целый год посещает эту пятиэтажную тюрьму, потому что у ней есть там младший камерный, его так-же все знали в тюрьме и начальство и заключенные.

Меня вызвали на свидание. Когда я увидел ее, то с ней рядом сидел красивый человек, это был прокурор.

После свидания я зашел в казенный камерный тюрьмы, обвещался что ко мне приехала моя невеста.

Начальник дол мне отпустил в город на пять дней 16го Марта.

После работы в Логане ноги я уже бегал к квартире, был мороз. Одна встретила меня в одной блузке. В 4^{ти} ночи 17 Марта в доме девушки, приехавшей ко мне посетил будничная невеста.

Написано папиной рукой в семейный альбом

Осенью папа заболел. У него был радикулит. Он не мог вставать. Врач и медсестра приходили и делали ему горячие уколы магнезии на дому. Больничный ещё не закончился, он мог ещё с трудом вставать, как вдруг приехали люди с красными фуражками и начали делать обыск. Перевернули всё. Забрали Библии, нотные сборники, журналы, книги, наши тетради с гимнами и стихотворениями. Забрали и папу, сказав: «Всех, которые сидели по 58 статье, дали распоряжение снова посадить».

Мама опять осталась одна с четырьмя детьми. Вене было 17 лет, а мне 15. Я пошла уже в восьмой класс. Тогда, начиная с восьмого класса, обучение сделали платным. Мне обещали, что освободят от платы, так как папа сидит в тюрьме. Но меня, как отличницу, заставляли вступить в комсомол. Но я уже всё понимала. Я понимала, что коммунисты — враги верующих. Они сажают верующих в тюрьму. И комсомол — это тоже их безбожная организация! Я сказала директору школы, что я никогда не вступлю в комсомол. Тут нашлось для меня место работы курьером в райисполкоме, и я устроилась на работу. Учиться перешла в вечернюю школу рабочей молодёжи №2. Мой брат тоже ходил в вечернюю школу. И мне было хорошо, мы учились вместе. В вечерней школе я была лучшей ученицей в классе. Среди взрослой молодёжи — я — маленькая 15-летняя девочка всегда всё знала, никогда не пропускала уроков и всем помогала, кто нуждался в помощи. На работе я должна была разносить под роспись в журнале разные документы в облисполком, горисполком и другие ведомства. За это я получала 350 рублей в месяц. Секретарь-машинистка любила меня и научила печатать на пишущей машинке за то, что я часто помогала ей: диктовала то, что надо было печатать. А печатать ей приходилось большие цифровые сводки о сборе хлопка по всем районам Ферганской области.

Мама ходила к папе на свидания. Свидания давали очень редко и только поздно вечером после 10 часов. Папа сидел в подвале МВД. Это здание и сейчас ещё стоит на том же месте. Там всё также Управление внутренних дел. Подвал — это

бетонное здание, разделённое на камеры, в которых сидели заключённые до суда. В тюрьме условия были лучше, но папу держали в подвале до конца, пока не пришло распоряжение сослать его в Северный Казахстан в город Кустанай. 4 ноября были выборы, и мама пошла голосовать ради того, чтобы купить нам что-нибудь вкусное. Раньше в избирательных пунктах продавали дефицитные продукты — колбасу, конфеты, печенье, чего нельзя было купить в магазинах. Поэтому все дети ждали выборов.

Милочка

Мама ушла. Мы с Виней остались дома. Потом через некоторое время мы хватились — нигде нет Милы. Стали везде искать: дома, у соседей, проверили все арыки — не утонула ли? Её нигде не было. Ни у кого из соседей её тоже не было, и никто не видел её. Тогда мы подумали, что мама взяла её с собой, и стали ждать маму. Когда мама вернулась домой, прошло очень много времени. Оказалось, мама не брала её. Снова стали бегать и искать. Виня до-

бежал до базара, зашёл в детскую комнату и на всякий случай спросил, не видели ли они маленькую девочку? Они сказали: «Да, маленькая девочка была, но так как никто её не искал, её отправили в детский дом». Ещё они рассказали, что девочка искала маму на базаре, люди старались найти маму, но так как её нигде не было, девочку отвели в детскую комнату, а уже потом в детский дом. Виня мигом прибежал домой, рассказал нам, что Мила нашлась, и хоть она оказалась в детском доме, мы были рады, что она живая, что не утонула и не потерялась. Все вместе мы пошли в детский дом. Было уже 5 часов вечера. К нам вышла заведующая детским домом и сказала, что действительно девочка поступила к ним недавно из детской комнаты

на базаре. Она спросила фамилию, имя и дату рождения. Затем она провела нас в зал, где у них в это время проходил митинг в честь Октябрьской революции и показывали небольшой концерт. Мила сидела в первом ряду. Она сидела тихо, не плакала. Мы убедились, что это действительно она, и хотели забрать её домой. Но заведующая, узнав, что папа сидит в тюрьме, предложила оставить Милу на некоторое время в детском доме, а когда мы захотим, в любое время можем забрать её. Платы никакой не надо. На решение она дала один день. Мы ушли домой без Милы... Мы не хотели её оставлять, хотя и трудно было нам, мы хотели забрать её домой. Другие советовали оставить на время — там хороший уход, еда и учат как в детском саду. Скрепя сердце, мама согласилась оставить её на время. Мы пришли к Миле на посещение в первое Воскресение. Мила вышла к нам и была как чужая. Не кинулась ни на кого обнимать от радости, не улыбнулась и не сказала ни одного слова. Ничего не ела из того, что мы принесли. Как сжималось сердце мамы, как она плакала... Мы тоже еле сдерживались. То же было и в следующее Воскресенье. Но потом она повеселела, стала общительной и привыкла к новой жизни. Стала рассказывать стихи, которые они там учили. Помню, она рассказывала:

*Дядя Ленин я хочу писать.
Я хочу писать и рисовать.
Дай мне карандашик и тетрадь!
Ленин улыбнулся: «На, пиши!»
И цветные дал карандаши.*

Или:

*Ну-ка, пёсик, черный носик.
Станем, брат, учиться.
Встань прямее, будь умнее —
Дело не годится.*

Так пробежала зима. Весной папу собирались отправить в ссылку. Маме дали последнее свидание и разрешили прийти

с детьми. В 10 часов вечера мы были в МВД. Нас пропустили к папиному следователю. Мы сидели у него в кабинете и ждали папу. На это свидание мы взяли и Милу из детдома. Мама и четверо детей долго ждали папу. Наконец, его ввели. Мы все бросились к нему: «Папочка!» Следователь не мешал. Разрешил папе взять на руки Вову и Милу. Мы с Виней стояли рядом, прижавшись к нему. Папа говорил нам: «Потерпите, детки. Скоро снова будем вместе. Скоро на новом месте будем жить счастливо, и нам всем будет хорошо». Он утешал и жалел маму. «Бедная моя, Пашенька, сколько тебе приходится переносить... Вот опять ты одна... Но успокойся, скоро снова будем вместе. Тебе будет легче. Я буду очень жалеть тебя...» Свидание кончилось. Мы попрощались с папой и поцеловали его. После этого мы решили Милу больше в детдом не отправлять.

На следующий день мама ходила в детдом и сказала заведующей, что мы скоро уезжаем, и поэтому Милу оставляем уже дома. Мама поблагодарила заведующую за доброе сердце и за хорошее обращение с детьми. Решили в семье, что папа пока поедет в ссылку один, устроится на работу, а потом мы приедем, когда закончим школу. И когда мы окончили школу, то продали дом и поехали в Кустанай. Мама взяла с собой самые необходимые вещи. Всё упаковала в мешки. К мешкам приделала лямки, чтобы мы могли нести — Виня и я. Мама в руках несла Володю, а Мила шла сама. Мы с вещами приехали в Горчаково на автобусе. Там долго ждали поезда. Но вот он подошёл. Нас провожал дядя Гоша. Он помог погрузить вещи в поезд. И вот мы уже в пути...

Ехать было очень интересно. Мы всё время смотрели в окно. Мама приготовила много разной еды в дорогу, и мы с аппетитом ели. Так доехали до Оренбурга. В Оренбурге была пересадка. Когда остановился поезд, мы стали вытаскивать вещи. Мама с малышами караулила вещи в поезде, я караулила на перроне, а Виня таскал вещи из вагона на перрон. Всего было у нас 18 мест — целая куча! Выгрузились благополучно, всё было в целости. Но тут заставили нас носить вещи на весы. Говорят, что у нас будет перевес, и надо доплачивать. Мама упрашивала

пропустить не взвешивая, но безжалостные люди не пожалели одинокую мать с четырьмя детьми. Заставили взвесить и запла- тить за лишний вес. Вскоре и это было позади. Подошёл поезд, на котором мы должны были продолжать путешествие до Ку- станая уже без пересадок. Как мы ожидали встречи с папой! Всё для нас было ново и интересно! Мы смотрели в окно. Одна панорама сменялась другой... Вскоре пошли леса. Стало зелено кругом. Узбекские хлопковые поля сменились казахскими сте- пями, и здесь уже были зелёные насаждения. В Кустанай мы приехали днём. Папа уже ждал нас на вокзале. Он быстро помог нам выгрузить вещи, расцеловал каждого! Как нам было хоро- шо! Папа сильный и заботливый! И мама стала такая радостная и счастливая! Папа нанял повозку с лошадью, мы загрузили все вещи, сами сели и поехали. Вскоре телега подъехала к одному домику. Улица широкая. Дома стоят ровно, но никаких заборов. Посреди улицы недалеко от нашего дома был колодец. Наш дом — землянка. Два окна на улицу, низ окон почти вровень с зем- лёй. Маленький палисадник, и в нём три зеленых кустарника. Мы вошли во двор, затем в дом. Сначала шёл коридор или сени, затем кухня с русской печкой и дальше — большая светлая ком- ната, та которая выходит окнами на улицу. Действительно, от- кроешь окно — и сразу земля. Сама же комната нормальной высоты. Здесь стояли две кровати — одна для меня, другая для Вины. Мама и папа расположились в первой комнате со все- ми маленькими детьми. Там стояла двуспальная кровать. Дети спали на русской печи. Лежанка на русской печи была вмести- тельная, там вполне мог спать взрослый человек. Нам все было интересно и всё нравилось. Папа показал нам ведро картошки, которая стоила всего 1 рубль. Картошка крупная, чистая. Рядом стояло ведро, полное рыбы, она ещё шевелилась в ведре. Это ведро стоило 2 рубля. Мы покушали, что папа приготовил нам, и пошли всей семьёй на речку Тобол. Как пахло там травой! Как легко дышалось! Мы бегали и кричали от радости, от радости встречи с папой, от такой свободы и красивой большой речки! Мы искупались, посидели на берегу, отдохнули, затем пошли домой. На речку мы ходили очень часто.

Началась новая жизнь. Мы ходили с папой на собрания. Собрания проходили в доме у одной старушки. Народу было мало. Наша семья, семья Прохора Васильевича и ещё кое-кто. Все сидели на лавках. У стены стоял стол — он служил кафедрой. Проповеди были короткие и простые. Пели общим пением. Помню, что проповедовала и эта бабушка, — хозяйка дома. Сначала она перечитывала пропетый гимн, объясняла его, затем читала Слово Божие на эту же тему. Объясняла кратко, просто и понятно. И мы слушали её, затаив дыхание. Мы имели страх Божий. Мы любили Бога и всё воспринимали с благоговением. Всё нам нравилось, всем были довольны. Виня пошел учиться в 10 класс в вечернюю школу. Я пошла в 9 класс в эту же школу и устроилась на работу на телеграф — телеграфисткой. Зарплата была 375 рублей в месяц. Сначала нас, молодых девушек, учили азбуке Морзе. И мы стали «морзистками». Принимали и передавали телеграммы по аппаратам Морзе. Я очень быстро выучила всю азбуку. На аппарате было интересно работать: точка, тире, точка, тире... Тук, тук, тук, тук... После Морзе мы выучили Бодо — это тоже электрический аппарат на телеграфе — там пять клавиш — две слева и три справа. Если нажмёшь все пять клавиш, выходит буква П. Если три справа — буква О, и т.д. Этот аппарат я тоже быстро выучила. Здесь уже печатались настоящие буквы. Ленты с этими буквами наклеивали на бланки телеграмм и отправляли адресату. Это были настоящие телеграммы. В то время уже появились аппараты — телетайп. В них клавиатура была как у пишущей машинки с буквами. Печатать надо было, несмотря на клавиатуру. Смотришь, как печатается текст, чтобы не было ошибок, а пальцы сами нажимают нужные буквы. На этом аппарате я только училась, но не работала, так как меня переводили с места на место, где не хватало работников. Я работала корректором телеграмм, т.е. проверяла, правильно ли написаны телеграммы, которые принимали от людей и организаций. Если были ошибки, я исправляла. Мне это доверяли, так как я хорошо знала русский язык, писала грамотно и поэтому могла быстро заметить ошибки. Когда было некому работать на кассе, я работала приёмщиком телеграмм.

Любая работа мне нравилась. Я хорошо работала, и меня все любили. В школе я училась тоже хорошо. Вскоре папа вызвал к нам в Кустанай свою сестру Марию с двумя детьми — Аллой и Павликом. Мужа тётки Марии звали Павлик. Их фамилия была Чигалейчик. Он ушёл на войну и пропал без вести. Тётя Маруся сама воспитывала своих детей. Ей было, конечно, очень тяжело, и папа решил помочь ей. Вскоре они приехали. Мы сразу подружились. Алла была старше меня на год, но она пошла в школу со мной вместе в 9 класс, и мы сидели с ней за одной партой. Мне очень нравилась учительница по русскому языку и литературе. Она была среднего роста, стройная. Всегда красиво одевалась. Особенно мне нравилось на ней коричневое вельветовое платье. Я старалась подражать ей во всём. Мама мне сшила новое фланелевое платье, и я попросила её сделать фасон платья учительницы.

Была зима. Снега навалило очень много. Сапог таких, как сейчас носят, не было. Носили резиновые боты. Я тоже надевала новые резиновые боты и капроновые чулки. Пока добежишь с работы до дома — коленки становятся как деревянные. Кончик носа белеет, щёки красные от мороза. Мороз трескучий. Снег скрипит под ногами. Да, в Кустанае был суровый климат! Недаром туда ссылали заключённых. Зимы были холодные и длинные. В мае на демонстрацию ходили в пальто. Часто были выюги. Снег несётся с воем, провода звенят... Часто были ветры. Когда не было снега, ветер нёс песок. Недалеко от нашего дома был большой овраг. Через него был протянут железный мост, но он был немного в стороне. И мы ленились идти до моста, а бежали или шли через овраг. Он был всегда пустой. Да, мы были молодые, сильные и здоровые. И это препятствие для нас ничего не значило. Виня зимой закалялся, бегал босиком по снегу, упражнялся ежедневно до тех пор, пока не обморозил себе пальцы на ногах. С тех пор он перестал бегать по снегу босиком. Наконец, зима кончилась и пришла весна. Мама купила нам с Аллой два отреза штапельного материала на платья. Один — с желтыми розочками, другой — с розовыми. Мне достался с желтыми розочками. Нам с Аллой заказали у брата Крылова

туфли на высоком каблуке. Они получились очень красивыми. И вот я первый раз в жизни в семнадцать лет надела туфли на высоком каблуке. Капроновые чулки, красивое новое штапельное платье и тёмно-зелёный костюм с брошкой — фосфористой розочкой. Вечером она светилась. На голове была новая шляпка. Вот мой портрет в 17 лет.

Летом Виня кончил 10 класс и уехал в Ташкент поступать учиться на врача в Ташкентский медицинский институт. Он поступил, но без стипендии, так как получил на экзамене «тройку». А с «тройками» стипендию не давали. Мы пообещали, что будем ему помогать, только пусть учится. Жить было где — дядя Гоша с тётёй Верой разрешили ему жить у них. В Кустанай же стало съезжаться очень много верующих, так как услышали, что там легче прожить, всё дешёво... и дома, и продукты. Церковь стала быстро увеличиваться. Уже не могли собираться у бабушки и купили свой Молитвенный дом. Приехал и пресвитер — Крылов. Он говорил хорошие проповеди, организовал церковь, появился хор. Правда, молодёжи было немного. У многих дети были ещё маленькие. Мы были несмелые. Могли петь, посещать собрания. Иногда я с мамой или одна ходила посещать больных. Мама пекла пирожки из белой муки, давала молоко, и это мы носили больным. Посещали больше братьев и сестёр немцев. Их очень много было в Кустанайской области, все были сосланы. У них были свои собрания, но мы дружили. Иногда они приходили к нам на собрания и очень красиво пели.

Мне было уже 17 лет. Я понимала, что должна покаяться. Каяться вроде бы не в чем было: маму я слушалась, не обманывала, помогала ей всегда, когда могла в домашней работе. Но Слово Божие в собрании действовало через Духа Святого. И понятие, что ты должен родиться свыше, — не давало покоя. Особенно тяжело становилось, когда было хлебопреломление. Я сильно переживала, что не могу как все участвовать в этой заповеди, что все участвующие — святые, достойные, а я... Както зимой в собрание приехал один брат из другого города. Он говорил такую хорошую проповедь о покаянии. Дух Святой так касался моего сердца, я несколько раз порывалась выйти, чтобы

покаяться... Но всё медлила... Не могла встать с места. Он кончил призывать... Проповедь закончилась, стали петь... Теперь уже неудобно было выходить. Я плакала, но надеялась, что после собрания подойду к этому брату и скажу ему, что я хотела покаяться и не могла... Попрошу у него прощения. Но и этого не сделала. Мой папа пригласил брата к нам домой на обед. И дома я постеснялась подойти к нему и рассказать о своём состоянии. Брат уехал... С этого момента я каждое Воскресенье ждала призыва к покаянию, но Дух Святой больше не касался моего сердца. Я очень боялась, что придёт Христос и возьмёт Своих детей, готовых, а я останусь на земле на мучения. Конечно, я знала Слово Божие и тешила себя надеждой, что ценой страданий смогу получить спасение. Я читала Слово Божие, молилась, но утешения не было. И вот 14 июня 1953 года на утреннем собрании пресвитер Крылов говорил проповедь о потерянной овечке, о том как Христос любит каждого погибшего грешника, как любя его, отдал Себя в жертву, как добровольно умирал на кресте, исполнив волю Отца Своего. И Золотой стих Библии достиг сердца: *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* Ин. 3:16. Первой вышла к кафедре со слезами раскаяния моя сестра Алла, следом за ней вышла и я. Я благодарила Бога, что Он, наконец, ответил на мои просьбы, услышал мои молитвы и дал мне дар покаяния. Я просила прощения у Бога за все мои грехи, я вспомнила всё, где я поступала неправильно, где огорчала Бога своим поведением, вспомнила и случай с косынкой. Всё приходило мне на память, и я за всё просила прощения. Я благодарила Бога, что Он не пожалел Сына Своего, отдал в жертву и за мои грехи. Я радовалась, что Иисус Христос теперь и МОЙ СПАСИТЕЛЬ! Я просила прощение и у Иисуса Христа и благодарила Его за Его любовь ко мне! Я плакала от радости! Как легко стало на сердце! Оно переполнилось любовью ко всем вокруг меня, хотелось всех обнять, всё кругом сияло! Церковь пела гимн: «Радостную песнь воспойте, небеса», а мы с Аллой плакали от радости и не могли успокоиться. Пресвитер помолился за нас обоих, поже-

лал быть верными Иисусу Христу всегда. Когда кончилось собрание, все подходили к нам, поздравляли и радовались вместе с нами. Я подошла к папе и попросила у него прощения, если я его в чём обидела. Но папа был очень рад и сказал, что я его ничем не обидела. Мама была дома, и когда я пришла домой, я обняла её и попросила прощение за всё, и за то, что было в детстве, и за косынку. Я рассказала ей историю с косынкой, и как она преследовала меня многие годы. Мама простила мне всё, поцеловала меня и сказала: «Что же ты раньше не рассказала мне? Я давно бы простила тебя».

Теперь началась моя новая жизнь. Было всё хорошо... Кончились занятия в школе. Сдавали последние экзамены. Решался вопрос, куда мне поехать учиться? Мне нравилось много профессий: 1. Быть учителем начальных классов в школе, но верующим не давали работать учителем. 2. Инженер-телеграфист, но это надо было искать какой-то город, где я смогла бы жить. 3. Институт иностранных языков — мне нравился английский язык. Я хотела быть переводчицей. Но, во-первых, верующих не возьмут на эту работу, а, во-вторых, я не хотела быть тенью какого-то другого человека. Оставалось одно: пойти в медицинский институт и стать врачом. Моей мечтой было стать врачом-педиатром. Иметь в кармане всегда запас конфет, носить белый халат, стетофонендоскоп на шее и всегда улыбающееся доброе лицо, чтобы тебя любили, ждали... Образ Татьяны Константиновны Чекмарёвой — вот была моя мечта. Вся семья была согласна, чтобы я поехала в Ташкент и поступала в Медицинский институт.

Школьные экзамены сдали. И вот — выпускной вечер. Что делать? Не пойти? Там будет не только угощение, но и выпивка. Решали с Аллой — идти или не идти? Аттестаты зрелости тоже будут выдавать на этом вечере, поэтому мы решили пойти. Пока были поздравления, пока вручали аттестаты, было всё хорошо. Но вот сели за столы. Соседи предлагают выпить за окончание школы. Алла сказала: «Мы верующие и пить не будем, не приставайте!» И все знали, если Алла сказала, то так и будет. Больше никто не приставал. А ещё немного погодя мы

постарались убежать домой. Мы увидели, что нам не место за этим столом, что мы чужие в этом обществе. А как хорошо в собрании верующих! Так легко и так радостно!

КАЗАХСКАЯ ССР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Настоящий аттестат выдан Левковой Аннеиме Владимировне,
родившейся в городе Краснодаре 74/хл 1935 года,
в том, что она, поступив в 1954 году в Фрунзенскую среднюю школу №
районной молодежи, окончила
полный курс этой школы и обнаружила при опичном поведении следующие
знания по предметам:

Казахский язык	История СССР	5 (отлично)
Казахская литература	Всеобщая история	5 (отлично)
Русский язык	Конституция СССР	5 (отлично)
Русская литература	География	5 (отлично)
Алгебра	Физика	4 (хорошо)
Геометрия	Астрономия	4 (хорошо)
Тригонометрия	Химия	4 (хорошо)
Естествознание	Иностранный язык	4 (хорошо)

Настоящий аттестат дает его владельцу право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР.

Выдан 28 июня 1953 г.

ирид Фрунзенск

Фрунзенская обл.

Савицкий

39

Наша семья перед моим отъездом в Ташкент

Вскоре я уехала в Ташкент. Сдала документы в мединститут и начала готовиться к экзаменам. Надо было сдать 4 экзамена: Русский язык письменно /сочинение/, Литературу /устно/, Химию и Физику. Сочинение я написала на 4. Писала на тему: «Есть женщины в русских селеньях» Некрасова. Это сочинение я знала наизусть со всеми знаками препинания. В школе я получила 5, а здесь, наверное, где-то допустила ошибку. Литературу устно сдала тоже на 4. Химию — на 4. А по Физике получила — 3. Итого получилось 15 баллов, а проходной балл на лечебном факультете, куда я подала документы, был 16. На санитарно-гигиеническом факультете проходной балл был 15, но там был свой конкурс, и перейти туда нельзя было. Так я не поступила в институт! Что делать? Ехать назад или оставаться здесь? Дядя Гоша посоветовал снова пойти в вечернюю школу, чтобы не забыть того, что учила в школе, и обратить особое внимание на то, что спрашивают на экзаменах. И устроиться на работу. Это был самый лучший вариант, так как Виня опять получил на экзаменах тройку и опять остался без стипендии. На

мою зарплату мы смогли бы с ним прожить скромно, не беспокоя родителей. Я послала маме письмо, чтобы она выслала мне табель за 9 класс, и с ним поступила в вечернюю школу недалеко от тёти Веринного дома. Легко нашла и работу на почтовом отделении приёмщиком телеграмм. Всё было хорошо. Работа была лёгкая. Зав. почтовым отделением был пожилой мужчина, очень добродушный, и в коллективе была здоровая атмосфера. Я получала 450 рублей в месяц. Этих денег нам с Вией хватало, мы обходились без родительской помощи. Жили мы у тётки Веры в одной комнате, а в другой, очень большой, жили они со всеми детьми. Спали на широких лавках, которые стояли вокруг стола и на которых сидели во время обеда. Только постель вечером раскладывали, а утром убирали. К нам тётка Вера и дядя Гоша относились хорошо, мы были довольны и благодарны им.

Летом к Вие приехала Лида из Ферганы. Она ехала отдыхать в Дом отдыха под Ташкентом и заехала к нам. Вию она называла Веней. Сначала нам было как-то непривычно, а потом и мы все стали звать его Веней. Вена ещё в Фергане выделил Лиду из всех сестёр, как самую серьёзную и искреннюю христианку. С её предложением и мнением все считались. Ей было 19 лет. А Вие — 17. Он был серьёзным и рассудительным юношей, и поэтому Лида ему нравилась. Хохотушки и пустосмешки ему не нравились. Он старался уделять Лиде внимание везде, где только можно было. На вечера возил её на велосипеде, и она была для него «пушиночкой». Лида знала нашу семью, маму, папу, и то, что Вена из такой искренней христианской семьи, располагало её к нему. Когда Вена уезжал из Ферганы, она согласилась писать ему письма. Посредством переписки они больше узнали друг друга, им хотелось быть вместе. Лида нравилась очень многим братьям, ей делали предложение юноши, у которых был и дом, и всё необходимое, но она отказывала им. Ей нравился Вена, хотя он был на два года младше её. И вот теперь я увидела её снова в Ташкенте. Она стала ещё красивее. Я и моя подружка Галя души в ней не чаяли. Просили её рассказать нам что-нибудь интересное. Но она ответила: «Вы ещё молодые, впереди вас ждёт счастье — встреча с молодым чело-

веком, которого Бог пошлёт каждой из вас. Цените того, кого Бог для вас определит, не будьте легкомысленны. Если примете от Господа друга жизни — то вся ваша жизнь будет спокойной, радостной и вы будете счастливы». В доказательство она привела несколько примеров из жизни, несколько счастливых браков. Вскоре она уехала. Вена она теперь стала называть «Винелька».

Наступал Новый 1954 год. Вена решил на каникулы съездить домой. Мы отложили часть денег для поездки. Я работала 31 декабря, а он поехал на железнодорожный вокзал, чтобы купить билет и уехать. В Ташкенте народ жил состоятельный, и все посылали много поздравительных телеграмм своим родственникам. Хотя нас было несколько кассиров, принимающих телеграммы, всё равно были большие очереди. Мы старались работать очень быстро. Смотрю, Вена стоит сбоку от очереди и говорит мне, что у него украли деньги, и он не смог купить билет. Бедный Вена! Как он был расстроен! Что делать? Я сказала ему: «Давай я займу деньги у своего начальника и отдам ему с зарплаты». Он обрадовался. Я не ругала его. Я знала, что ему и так очень тяжело. Заведующий дал нужную сумму, и Вена ушел. На сей раз он был осторожен, благополучно купил билет и уехал. Он хорошо погостил дома, и вернулся в Ташкент к началу занятий.

После нового года меня перевели работать в почтовое отделение при Мединституте. И я стала знакомиться со студенческой жизнью. Многие студенты получали письма до востребования, почтовые переводы — это была моя работа. Я также принимала заказные письма. Работа была весёлая. Я очень радовалась. Рядом со мной сидела ещё одна девушка, которая принимала и выдавала посылки и переводы. Над нами была главной — заведующая. Мы все дружно работали. За всё время работы у нас не было ни одной размолвки. Вечером я ходила в школу. В школе тоже мы сдружились — и ребята, и девчата. Я опять была отличницей. Но вот пришло лето, мы сдали экзамены, и я получила аттестат — одни пятёрки и четвёрки. А главное, у меня в голове были свежие знания, и мне легко было готовиться к экзаменам.

На экзамены я взяла отпуск на работе. На этот раз я по физике получила 5. Преподаватель был тот же. Он узнал меня. На билет я ответила очень хорошо. Тогда он стал гонять меня по курсу физики, но я всё хорошо знала и на всё хорошо отвечала. Он похвалил меня и поставил мне 5. Я набрала 17 баллов. Могла бы поступить на лечебный или педиатрический факультет, но документы подала на санитарно-гигиенический, туда меня и приняли. С работы пришлось уволиться.

Мы проучились в институте 10 дней, и нас отправили на сбор хлопка. Норма была 60 кг. Её мы собирали редко. Но когда стали собирать курак (нераскрывшиеся коробочки хлопчатника и остатки урожая хлопка), тогда все норму перевыполняли. Нас ставили на поле по грядкам по порядку: всем по две грядки. Идёшь посередине и с двух сторон собираешь хлопок в фартук. Со своих грядок мы не имели права уйти. За нами всё время наблюдали преподаватели. Мало хлопка мы собирали в основном потому, что нас ставили на те поля, где уже собирали перед нами колхозные сборщики, а мы уже собирали после них общипки. Иногда нам давали новые поля, и тогда мы выполняли норму. За сбор хлопка платили каждую неделю. И мы в колхозном магазине покупали себе что-нибудь из вещей. Питания нам хватало, кормили хорошо, сколько кто съест. Пища всегда была свежая и горячая. На свежем воздухе аппетит был хороший, все обычно поправлялись на хлопке. Стипендия накапливалась, и мы получали её всю, когда приезжали домой с хлопка.

В это время мы с Веной уже жили в отдельном доме. У дяди Гоши рядом был построен ещё один дом из трёх комнат. В одной жили мы. В зале жила моя подружка Галя со своей мамой. Мне было хорошо. Мы с Галей вместе ходили на собрания с молодёжью, часто пели дуэтом: я — дискантом, а она — альтом. Я не пропускала ни одного собрания. Всегда ходила с молодёжью. Беззаботная молодость! Вставала в восьмом часу утра, в начале девятого часа уходила из дома одна или с Веной, и 45 минут ежедневно шла пешком в институт. Мы шли по улице Паркентской до железной дороги. Затем по железной дороге шли до института. Этот путь был намного короче, чем

ехать на трамвае, притом на двух. Занятия были очень интересные. Лекции были двухчасовые, затем практические занятия по анатомии, физиологии, химии, физике. Училась я хорошо. Получала стипендию. Вена тоже стал получать стипендию. И немного помогали нам папа с мамой. На праздник 1 Мая Вена решил подзаработать денег. Купили красный материал, соседу заказали палочки для флажков. Вена сделал трафарет, и мы наделали флажки с надписью: «Миру — Мир!» и белым голубем с веточкой во рту с надписью: «1 Мая». Продавали эти флажки на базаре, на трамвайной остановке по 1 рублю за флажок. Мне пришлось немного пропустить занятий, так как продавать можно было только утром. К тому же я белила свои комнаты, и известька разъела мне руки. Пришлось взять справку, что болели руки, и этим объяснить свой пропуск. Да, трудно было нам с Веной. Дядя Гоша работал бухгалтером в детских садиках, и он давал Вене заказы нарисовать детские картины: «Доктор Айболит» и другие. Вена имел способность красиво рисовать и рисовал большие картины. За это он получал деньги. Это тоже была помощь для нас. Сессию сдали хорошо и Вена, и я.

Вена и Лида

Вена решил жениться. Свадьба была назначена на 14 августа 1955 года — на день его рождения. На свадьбу приехала мама. В это время в Фергане опять был в гостях Юрий Сергеевич Грачёв. Он был приглашён на свадьбу и говорил прекрасную призывную проповедь: «Имеем ли мы пригласительный билет на брачную вечерю Агнца на небесах?» Это заставило каждого подумать о своём отношении с Господом. Каждый хотел быть на брачном пире Агнца, поэтому каждый проверял своё сердце, ибо «только чистые сердцем Бога узрят». Молодежь с большим рвением трудилась для Господа: кому-то помогали строить дом, кому-то копали огороды, посещали больных, проводили беседы с неверующими друзьями. Те, кто давно были верующими, обновляли своё покаяние, обещая Господу посвятить всю свою жизнь. Молодёжь рассказывала декламации, пели свадебные гимны, говорили пожелания...

*Счастья вам желаем в жизни много,
И желаем вам любви большой,
С вами пусть пойдёт Иисус в дорогу,
Он поможет вам во всём.
С Ним только счастье,
С Ним только радость,
Он не оставит вас никогда.*

И жизнь их действительно была счастливой. В сентябре Лида переехала жить в Ташкент. Они жили с Веной в одной комнате, а я в другой. Они сделали ширму, и получился проход в мою комнату, а их комната была закрыта. У Лиды всегда был порядок. Хоть тесно, но уютно. Жили мы очень дружно. Лида не работала, и Вене приходилось искать пути, как заработать на жизнь кроме учёбы. И он нашел надомную работу — расписывать крепдешиновые платки и косынки. Он писал батиком на белом крепдешине узоры, а потом мы с ним и с Лидой их раскрашивали. Какие красивые получались платки и косынки! Интересно было работать, потому что получались красивые рисунки. Таким образом, мы зарабатывали деньги на пропитание.

Юность

В сентябре я опять уехала на хлопок. Мы попали в другой колхоз. Здесь платили регулярно каждую неделю. Как и всегда мы вставали, когда ещё звёзды были на небе. И возвращались домой /в школу, где мы жили/, когда уже снова появлялись звёзды на небе. И хоть болела поясница, так как при сборе постоянно ходишь согнутым, но на свежем воздухе беззаботно собирали руками, а голова отдыхала. Студенты — весёлый народ... Скучать было некогда. Вечером, усталые ложились и сразу засыпали. Никакими делами не занимались и никуда не ходили. Во-первых, не разрешали, а во-вторых, опасно было девочкам где-то гулять. Старались быть все вместе там, где нас устроили. И за все 6 лет у нас на хлопке не было ни одного случая какого-либо насилия. То ли это было время такое, что ребята были спокойные, и русские, и узбеки. Все старались вести себя хорошо. На нашем курсе учились дети богатых и дети бедных родителей. И все с уважением относились друг к другу. В основном, все студенты были приезжие, а тех, кто жил в самом Ташкенте, было мало. Учились тоже все неплохо. Совсем бездарных не было. Узбекам, конечно, трудно было учиться. Первые 2 курса они учились на родном языке, а с третьего курса всех объединили. И учились русские и узбеки вместе. Когда приезжали с хлопка, получали стипендию, сразу много денег.

Теперь мы жили троём — я, Лида и Вена. И всё у нас было общее. Обед в основном готовила Лида. Вечерами я дома почти не бывала: то собрание, то спевка, то молодёжный разбор Слова Божьего. Я была неотделима от молодежи. Вскоре у Вены с Лидой родились двойняшки: мальчик и девочка. «Скорую помощь» побежала вызывать я, а Вена остался с Лидой. «Скорая» приехала — новая «Волга». За два квартала от нас среди дороги был неглубокий арык, и водитель не захотел ехать через него. Взяли носилки и пошли пешком. Когда пришли домой и увидели, что уже скоро наступят роды, быстро положили Лиду на носилки и бегом потащили к машине. Вена тоже надел

белый врачебный халат и помогал тащить. Таким образом, он попал в родзал и помогал при родах. Я осталась дома. Стала готовиться к появлению в доме маленьких сокровищ. Приехала Лидина мама, чтобы помочь ей в первые дни. После родов Лида стала поправляться, у нее появился аппетит, она посвежела. Токсикоз, который так мучил её во время беременности, прошёл бесследно. Мама побыла немного и уехала, зато приехала сестрёнка Ира и жила с нами долгое время. Это было хорошо для всех: для Лиды — всё время была помощница — ведь очень тяжело управляться сразу с двумя детками, для меня — они не нуждались в моей помощи, и для Иры — она могла быть на больших собраниях и с молодёжью.

Дети были здоровые и росли очень быстро. Были спокойные, почти никогда не плакали. Девочку назвали Венерочкой, а мальчика — Веной. Так мы жили вместе, пока Вена не окончил институт, и они уехали жить в Куву. Там Вена работал заместителем главврача и невропатологом. Вспоминаешь сейчас всё это и думаешь: интересно было тогда работать врачом, принимать больных... Тебя уважали, платили хорошую зарплату, а больные пользовались бесплатной медицинской помощью. Лекарства покупали за свои деньги, но они стоили копейки.

Самым важным событием этого года было моё крещение, которое состоялось 24 июня 1956 года. Крещение совершалось на реке Чирчик в г. Ташкенте. Крещение принимало очень много молодежи... Рано утром с первым трамваем мы все спешили к реке. Сердце было переполнено трепетом и радостью! Как долго я носила в себе это желание! В то время студентам не разрешали преподавать крещение. Я специально ездила домой к пресвитеру и очень просила его допустить меня до крещения... И он согласился! Испытание в церкви я прошла успешно, все были рады моему решению. И вот мы все собрались на берегу реки... Все в белых халатах, белых косыночках, белых носочках. После молитвы и наставления один за другим мы заходили в воду... Наше торжественное обещание служить Богу доброй совестью слышало небо, наши друзья и чистые чирчикские воды... Каждому крещаемому пелись чудесные слова гим-

Ташкент. 1956 год.

Мое крещение

на: *«Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись!»* Гал.3:27. После крещения, когда уже все переоделись, пресвитер снова совершил молитву благодарности Богу за это крещение, спели ещё несколько гимнов, закончили молитвой и поехали в Дом Молитвы. Там было совершено служение возложения рук, и мы могли первый раз участвовать в хлебопреломлении. С каким трепетом мы протягивали руку за хлебом и за чашей с вином! Первый раз вместе с церковью участвовали в воспоминании страданий Господа нашего Иисуса Христа. Не было слов отблагодарить Господа за то, что теперь и я являюсь членом тела Его!

Молодёжь ревностно трудилась для Господа, посещали больных, изучали Слово Божие, ездили в соседние города и посёлки на посещение, имели молодёжные общения.

На третьем курсе мы опять поехали на хлопок в сентябре. Нас привезли в тот же колхоз, в котором мы были на первом курсе, — колхоз «Коммунизм». Мы разочаровались, думали, опять не будут платить нам деньги, так как за сбор курака на первом курсе они остались нам должны. Мы даже думали, может быть, преподаватели получили наши деньги, а нам не отдали... А, оказывается, все оказались честными — колхоз рассчитался с нами, отдал нам все долги. Мы были очень рады, особенно те, кто жил на стипендию. Когда вернулись с хлопка, я купила на полученные деньги себе зелёный шерстяной костюм, зелёную шляпку и туфли на высоком каблуке. Купила также портфельчик чёрный для занятий. В этом году мы вернулись рано — 4 ноября, а так всегда были на хлопке до декабря. Это был урожайный год, план выполнили быстро, и студентов рано отпустили на учебу.

Начались занятия. Трудным предметом была органическая химия. Её преподавал профессор Кампанцев. Он же сам и принимал экзамены. Я сдала хорошо, но не смогла правильно написать одну формулу, и он отправил меня: «Иди, выучи и завтра приходи сдавать». Назавтра я написала ему без ошибки и получила 4. Это было важно, так как с тройками стипендию не давали. Кроме стипендии ещё родители присылали 200 рублей

ежемесячно. В то время студентам негде было подрабатывать. Утром уходили на занятия и учились до 4-х часов. Затем после легкого обеда в студенческой столовой я шла в студенческую библиотеку и там занималась. Там были все книги и было тихо, все учились серьёзно, и никто не разговаривал. Я любила заниматься в библиотеке. Заниматься надо было систематически, чтобы знать всё, что проходили. Одна лекция составляла страниц 50. А к практическим занятиям готовились ежедневно. Там надо было учить все очень хорошо.

После летней сессии я решила поехать с подружкой Тама-рой в Куйбышев (нынешняя Самара). Молодёжь нас встретила очень приветливо. Ежедневно вечером мы имели общения. А днём мы с Юрием Сергеевичем Грачёвым писали книгу: «Звёзды Сибири». Когда закончили писать, мы с молодёжью собрались и за один вечер прочитали всю книгу. На это ушло всего 4 часа. Всем она очень понравилась — она ставила перед молодёжью цель жизни и предлагала выбрать какой-либо труд для Господа. Многие тогда стали серьёзно задумываться: «Чем я могу служить Господу?» Ездили на дачу с молодёжью. Там нас угощали малиной с молоком. А главное, мы пели на закате солнца. Сидели все на веранде. Над нами — голубое небо. Толик Зенков играл на аккордеоне, кто-то играл на гитаре, и мы все пели...

*В этот час вечерний, в тишине заката,
Под напев зефирный нежный ветерка,
Я смотрю на небо, голубые дали,
Думаю, мечтаю всё о вас, друзья...
Мне б хотелось песней этой многозвучной
Пробудить из вас тех, кто уснул, остыл,
Кто не видит неба, милостей Господних,
Не стремится к Богу, кто призыв забыл...*

Молодёжи в Куйбышеве было много. Руководителем был Толик Зенков. Он был ревностным христианином, хорошо играл на нескольких инструментах, был регентом хора, пел тенором. Был очень вежлив, обращался со всеми очень хорошо. Большое участие в работе среди молодёжи принимал и брат

Гриша. Счастлиное время быстро пролетело. С молодёжью мы один раз съездили на пароходе по Волге, посетили в одном селе в лесу группу верующих, походили по лесу... Другой раз с Юрием Сергеевичем, Марией Фёдоровной, их сыном Павликом и с Володей Турковым плавали на моторной лодке. Переплыли на другой берег Волги, где не было людей. Там посидели, отдохнули, искупались и с аппетитом поели. Мы очень сдружились с семьёй Грачёвых и сфотографировались на память.

Юрий Сергеевич Грачев, я, Мария Федоровна — жена Юрия Сергеевича и их сынишка Павлик

Из Куйбышева я уезжала домой в Кустанай, погостить в родном доме, повидаться с родителями. Я везла папе и маме подарок от Юрия Сергеевича: «Звёзды Сибири» — поздравление им в честь 25-летия их совместной жизни — повесть об их юности. Провожать меня пришла на вокзал вся молодёжь. Они принесли мне на прощание букет цветов и коробку шоколадных конфет. Это то, что я любила тогда — цветы и шоколад... Я была под впечатлением «Звёзд Сибири». Ехала, окрылённая мечтой, организовать Воскресные школы в Кустанае и в Ташкенте.

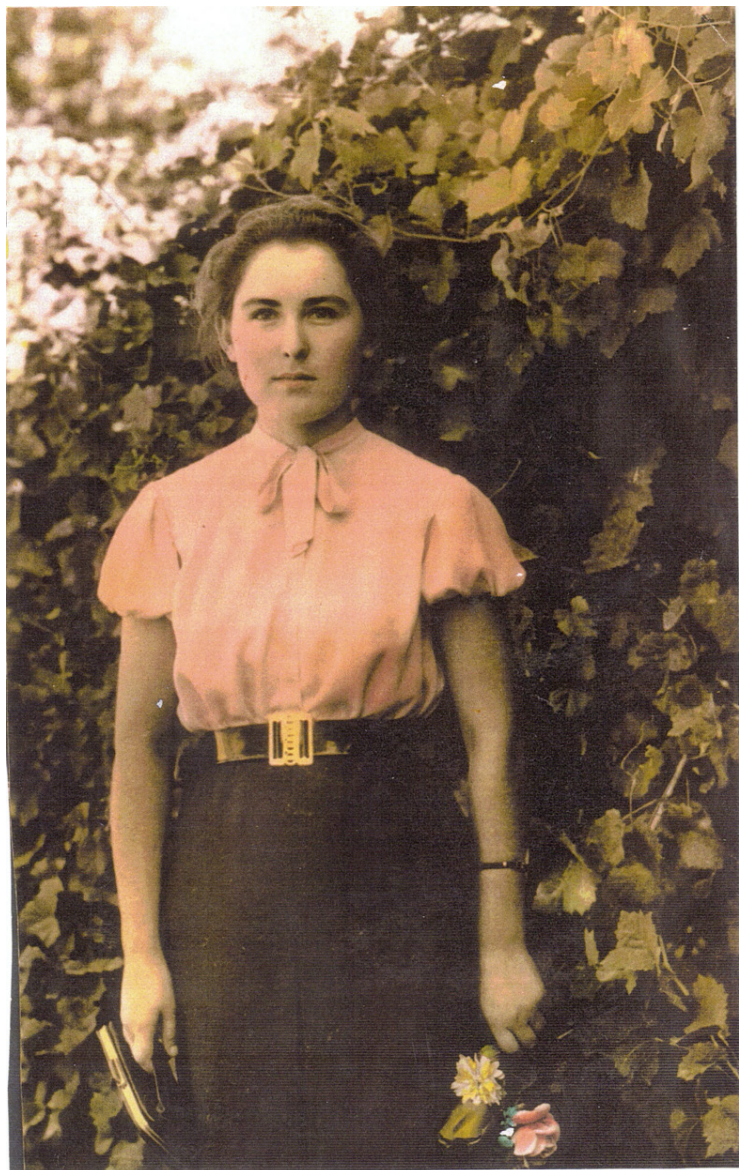
Дома меня встретили с любовью. В первое же Воскресенье после собрания все дети собрались в доме одного брата. Я рассказала им, как раньше дети посещали Воскресные школы, а молодые учителя рассказывали им о Христе, пели с ними детские песни, молились, и дети так любили эти занятия. Дети Кустанайской церкви тоже захотели иметь такую школу. Пока я гостила дома, проводила с ними занятия. Лучшее время было для этого Воскресенье между собраниями. Мы лепили из пластилина интересные игрушки. Дети сами сочиняли что-нибудь интересное. Одна девочка сделала корзинку Моисея, другая — Соляной столб, один мальчик сделал гору Голгофу с тремя крестами, другие — стадо овец с Давидом, две рыбки и пять хлебов... и много других. Интересно, что дети легко находили сюжет, который хотели нарисовать или вылепить.

К сентябрю я вернулась в Ташкент. Там на Паркенте мы организовали группу из детей, которые желали посещать Воскресную школу. Занятия проходили по понедельникам. Дети полюбили эти собрания и с нетерпением ждали понедельника. Тамара Скрипченко даже сочинила для них стихотворение «Понедельник». Интересно, что радость одного кого-нибудь из молодёжи передавалась другим, и все сорадовались, ни у кого не было зависти или недобрых помыслов. Мысли и желания были чисты, не заражены никаким грехом. Была искренняя и бескорыстная христианская любовь.

Занятия в Воскресной школе начинались с молитвы. Затем мы пели детский гимн. Потом читали историю из Священного Писания, выучивали Золотой стих наизусть. Все дети хором повторяли за мной, а потом я спрашивала по отдельности несколько человек. Затем следовало самое интересное: я рассказывала им интересный рассказ. Каждый раз новый. Они слушали — стояла абсолютная тишина. Я брала эти рассказы в старых журналах «Вера», «Христианин», «Баптист» и др. Просила у сестёр книги и выискивала там что-нибудь интересное для занятий. После рассказа снова повторяли Золотой стих, пели гимн в заключение и заканчивали молитвой. Мне очень нравились содержательные молитвы детей тех времён. Сравнивая,

как молятся сейчас дети, думаешь, почему они так бедны? Даже нечего сказать Иисусу в молитве, нет достойной благодарности за эти чудные общения. Ведь им так много дают на собраниях. И возможностей больше, и условия прекрасные. Конечно, я думаю в нас было больше огня, мы видели примеры жертвенных братьев, которые приходили из тюрем. Иногда я приглашала этих убеждённых сединой братьев на наши детские собрания. Дети почитали их, радовались, что их любят такие братья, приходят к ним, рассказывают им интересные истории. Дядя Гриша Цорба, Николай Петрович Храпов, его друг по тюрьме... И так, с перерывами на лето, я проводила эти занятия до конца моей учёбы в институте, за что и не дали мне диплом... Такие же детские занятия проводила на Куйлюке Люба Перевертан. Много позже, когда я приезжала в Ташкент на похороны дяди Гоши, одна молодая сестра подошла ко мне и говорит: «Я хочу заниматься с детьми. Мне очень нравились наши детские собрания. Я хочу посвятить себя этому труду». Что можно было пожелать этой сестричке: «Да благословит тебя Господь!»

После четвёртого курса нас послали на практику. Меня вместе с одной студенткой-узбечкой направили в районный центр Янги Курган Наманганской области. Там нас встретил главврач — узбек. Он был хирургом. Для нас он выделил отдельную комнату в больнице, и мы вместе с этой узбечкой жили там до конца практики. Нас оформили на работу медсестрами, и мы по очереди работали в больнице. Работать было легко. Больница была небольшая. Очень много было необычного. Так, несколько детей лежали в хирургической палате. У них на бёдрах выпали мышцы, так как им вместо 5% глюкозы ввели капельно в мышцы бёдер хлористый кальций. Этим детям ежедневно делали перевязки с эмульсией стрептоцида на рыбьем жире. Раны были глубокие, мы уже отработали и уезжали домой, а дети продолжали лежать в больнице. Однажды «Скорая» привезла двух женщин — старую и молодую. Они попали в аварию. Старая женщина уговорила молодую поехать на базар. Они поехали на грузовой машине. И в горах произошла авария. Теперь эта молодая женщина тихо умирала, повторяя сло-

Ангелина Владимировна Лобкова, 1959 год, Ташкент

ва: «Вой болам!» У неё было четверо маленьких детей. Помочь ей уже ничем не могли, у неё был разрыв многих внутренних органов. Делали ей только обезболивающие уколы. Как тяжело было на неё смотреть... Вторая женщина плакала и говорила: «Лучше бы я умерла». У неё были легкие травмы, и её скоро должны были выписать. Ещё на практике по акушерству мне пришлось принимать роды. Рожала женщина, уже немолодая, рожала не первый раз. Вроде бы я знала что делать, а тут врач ушла, и я осталась одна. Пришлось самой в первый раз принимать роды. Женщина была спокойная и терпеливая, не кричала от боли, а только стонала. Быстро родился мальчик. Роды прошли благополучно. Сколько потом мне приходилось принимать родов, когда я работала в Саур-Булаке! Слава Богу, всегда рождались живые нормальные дети.

Итак, практику после четвёртого курса я отработала на «отлично». Одно только плохое воспоминание осталось от практики — это моё отношение к одному больному. В самом конце практики к нам в больницу привезли пожилого мужчину — татарина. У него был рак желудка. Его брюшная полость разорвалась, разъеденная раковой опухолью. В палате стояло такое зловоние, что никто не хотел его обслуживать. Было дежурство моей подружки-узбечки. Врач прописал сделать ему очистительную клизму. Она отказалась. Я тоже не стала делать, так как не моё было дежурство. Я до сих пор укоряю себя, почему я, как христианка, не оказала любви этому умирающему человеку? Сделав добро, я смогла бы поговорить с ним о вечности, о любви Иисуса, хоть он был татарин, а значит — мусульманин. Мы вскоре уехали, что было с ним после, сколько он прожил, не знаю, но ему уже не могла помочь никакая операция.

Из этого времени ещё можно вспомнить, что в одно воскресенье очень рано утром я поехала в Наманган, чтобы найти верующих. У меня не было ни одного адреса, и я не знала, где проходят собрания. Говорили только, что в Намангане сильно притесняют верующих. Я пыталась найти верующих по внешнему виду, но никого не могла встретить. Тогда я пошла на базар и стала там спрашивать, не знают ли они где молит-

венный дом, где собираются верующие баптисты. Нашлись те, кто указал мне место, где проходят собрания. Я пришла на собрание. Народу было немного. Ко мне они отнеслись недоверчиво. Правда, после собрания сестры подошли и спросили, кто я? Я рассказала, что учусь в Мединституте в Ташкенте, а сейчас прохожу практику в Янги-Кургане. Хотела иметь общение с народом Божиим. После собрания я вернулась назад на автобусе в Янги-Курган, так как утром надо было на работу.

После практики я поехала в Фергану. Там я была у Шимковых — родителей Вениной жены Лиды. Ирина — Лидина сестра — сказала мне, что у неё есть жених, и она познакомит меня с ним. Утром в Воскресенье мы пошли с ней на собрание. Саша Мальцев, которого она мне хотела показать, уехал в Андижан на благовестие. Поэтому знакомство перенесли на общение после вечернего собрания. После вечернего собрания вся молодежь собралась около Саши. Все ждали, куда он предложит идти. Он предложил всем собраться у Шимковых. Все единогласно поддержали это предложение. В то время общения проходили без всякого угощения, зато был очень богатый духовный стол. Вся молодежь постоянно читала Священное Писание, возникали вопросы по прочитанному, и эти вопросы они разбирали на общениях. Они также очень хорошо пели. Все голоса были сильные. Пели стройно. Кто-нибудь из братьев перед началом общения обязательно говорил краткую проповедь. Молодёжь делилась пережитым за неделю, и было всё такое разное, полезное для всех в поучение, обличение или ободрение. После общения никто не хотел уходить домой. Долго ещё стояли на улице и разговаривали. Саша всем руководил, и видно было, что он был всеобщим любимцем. Когда мы легли спать, я сказала Ирине, что она сделала хороший выбор, и мы ждём приглашения на свадьбу. Однако, когда я приехала в Фергану на зимние каникулы, то получила от неё приглашение, где на фотографии вместо Саши я увидела другого брата — Васю Налобина. Я спросила: «Ирина, а как же Саша?» Она ответила, что с ним ничего не получилось, а вот Вася послан ей от Бога. Они поженились, и живут хорошо по сей день.

Это время в Фергане я проводила со своей подругой детства — Валею. Она училась в пединституте и сдавала экзамены, а после хотела поехать со мной в Ташкент, чтобы побыть в общении с Николаем Петровичем Храповым. Она очень хотела покаяться, но это было трудно для неё. Каникулы быстро пробежали, и 5 марта мы с ней должны были уезжать. На вокзале в Горчаково нас провожали Саша Мальцев и Лёня Литвинов. Лёня побыл немного, пожелал нам счастливого пути и отпросился домой. Саша же провожал нас до самого конца. Было 5 марта, и в честь 8 марта он подарил нам с Валею на память креп-жоржетовые шарфики. Подошёл поезд. Саша посадил нас в вагон, и когда поезд тронулся, он побежал за вагоном и крикнул мне: «Лина, брюнет или нет?» и потрепал свой каштановый чуб. Я ответила ему: «Это не имеет значения». И мы уехали, а он всё махал нам платочком. Когда мы уселись в вагоне, Валя спросила, что сказал мне Саша. Она поняла, что между нами есть какая-то тайна и хотела её знать. Мне стало ясно, что она любит Сашу, я старалась как-то развлечь её, но сердце её осталось в Фергане. Она посещала со мной молодёжные общения, покаялась, но радости не было. Она рвалась домой. Чем я могла помочь ей? И что, собственно, произошло? А всему виной стало всего лишь одно наше с ним общение.

Перед отъездом молодёжь в субботу после собрания собралась у Вали. Общение затянулось до двух часов. А перед этим Саша сказал мне, что папа и мама его приглашают меня в гости, и что сегодня после общения я иду к ним домой. Когда стали расходиться, он сказал: «Лина идёт ко мне в гости». Я не осталась ночевать у Вали и пошла с Сашей. При прощании я заметила, что некоторые сестры сторонились меня, не хотели со мной приветствоваться. Я не придавала этому особого значения. Хотя время было позднее, но Шашины родители не спали, ожидали нас. Мама накрыла нам стол у Саши в комнате. Они немного поговорили с нами. Спросили, как живут мои родители, сколько ещё мне осталось учиться, нравится ли мне в Фергане? Потом мама сказала, что я буду спать в этой комнате, а Саша будет спать в другой. А утром все вместе пойдём на собрание.

И они пошли отдыхать, а мы с Сашей ещё долго разговаривали. Оказывается, Сашины родители приехали в Фергану, когда мы ещё здесь жили. Они хорошо знали маму и нашу семью. И когда увидели меня, посоветовали Саше сделать мне предложение. До этого, конечно, не дошло, но беседа наша затянулась до 5 часов утра. Мы говорили о молодёжных делах, о труде, о церкви. Незаметно Саша попросил меня описать мой идеал юноши, какого бы я желала иметь своим другом. У меня идеал любимого человека сложился уже давно, так как, учась в мединституте, я всё время находилась среди молодёжи, видела много юношей-братьев и знала им цену. Поэтому я спокойно сказала ему: «Он, желательно, чтобы был высокий, стройный, брюнет. Регент, проповедник, руководитель молодёжи, хорист и пел тенором». Саша выслушал внимательно и ничего не сказал. Когда я спросила его: «А какой твой идеал?» — он ответил: «Чтобы она была искренняя христианка». И всё. Я подумала, вот это да! Я ему всю душу открыла, а он отделался одним словом.

Саша

Я осмотрелась... В его комнате мы сидели на красивом диване. Перед нами накрыт маленький круглый резной столик. Буфет красивый фанерованный, такой же стенной шкаф. Очень красивый шифоньер. Убранная кровать, застеленная зелёным китайским покрывалом, а над ней картина «Девятый вал». Обстановка была располагающая, было так просто, свободно, как дома. И теперь, когда он нас провожал, он спросил меня: «Брюнет или нет?» Я ответила, что это не имеет значения. Да! Саша был руководителем молодёжи, лидером, начитанный, хорошо знал Слово Божие, проповедовал в собрании, пел в хоре тенором, пел хорошо соло и был регентом. Всё, о чём я мечтала! Только вот чуточку повыше бы был, и волосы не чёрные, а каштановые. А голос совести говорил: «Что тебе ещё надо?» Да это именно такой юноша, которого я желала.

Валя погостила в Ташкенте недолго: каникулы кончились, и она уехала. Моя жизнь по-прежнему потекла в Ташкенте. Я занималась с детьми и была в ядре молодёжи: мы собирались с Николаем Петровичем Храповым, намечали программу на предстоящее молодёжное общение. И везде я успевала. Летом 1959 года должен был быть съезд молодёжи в Москве. Стали подбирать кандидатуры братьев, руководителей молодёжи, которые поедут в Москву. Николай Петрович спрашивает: «А кто поедет из Ферганы?» Я сказала, что там руководитель молодёжи — Саша Мальцев. Вот он и должен ехать. Теперь надо было ему как-то передать, чтобы он приехал, узнал явочную квартиру и время, когда надо быть в Москве. Поручили это сделать мне. Я написала письмо своей подруге Вале и попросила её: «Передай Саше, чтобы срочно в это Воскресенье он был в Ташкенте. Пусть даст телеграмму, я встречу его. Я по нему соскучилась». Сейчас я удивляюсь, как я могла так поступить? Такое написать? Как тяжело Вале было читать такое письмо... В субботу я целый день ждала телеграмму. Её не было. И я разочарованная пошла на собрание. Села на своё место в хоре — на первой скамейке с краю в дискантах. После молитвы предложили спеть гимн общим пением, и мы запели. Вдруг слышу из рядов проповедников красивый сильный тенор. Кто же это поёт? По-

вернула голову налево — Саша сидит среди проповедников! А я даже не нарядилась! Думала, что не приедет. Как же он попал на собрание? Красивая причёска, открытый взгляд, синий бо-стоновый костюм, белая рубашечка... Сердце моё часто заби-лось, лицо залил румянец... Саша проповедовал вторым. Тема его проповеди была: *«Если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков»* 1 Кор. 15:19. И он убедительно на основании Слова Божия изложил, какое богат-ство мы имеем во Христе не только здесь на земле, но, главное, в вечности! Я слушала внимательно и мне нравилась его про-поведь. Она была содержательной, укрепляла веру и надежду.

После собрания молодёжь собралась у Сериных, так как кроме Саши, как гостя, были ещё юноши из неверующих. Ру-ководство вечером поручили Саше, так как юноши-гости зада-вали много вопросов. Участвовали многие, но доходчивее и по-нятнее всех объяснял Саша. Он сразу всем понравился. После вечера мы с ним поехали к Николаю Петровичу. Они уже соби-рались отдыхать, но Николай Петрович принял Сашу любезно и дал ему все указания, когда, как и где встречаться. Возвраща-лись домой поздно, благо трамваи ходили до двух часов ночи.

В Воскресенье утром Саша пошёл на собрание, а я пошла на дополнительную лекцию. После собрания мы должны были встретиться у центрального здания Мединститута. После лек-ции мне пришлось немного подождать, пока приехал Саша. Мы решили сходить с ним в Музей Искусств. В Ташкенте Музей Искусств очень богатый. Мы ходили из зала в зал, любовались прекрасными картинами. Саша любил картины и очень внима-тельно всё разглядывал, так как был в этом музее впервые. Я же часто ходила сюда со всеми гостями, мне всё было уже знако-мо, и я стояла в сторонке и наблюдала за Сашей. Я видела его расположение ко мне и внутренне проверяла себя, а подойдёт ли он мне? Не буду ли я выше его? А сама была в туфлях на высоких каблуках. Вроде, даже на таких каблуках, я была ниже его. А посмотрю в лицо — его доверчивость, простота в обра-щении осуждали мою совесть. «Что ты ещё хочешь? Он такой хорошенький, а ты проверкой занимаешься!»

Я и Саша

Вечером мы опять были на собрании, а после собрания он уехал домой, так как утром надо было идти на работу. Билет взял в спальный вагон. Это хоть дороже, но зато будет спать всю ночь. А утром со свежими силами пойдет на работу.

Через несколько дней я получила от Саши письмо, которое покорило моё девичье сердце. В эпиграфе были слова из *Песни Песней 2-14*: «Голубица моя в ущелии скалы под кровом утёса! По-

кажи мне лицо твоё, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лицо твоё приятно». Сердце трепетало от этих слов и от того, что было написано дальше. Он писал, что нашёл свою подругу, выделил меня из всех девушек, что ему очень приятно и дорого быть со мной. Что он молился долго, чтобы Господь послал ему подругу жизни, и вот теперь он видит ответ. Родители его сами предложили ему обратить на меня внимание — значит, согласны тоже. А что я? Я таила в себе желание иметь такого друга — вот Господь и ответил мне. Саша написал, что родители просят согласия летом поехать в Кустанай с ними к моим родителям и договориться о свадьбе. Я заканчивала пятый курс. Учиться надо было ещё год. Как решать вопрос о свадьбе? Но вот сданы последние экзамены... пройдена практика... В августе мы с Сашей и его родителями поехали к нам в Кустанай.

Фото Саше в альбом на день рождения

*Пусть нежной думой, жизни цветом
Благоухает твой альбом!
Пусть будет дума та заветом
И верным памяти звеном!
И если кто — альбома данник —
Окончит грустный путь земной,
И лучшей жизни новый странник,
Навек разлучится с тобой —
Взгляни с улыбкою унылой
На мысль души его завет,
Как на пустынный скромный цвет,
Цветущий над его могилой...*

Судьба

Родителям своим я сообщила, что мы приедем к ним, чтобы они познакомились с Сашей, его родителями и дали своё благословение на наш брак. Они уже ожидали нас. Как интересно было и весело в дороге. Заботы все о поездке и все расходы взяли на себя родители Саши. Его мама приготовила в дорогу жареных курочек. Какие они были вкусные! Чай пили с вишневым вареньем. Делать в поезде было нечего. Мы с Сашей иногда выходили в тамбур и о многом говорили. Занимали мы целое купе в плацкартном вагоне. Я и Саша спали на верхних полках, а родители на нижних. Мы с Сашей были счастливые и довольные, и родители радовались, глядя на нас. Саше было 24 года, а мне 23 с половиной. Это уже не ветер в голове. Все решения делались вполне серьёзно. Саша уже отслужил в армии и теперь работал вместе с родными на мебельной фабрике. Мне же надо было учиться ещё один год. Мы советовались с Сашей, как лучше поступить, и решили, что он подождёт один год, и когда я закончу институт, сыграем свадьбу. Всё это надо было обсудить с нашими родителями.

Поезд шёл не прямо в Кустанай, а останавливался в каком-то маленьком городке, откуда надо было ехать до Кустаная на автобусе. Когда мы вышли из поезда, оказалось, что автобус уже ушёл, и больше в этот день его не будет. Мы решили ехать на грузовой машине. Такая машина быстро нашлась. Папа и мама сели в кабинку к шофёру, а мы с Сашей запрыгнули в кузов. Там было сено — ковыль. Мы уселись на нём. Вскоре ещё несколько человек подсели к нам в кузов. Стало веселее. Сначала погода была нормальная, все весело переговаривались, смеялись. Но вот подул холодный ветер, а затем хлынул сильный дождь. Мы с Сашей накрылись брезентом, который был в кузове. Но он не грел, был дырявый, и вода в некоторых местах попадала на нас. Мы сильно замёрзли, чуть не плакали, но было стыдно признаться, и мы пели. Другие люди тоже попрытались внизу под сеном. Да, август месяц. Мы были в летней одежде,

а здесь такой холод! Не могли дождаться, когда же, наконец, мы доедем? Доехали. Вылезли из машины. На кого мы только были похожи?! На мне было новое штапельное платье салатного цвета и жёлтая кофточка. Саша был в простой рубашке и чёрных шароварах, да плюс шляпа от солнца. Вся наша одежда нацепляла на себя ковыль, он торчал со всех сторон. Нам пришлось приложить немало усилий, чтобы очистить себя. Затем мы сели в маршрутный автобус и подъехали на нём почти к дому. Я дорогу знала хорошо...

И вот родной дом... Встреча... Нас ожидали и встретили очень приветливо. Вся семья была в сборе. Мама приготовила вкусный обед. Всех пригласили к столу. Мой папа совершил благодарственную молитву за наш благополучный приезд и попросил благословения на пищу. После чего всем предложили вкушать пищу в простоте и веселии сердца. Но Сашин папа — Куприян Николаевич — сказал, что они не станут вкушать пищу, пока не изложат своего дела. Он сказал, что их сыну 25 лет, и они хотели бы, чтобы он женился. Они молились, и Господь расположил его и их сердце к Ангелине. Она молилась тоже, у неё есть расположение к Александру, и теперь она хочет получить Ваше родительское согласие. Папа спросил меня: «Видишь ли ты в этом волю Божию?» Я сказала: «Да!» Спросили также Сашу: «Видишь ли ты Волю Божию в этом союзе?» Он сказал: «Да!» Тогда мои родители сказали, что если дети видят волю Божию, чтобы соединиться вместе в одно и Сашины родители желают этого, то и мы выражаем своё согласие. Куприян Николаевич попросил разрешения помолиться. Он был благовестником и имел мудрость свыше как поступать. Он благодарил Бога за согласие, которое дали родители Ангелины, что они не даром проехали такой далёкий путь, и чтобы Господь благословил каждого в отдельности до брака. Только после этого все приступили к еде.

После стола все собрались вместе, чтобы поближе познакомиться друг с другом. Вечер провели в приятном радостном общении. В воскресенье после утреннего собрания пригласили пресвитера Крылова на помолвку. Он совершил молитву о

благословении. Затем провёл с нами беседу, как нам вести себя до свадьбы. Свадьбу решили делать через год, когда я закончу институт, потому что последний год очень трудный и надо было готовиться к государственным экзаменам. Саша сказал моим родителям, что с этих пор заботу о Лине он берёт на себя. Вместо них он будет каждый месяц присылать мне 200 рублей на расходы. Родители были рады этому, так как они строили дом. Родители Саши погостили несколько дней и уехали. Мой папа продолжил строительство дома, и ему надо было сделать двери и окна. Саша начал делать рамы. Лес был сырой, и работа была поэтому нелёгкой. Но он умел её делать, так как работал столяром, и поэтому у него хорошо получалось. Он полностью сделал окна и двери для нового дома. К сентябрю мы вернулись домой.

Саша поехал в Фергану, а я осталась в Ташкенте. Учиться осталось всего год. Несмотря на то, что это был последний курс, нас всё равно отправили на хлопок. На этот раз опять ненадолго. Урожай удался хороший, и план выполнили сразу после ноябрьских праздников. И сразу всех студентов отвезли домой. Учёба промелькнула быстро и наступила зимняя сессия. Я сдала её хорошо. Учиться осталось немного, впереди сдача госэкзаменов, и ты дипломированный врач! Волнуешься, где и кем будешь работать? На зимние каникулы я никуда не поехала. Устроилась работать санитаркой в аптеку около мединститута. Уходила из дома ещё затемно. В 6 часов утра я должна была растапливать печь, которой отапливалась аптека. Печка топилась углём. Как растоплю печь, начинаю мыть пол. После этого ещё остаётся время до прихода фармацевтов. Вымою посуду, колбочки, вытру везде пыль. После того как аптека откроется, только помогаю фармацевтам, готовлю им посуду, кипячу растворы... В общем, работа мне нравилась, а главное, можно было заработать деньги, в которых я нуждалась. В марте продолжила учёбу, и я оставила работу. Вскоре должно быть распределение, и мне было нужно основание, чтобы меня послали работать в Фергану. Значит, надо было зарегистрировать брак с Сашей. Я поехала в Фергану. Куприян Николаевич договорил-

ся с Заведующей ЗАГСа, и на другой день мы с Сашей пошли регистрироваться. Только вдвоём. Никто не сопровождал нас... Никаких цветов... У меня было старое пальто. Я надела мамино чёрное плюшевое пальто, на голову новый китайский розовый платок — Сашин подарок. Тогда они ещё только появились и считались модными, многим недоступными.

18 марта мы зарегистрировались. Заведущая ЗАГСа поздравила нас и пожелала счастья! Вечером собралась вся семья. Мама приготовила хороший обед. Решали вопрос, когда будем справлять свадьбу? Решили справлять сразу после сдачи выпускных экзаменов. Саша дал мне 600 рублей, чтобы я купила туфли и свадебное платье. Туфельки я купила белые на каблучках, а на платье не осталось денег, так как я купила себе новое импортное красивое платье зелёного цвета и новый красивый гарнитур. Это мне было нужно на выход, я же должна была выглядеть хорошо. При распределении проблем никаких не было, меня послали работать в Ферганскую ГорСЭС врачом-эпидемиологом. Эта работа мне нравилась, её я знала хорошо.

И вот наступил праздник Пасхи. Молитвенный дом тогда был закрыт и собирались все по домам. На праздник Пасхи пригласили к себе дядя Петя и тётя Сима Пиглицины. У них был большой хороший двор. Расставили лавки. Собрание началось в 10 часов утра. Программа была большая, участвовали дети, молодёжь и пел наш прекрасный хор. Регентом был Аксён Флегонтович. К концу собрания нагрянули представители власти, милиция и дружинники. Они велели прекратить собрание. Но братья сказали им, что когда закончится служение, тогда они и будут разговаривать с ними. Итак, собрание закончилось, верующие стали расходиться. Старшие братья и хозяева остались, и представители власти составили протокол о «незаконном собрании». После обеда у нас был назначен детский праздник Пасхи. Некоторые родители предлагали перенести детский праздник на следующее воскресенье. Но, увидев, что власти ушли, решили отметить праздник сегодня. Дети собрались в доме Ани Зобирко. Столы были приготовлены прямо во дворе под виноградником. Было так хорошо! Были и первое и второе блюда, и

торты и конфеты к чаю. Дети были в восторге. За чаем началась программа. Дети выучили Пасхальные стихотворения, играли на музыкальных инструментах и пели. Всё шло благословенно. Вдруг во двор ворвались люди и подняли шум: «Кто разрешил вам собирать детей? Зачем вы калечите их души?» Потребовали хозяйку дома. Она была в доме. Они ворвались в дом. Воспользовавшись этим, мы быстро проводили детей по домам через соседние дворы, так что никого из детей не осталось. Но вот вышел один представитель власти из дома и, увидев, что детей нет, позвал всех взрослых войти в дом. Нас спрашивали: «Сколько было детей, чьи дети, их фамилии». Но Аня Зобирко сказала: «Это я пригласила детей на праздник. Это моё дело, и я не собираюсь отчитываться перед вами. Наши дети тоже имеют право на радость и совместные общения». Тогда они стали переписывать взрослых. Записали Тамару Скрипченко и меня. Когда узнали, что я учусь на 6 курсе мединститута, один активист из института сказал: «Какой позор для нашего института! Врач, а верит в Бога! Бог и медицина, Бог и наука — не совместимы! Как может такая симпатичная девушка верить в Бога? Мы поможем тебе освободиться от этого дурмана!»

После этого долго было тихо. Правда, меня вызывали к председателю Паркентского райисполкома, но я не пошла. Занятия в институте закончились. 17 мая издали приказ о допуске студентов 6 курса к сдаче госэкзаменов. В числе их была и моя фамилия. Первым мы сдавали экзамен по терапии. Я приготовила учебники и собралась поехать в Фергану, чтобы там готовиться к экзаменам. Но меня срочно вызвали в деканат. Я могла не пойти, но дядя Гоша сказал, что нужно уважать администрацию. Надо сходить. Я пошла. Декан факультета сказал: «Завтра суббота, у нас будет встреча с писателем, и мы не можем уделить время тебе, поэтому приходи в понедельник к 5 часам в институт в актовЫй зал. Там состоится расширенное заседание профсоюзной, комсомольской и партийной организаций института с участием актива института. Будут решать вопрос о твоём пребывании в институте». Пришлось остаться в Ташкенте и ждать понедельника... К назначенному времени я подошла к

актовому залу. Одеты я была в сиреневое шифоновое платье с красивым чехлом. Платье шила Лида, а материал подарил Сашин папа. Хорошая сумочка. Туфли на низком каблуке. Волосы, как обычно, были собраны сзади в пучок. Тогда все верующие делали такую причёску. Когда я пришла, то увидела, что много студентов толпятся возле актового зала. Они специально пришли посмотреть, что это за девушка, которая проучилась 6 лет в институте и осталась верующей? Ожидали увидеть забитую монашку. Но увидели скромную современную девушку очень приятной наружности.

В зал пускали только приглашённых. Меня пригласили войти внутрь. Председатель заседания объявил, что директор института — Гулямов — в настоящее время находится в Москве, поэтому здесь присутствует зам. директора тов. Компанцев. Собраны представители профсоюзной, комсомольской и партийной организаций, актив института, представители власти: председатель Куйбышевского райисполкома и представитель из КГБ. Первым выступил зав. кафедрой по философии сказав, что много лично проводил бесед с Анжелиной Лобковой. Студентка начитанная, развитая, знает и философию, и газеты читает, и Библию хорошо знает. Очень приятно было дискутировать с ней, но переубедить невозможно. Её живая вера, любовь к Богу — искренние и утверждённые. Мы оказались бессильны переубедить её. Затем выступила Председатель Куйбышевского райисполкома г. Ташкента. Она рассказала, что Лобкова Ангелина присутствовала на детском празднике Пасхи баптистов. Врач не может быть верующим! Мы не дадим ей работать врачом! Как она может лечить людей, будучи баптисткой, отсталым элементом! Мы дадим ей лопату в руки, пусть она роет ямы, пусть её руки будут в кровавых мозолях! Так она будет зарабатывать себе на хлеб! Мы требуем исключить её из института! Затем выступила одна студентка-комсомолка с третьего курса нашего факультета. Она со слезами говорила, что Ангелина Лобкова — студентка нашего факультета — своим поступком, своим убеждением запятнала честь нашего факультета. Мы просим посадить Ангелину в тюрьму за то, что она губит детей своим

мракобесием. После неё выступил сотрудник КГБ. Он сказал: «Ангелину мы знаем давно, с тех пор как она появилась в Ташкенте. Мы внимательно наблюдаем за её поведением. Она, как приехала, активно включилась в жизнь верующей молодёжи. Начиная с третьего курса, стала проводить занятия с детьми в Воскресной школе. Мы искали пути как-нибудь подействовать на неё, но ничего не могли предпринять, так как она не подходит ни под одну статью уголовного кодекса, чтобы посадить её. Поэтому мы обращаемся к администрации института решить вопрос о пребывании её в стенах Вашего института». Было ещё много выступлений. Много вопросов задавали мне о войнах, о молитве, о том, что я нашла для себя в вере в Бога? С Божьей помощью я старалась отвечать на все их вопросы. После этого они попросили меня оставить их на некоторое время, пока они посоветуются. Совещались они долго. Затем пригласили меня и сказали: «Ввиду того, что я полностью прошла шестилетний курс обучения в институте, они не могут исключить меня из института, но они будут ходатайствовать перед директором института о недопуске меня к сдаче госэкзаменов, чтобы не дать мне диплом». На этом заседание закончилось. Я спокойно вышла и поехала домой. Только теперь я почувствовала усталость — 4 часа провела я в этой неравной борьбе, но Господь помогал мне и давал силу и мудрость, как отвечать на все их вопросы. Теперь осталось ждать решения — буду я сдавать экзамены или нет?

25 мая вышел отдельный приказ по институту: «Студентку 6 курса санитарно-гигиенического факультета Лобкову Ангелину за активную религиозную пропаганду среди детей дошкольного и школьного возраста не допустить к сдаче госэкзаменов». Я пробовала прийти на первый экзамен, но сам декан санфака тов. Шарипов был там, чтобы проследить, чтобы я не стала сдавать экзамены. Когда директор Гулямов А.Г. вернулся из Москвы, я зашла к нему на приём. Он очень хорошо принял меня, очень сожалел, что это произошло в его отсутствие. Говорил: «Я бы не допустил этого, дочка! Но теперь я уже ничем не могу помочь».

В Ташкенте больше делать было нечего. Мы посоветовались с Сашей и его родителями и решили сделать свадьбу 19 июня. У нас не было фотографий на пригласительный билет. С Сашей мы долго выбирали образцы пригласительных билетов и остановились на одном: мы на фотографии вдвоём, над нами ангелочки и надпись: *«Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает»*. Внизу — «Приглашаем Вас на брачный пир 19 июня 1960 года — Ангелина и Александр Мальцевы». Я нашла свою фотографию, где я с двоюродной сестрой, вырезала себя, а с другой фотографии, где Саша с другом, вырезала его. Составили вместе, склеили — и получилась одна хорошая фотография. Одна женщина-фотограф сделала за 50 рублей плёнку для печати пригласительных билетов. С Виктором Обертас мы купили бумагу и за ночь напечатали 300 или 400 пригласительных.

Свадьбу решили делать у Саши во дворе. Было на свадьбе человек 600. Места хватило всем. Из Ташкента приехала молодёжь и хор. Детская группа из Воскресной школы подарила мне люстру и большую белую скатерть. Кто-то заранее вручил подарки, кто не мог поехать на свадьбу. После воскресенья Саша приехал за мной, и во вторник мы уехали из Ташкента. У меня были вещи: два чемодана с книгами и вещами, кровать двуспальная с никелированными спинками, одеяло, подушки. Вот это всё, что у меня и было. Платье свадебное я не могла купить, так как у меня не было денег на него, купила только туфли. Поэтому я попросила платье на время у Любы Турковой. Оно было как раз на меня. Фату и венок мы договорились взять в Фергане. В среду приехали помогать мне Неля и Люба, за что я им очень благодарна. Помощь их была очень кстати. Подготовка в нашем доме к свадьбе шла полным ходом. Пресвитер нашей отделённой общины — Назарцев — приехал с женой к родителям, и были у нас же дома. Они дружили с Сашинными родителями и часто жили у них по несколько дней. Жена его помогала маме печь для свадьбы. В свободное время она попросила меня показать свадебное платье. Неля и Люба одели меня, и я предстала перед ней... К моему удивлению, она как ахнет: «А!!! Платье

грязное! Невеста в грязном платье?!» Что делать? Где теперь найти другое платье? Я сняла платье и расплакалась... Но, слава Богу, Люба и Неля успокоили меня. Они сказали: «Не волнуйся, платье очень красивое! На тебе оно очень хорошо смотрится. Сейчас мы займёмся твоим платьем!» Они быстро постирали его. Затем сестра Люба три часа отглаживала его, так как на нём было очень много складок. И когда я снова надела его, то жена пресвитера была довольна: «Ну вот, это другое дело — платье как новое! И какое красивое! Слава Богу!» Венок и фату мы взяли у жены Сашиного друга. Так уже всё было готово. Вечерами с молодёжью ходили по верующим, собирали красивые вазы для стола молодых. В субботу на собрании объявили, что завтра на вечернем собрании будет бракосочетание — и попросили нас встать. Когда мы ехали домой с собрания, в автобусе мы встретили мою маму. «Мама!» — сколько у меня было радости, что приехала мама. Они строили дом и не обещали приехать. И вдруг — мама здесь! Я спросила, почему она не сообщила, мы бы встретили её. Но мама сказала, что она хотела сделать нам сюрприз. «Ещё завтра придет дядя Гоша и тётя Маруся с Володей (моим братом)», — сказала мама. Все вместе радостные и счастливые мы приехали домой. Сашины родители тоже были очень рады, что приехала моя мама, и что ещё приедут родственники.

В воскресенье утром мы все были на собрании. Нас опять попросили встать и объявили, что вечером в 6 часов будет бракосочетание на этом месте, после чего будет брачный пир по улице проезд Маяковского дом 3. Днём к нам пришли — Галя, моя подруга, и Лёня Литвинов, Сашин друг, которые должны были быть у нас друзьями. Они помогли нам одеться. Саша был в белой рубашке и чёрных брюках, Я в венчальном платье и в фате с венком. Мы хотели сфотографироваться по дороге в собрание. Машин тогда ни у кого не было. Мы наняли такси за 50 рублей. Эта машина должна была отвезти нас на собрание, ждать пока пройдёт бракосочетание и отвезти назад домой. Когда мы подъехали к фотоателье, то оказалось, что фотография уже закрыта. Поэтому мы сделали на другой день любитель-

ские фотографии. Бракосочетание прошло нормально — всё как во сне, что спрашивали, что отвечали, что желали — всё перемешалось с волнением. Тогда не было магнитофонов, не было видеокамер, что осталось в памяти — это и всё. После бракосочетания мы на такси уехали домой. Но в дом нас не пустили, велели ждать родителей. Мы постояли около дома, потом нас пригласили к себе соседи. С собрания на пир все шли пешком, а идти полчаса. Но вот и родители пришли. Пригласили нас. Перед входом в дом родители совершили молитву благословения над нами, и мы вошли в дом. К этому времени собралось уже много гостей. Мы сели за свой стол. Наш стол был на веранде, а все гости сидели во дворе. Все нас видели и нам было видно всех. Около меня сидела Галя, около Саши — Лёня. Они ухаживали за нами. Нам же ничего не хотелось есть. Мы были рады, что столько гостей приехало из Ташкента, мои родные приехали, и было много гостей из немецкой и зарегистрированной общины.

Ташкентский хор пел замечательно! Много пел и Ферганский хор. Рассказывали свадебные декламации и пожелания жениху и невесте, пели свадебные песни... Галя и Лёня ушли к молодежи, так как участвовали с ними в декламациях, и мы с Сашей остались одни. И нам было так хорошо! Когда нам что-то желали, мы вставали. Возле нас уже набралась гора подарков. А нам ничего не надо было... Мы были рады, что все переживания были уже позади и теперь мы будем вместе... Как это хорошо! Любить друг друга, доверять друг другу, понимать друг друга... Быть одно... И хоть это было ещё не понятно, но мы ощущали неподдельную радость и счастье.

Свадьба закончилась далеко за полночь. Некоторые Ташкентские гости уехали ночным поездом, так как утром надо было на работу, некоторых разобрали друзья по своим домам. У нас же остались родственники. Помню, было 3 часа ночи. Я уже переделась в халат и косыночку. Сидели долго за столом одни родственники. Вспоминали прежние времена... И беседам их не было конца... Особенно Сашин папа вспоминал нашу семью и выражал радость, что мы теперь родственники. Мы с

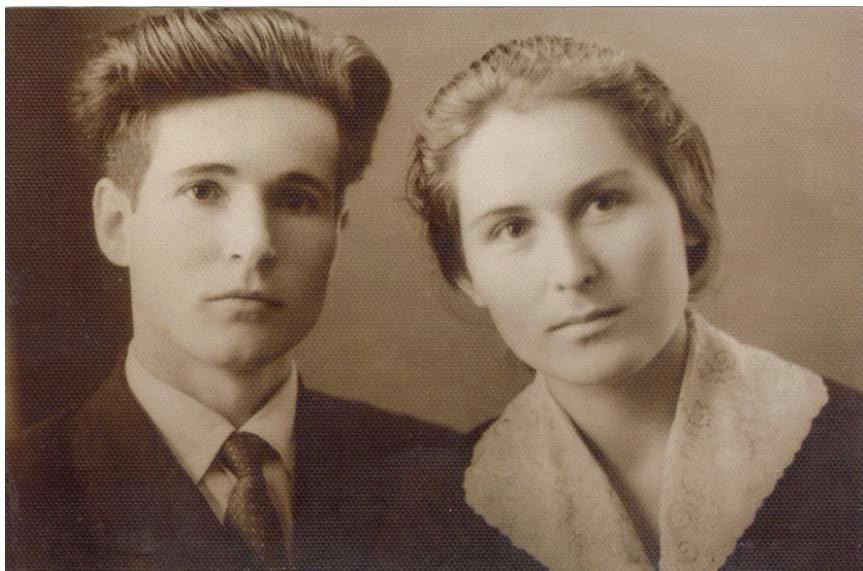
Сашей пошли стелить всем постели. Когда мы всех уложили и легли спать во дворе в саду, то уже светало... Днём в понедельник опять все собрались, и мы фотографировались. А вечером мы с Сашей поехали с молодёжью в Горчаково провожать Ташкентских друзей. Все были весёлые и довольные проведённым временем. Желали другим последовать нашему примеру. Возвратились домой очень поздно. Мои родные погостили ещё несколько дней и уехали. Мама привезла нам на свадьбу 600 рублей. Но свадьбу уже справили Сашины родители, мы ни в чём не нуждались, и поэтому вернули деньги маме, так как они строили дом, и для них это была большая помощь. Мама плакала, благодарила Сашу. Она сказала, что они с большим трудом собрали эти деньги, и теперь для папы это будет дорогим подарком от нас. Последнюю тётю Таню /мамину сестру/ мы провожали в июле. Она приехала помогать маме во время свадьбы. Несмотря на то, что она была на 10 лет старше мамы, она была здоровая и быстрая. Всё горело у неё в руках. Проводив её, мы возвращались домой радостные, что теперь отдохнём от всех забот. Но...

Когда мы подошли к дому, вокруг царил какой-то злоеющая тишина... Мы вбежали во двор... Сашина мама лежала на кровати на веранде, папа был встревожен, двери все раскрыты и никого нет, хотя уже была ночь. Мы спросили у папы: «Что случилось?» Папа сказал, что Валю /Сашину сестру/ муж зарубил топором насмерть... И все уехали туда, а папа остался смотреть за мамой. У них была дочка Светочка 9 лет. Её взяла к себе Валина соседка, а мужа забрали в милицию. Валин муж сильно выпивал. В этот день Валя после ночной смены в садике зашла к нам. Мы вместе посидели, позавтракали, затем Валя попросила показать ей наши подарки. Она взяла два отреза, чтобы сшить мне платья. Один отрез мы подарили ей. Затем она попросила сделать ей такую же причёску, как у меня. Я сделала. Эта причёска так шла ей! Она сказала, что будет теперь носить такую причёску. После этого она ушла домой. Она была портниха, шила людям платья. И вот она сидела и шила. Пришёл муж и попросил у неё денег на выпивку. Она не дала ему.

И так сидела за машинкой спиной к нему. Он подошёл сзади и топором разрубил ей голову так, что кровь обрызгала потолок и стены. Валя упала мёртвая, а он побежал за дочкой, которая от испуга выбежала через двор к соседке, крича: «Папа маму зарубил!» Видя, что не догонит её, он вернулся, закрыл на крючок дверь, лёг рядом с Валею и стал колотить себя шилом. Когда пришла милиция, он не встал и не открыл дверь. Милиции пришлось дверь ломать. Он лежал рядом с мёртвой женой и рыдал. Его сразу арестовали. Через время был суд, и ему дали 15 лет. Светочка стала жить у бабушки. После всего перенесённого она стала отставать в учёбе, особенно по математике. Мы с Сашей занимались с ней. Старались всё объяснить ей доходчиво на примерах. Впоследствии она окончила школу, техникум и удачно вышла замуж. Да, ещё отец из тюрьмы подал прошение в отдел просвещения, чтобы девочку отобрали у дедушки и бабушки и отправили на воспитание в школу-интернат, так как дедушка и бабушка верующие, а он не хочет, чтобы дочка выросла верующей. И просьбу отца-убийцы удовлетворили, несмотря на то, что дедушка и бабушка говорили, что это не отец, который лишил дочь матери, а теперь ещё предъявляет такие претензии. Работники просвещения приехали и нагло отобрали девочку у дедушки и бабушки. Мы посещали её в интернате. После интерната Света училась в техникуме, хорошо его закончила и вышла замуж за молодого человека из хорошей семьи. Мать его была учительницей, а отец — военный. В семье её любили, и она жила хорошо. Дедушка и бабушка очень тяжело перенесли эту трагедию. И нам с Сашей в наш медовый месяц уже нельзя было ни посмеяться, ни порадоваться.

Вставали мы с мамой в 6 часов утра и готовили завтрак для мужчин. Готовили во дворе на железной печке. Топили опилками, которые дети привозили с работы. Все Мальцевы мужчины работали в одной бригаде на мебельной фабрике столярами. Они изготавливали диваны, шифоньеры, трюмо, буфеты. Всё делали очень красиво, и сбывалась их продукция очень быстро. Люди в те годы жили спокойно. Денег зарабатывали хоть немного, но на эти деньги можно было жить нормально:

и есть, и одеваться, и в доме иметь всё необходимое. Баранье мясо стоило за 1 кг 1 рубль 70 копеек. Свинина жирная — 1 рубль 90 копеек. Буханка хлеба стоила 16 копеек. Булочки по 5 копеек. Зелень и фрукты на базаре тоже продавались недорого. Зарплата у Саши была 100-120 рублей. После того, как дома все немного наладилось и все немного успокоились, я пошла в Облздрав просить работу. По распределению в институте я должна была работать в ГорСЭС врачом-эпидемиологом. Но зав. отделом кадров сказал мне, что взять меня на работу врачом они не могут, так как у меня нет диплома. А фельдшером или медсестрой устроить не могут, так как я врач. И так я два месяца ежедневно по утрам ходила в Облздрав и просила любой работы, но меня никуда не брали. Секретарь-машинистка говорила мне: «Вас уже в табель к нам включать можно, вы ежедневно без прогулов и опозданий посещаете Облздрав». Наконец, после всех мучений меня взяли работать врачом-рабиологом в Облсанэпидстанцию. Главврач ОблСЭС срочно уезжала в Ташкент. Вместо себя поставила молодого узбека врача-рабиолога, а на его место приняла меня. Меня послали в Ташкент на специализацию на 10 дней. Я познакомилась с работой.

Фергана. 1960 год

Работа мне очень понравилась, и я с ней справлялась хорошо. Правда, работала я врачом, а зарплату мне платили как среднему медработнику — 50 рублей плюс 7.50 за вредность /опасность/. А врач получал в то время 75 рублей. Я отвечала за отдел по бешенству по всей Ферганской области. Где бы ни случилось заболевание среди животных или людей, я немедленно выезжала или вылетала на место, выявляла источник заражения, всем контактным давала назначения и уезжала. На этом месте я проработала 5 лет. Меня очень любил Республиканский рабиолог. Ходил в институт ходатайствовать за меня, чтобы мне дали диплом. Но ему сказали, что я была не просто верующая, а активно верующая. Пусть познакомит нас со своими взглядами на жизнь сейчас. Если они не изменились, то мы не можем помочь ей. Я сама несколько раз писала и в институт, и в Министерство Здравоохранения — везде получала отказ. Мой брат Вена писал в Прокуратуру Узбекистана, но и это не помогло. Так мы с Сашей работали, и на эти деньги скромно жили.

Жили мы у родителей Саши. Его комната, которая стала нашей, была очень красиво обставлена. Мебель, сделанная его руками, была красивая. У нас было всё, что нужно — буфет, шифоньер, шкаф, диван, кровать, круглый столик для гостей. Ещё когда я была невестой в течение года до свадьбы, я смогла купить много статуэток, салфеток, красивых картин... Тётя Вера подарила нам на свадьбу набор — полочка красивая для носовых платков и две круглые картинки с цыплятами. Всё это мы повесили на стенку как украшение. И теперь это всё красовалось у нас. Друзья часто приходили к нам на чашку чая, им нравилось беседовать в нашей уютной комнатке. Когда собиралась вся молодёжь, папа предоставлял зал. Наш дом был самым любимым, где молодёжь проводила вечера и общения. В доме у нас всегда было чисто убрано. Наша комната и зал всегда были готовы принять гостей. Мама и папа очень любили наших гостей и всегда радовались, когда они приходили.

Весной мы купили у Сашиного друга — Саши Панибратского шесть ульев пчел. Они стояли по дороге в Горчаково. Саша купил новый велосипед, и мы с ним ездили на пасеку на вело-

сипеде. Заниматься пчёлами было интересно. В мае мы ожидали подарка от Господа. Кто будет — мальчик или девочка? Мы были рады хоть тому, хоть другому. Когда я ездила в Ташкент в командировку, я купила там хорошую детскую коляску за 25 рублей. Саша встретил меня и помог привезти коляску домой. Из Горчаково до Ферганы ездили на маршрутных автобусах, машин тогда ни у кого не было. Чтобы купить всё необходимое для младенца, Саша сделал буфет на продажу. Мы вывезли его на толкучку. Она была на улице Памирской, там и сейчас находится. Давали нам за него 90 рублей, а мы хотели 120. Вдруг приехали с финотдела, окружили рынок и всех оштрафовали, вернее, сначала переписали всех, кто продавал сделанное своими руками, а потом вызывали в горисполком и штрафовали. Мы не повезли буфет домой, отдали его за 90 рублей. Через некоторое время Сашу вызвали в горисполком на комиссию. Он в это время был на работе. Я пошла вместо него с только что родившейся Валечкой. Там сидели сытые администраторы, заживевшие злые люди — они не внимали бедному люду. Мне сказали: «Ишь, разжалобить захотела! Пришла с ребёнком». И выписали штраф 25 рублей. Я заплакала и ушла. Да, сытый голодного не разумеет! Были такие обидные мелочи в жизни. Но нам хватало на всё. У нас всегда в запасе было что поставить на стол, если придут друзья. Мы были всегда довольны, радостны и счастливы. Собрание мы посещали отделённое. Пели в хоре, Саша проповедовал и был регентом.

Но вот настало время гонений, пришли власти и предупредили братьев: «Если не прекратите собираться, подгоним бульдозер и вашу палатку уничтожим». Братья посоветовались. Жалко было Алексея Прокопьевича, во дворе которого была палатка, а впереди стоял дом — не захотели лишать его дома. И на утреннем собрании объявили, что вечером будет последнее собрание. Каким трепетом наполнилось сердце: «Последнее собрание». Собралось очень много братьев и сестёр. Все плакали. Что будет дальше? Идти в зарегистрированное собрание? Некоторые так и сделали. Сразу ушли в зарегистрированное собрание. А некоторые решили потихоньку собираться на природе

и по домам. Саша собрал молодёжь и некоторых ревностных христиан, и мы по воскресеньям выезжали за город — в Авваль, Янги-Чек и другие места. Сначала очень многие братья и сестры посещали эти собрания, но к зиме это прекратилось. Многие ушли в зарегистрированное собрание. Пошли и мы один раз утром, дошли до собрания и вернулись. Сердце не соглашалось. Стали собираться один раз в неделю в Киргилях среди немцев. Заранее составляли программу, готовили проповедь, читали Слово Божие, выучивали Золотой стих, читали из журнала интересный рассказ, пели христианские гимны, молились. Все были очень рады общению. Со временем душа истомилась без церкви. Старшие братья молчали, ничего не предпринимали. И мы решили сходить в зарегистрированное собрание. Внимательно слушали проповеди, смотрели, как примут нас братья и сестры. Не было никакого лукавства, нас все приветствовали от души. Мы долго молились и решили временно ходить сюда. Позже нас приняли в члены Церкви. Мы стали петь в хоре. Саша иногда дирижировал. Я уже была в декретном отпуске.

Была я молодая, сильная и здоровая. Беременность протекала спокойно, не было никакого токсикоза. 12 мая в пятницу мы пошли на спевку. У меня уже начались схватки. Я взяла с собой документы для роддома. Саше сказала, что после спевки пойдём в роддом. Учили гимн: «Когда беда ужасней, страдания больней». Я пела, а дитя уже просилось на волю... После спевки мы пошли пешком в роддом. Меня приняли, а Сашу отправили домой. Он вернулся домой поздно, никто и не заметил, что он пришёл один. Утром рано он пошёл на наш базарчик. Купил клубнику, шоколадку и приехал ко мне. Я уже лежала в общей палате. Все боли закончились, родилась девочка, и я отдыхала. Утром вижу, Саша взобрался на окно и зовёт меня.

* * *

*Не важно, утро было или ночь,
Но был прекрасным миг тот для меня, —
Ты в жизнь пришла, малютка, наша дочь,
И солнцем встретил первый день тебя.*

Валечке 40 дней

*Твой первый взгляд и нежный голосок
Я жаждала, заранее любя.
Пусть труден подвиг был, но Бог помог,
И в мои руки Он вручил тебя.
Летят вперёд раздумья и мечты,
Пытаясь в будущее робко заглянуть,
Всё изучаю я твои черты,
Взгляд оторвать подолгу не могу.
Уже мне видится твой первый шаг,
Твоя улыбка, первые слова...
Я отвлеклась... а на моих руках —
Малышка, Валечка, моя!
В семейке нашей новое звено,
Так многое с собою принесёт.
Сродняет нас желание одно:
Пусть Бог благословит дитя сие!
Пусть день звенит и пусть поёт нам ночь:
Теперь я — МАМА, ты — малютка-ДОЧЬ!*

Мама

Так я стала МАМОЙ! У нас родилась девочка весом 2300. Её показали мне после рождения. Маленький ангелочек, розовенький. Она поплакала, как родилась. Её обмыли, взвесили, завернули в пелёночки, и она уснула. Затем унесли в детскую комнату. Я же должна была ещё два часа лежать в родзале, прежде чем переведут в общую палату. Но теперь легко было лежать. Я быстро уснула, так как приближалось утро, а мы ещё не спали. Валечка родилась в полчетвёртого утра. Когда меня перевели в палату, было так хорошо! Какая была прекрасная постель! Окна в палате были открыты, и свежий воздух через сетку проходил в помещение. Все спали. В 6 часов утра принесли другим мамам кормить детей. А мне нет, так как первый раз кормить приносят через 8 часов. И я решила снова уснуть. В 7 часов меня разбудили соседки, говорят: «МУЖ пришёл!» Я открыла глаза и увидела Сашу в окне во весь рост. Он улыбался мне и был переполнен счастья... Акушерка, увидев его, хотела поругать, но он как ни в чём ни бывало, попросил её передать мне передачу. Не знаю, или она была такая добрая, или Саша ей понравился, но она открыла окно, взяла передачу и передала мне. Она сказала: «Ну и муж у тебя! С таким не пропадёшь!» Мне было приятно, что Саша так любит меня и заботится обо мне. После родов я очень захотела кушать, поэтому открыла пакет. Там была моя любимая колбаса, шакар-чурек (восточная сладость), шоколадка и свежая клубника. Я поблагодарила его и отпустила домой, так как ему надо было идти на работу. Утром за завтраком он объявил, что он уже ПАПА. Все были очень удивлены, когда же успела родиться девочка? Он сказал: «Она родилась, пока вы все спали».

У мамы свои заботы... Я не могла дождаться, когда же принесут ребёнка? Хотелось посмотреть на неё, сравнить, на кого похожа? Но вот и принесли мой драгоценный комочек. Детей из детской палаты привезли на одной большой кровати, на которой они штабелями лежали друг возле друга. Детские нянечки

брали их по одному и раскладывали мамам на кровати. Первый раз я взяла в руки свое дитя. Стала кормить. Она не сильно тянула грудь, но было что-то неповторимое в этом! Да! Как приятно кормить ребёнка! Особенно, когда приходит молочко. Какая-то нега пробегает по всему телу и так хочется пить... Великое счастье быть матерью! От радости и счастья забываешь всё, все муки родов. Как будто ничего не было. И как маленькие дети с куклами, так и мы, взрослые женщины, лепетали со своими сокровищами. Каждая мать разговаривала со своим детём, не обращая внимания на других. Интересно было, какие глазки, какое личико, больше папиного или маминого в нём? Я украдкой открыла ножки и посмотрела на стопочки. Второй и третий пальчики на ногах были наполовину сросшиеся. Наш ребёнок! Мамин фасон! У моей мамы, у меня и ещё у некоторых наших детей и внуков есть эта особая примета: сросшиеся наполовину два пальчика на стопе — второй и третий. В роддоме дни летели мгновенно. Каждые три часа приносили кормить детей, то приносили нам еду, то мы ходили на процедуры. А тем, кто первый раз рожал, три дня не разрешали вставать. Теперь, сравнивая как рожают в Америке, поражаешься: женщину в этот же день или на следующий отпускают домой. Помню, наша Вера после того, как привезли её с Дэником, села сама в машину и поехала домой. А Женя следом за ней на второй машине. Я не могла дожидаться звонка, не могла успокоиться, как могли разрешить ей сесть за руль? Ведь могла закружиться голова! Но, слава Богу, всё прошло хорошо. Ну, а в Фергане меня собирались держать 14 дней, так как ребёнок родился весом меньше 2500 граммов. Такой ребёнок должен две недели находиться под наблюдением врача. Но я, как врач, попросила зав.отделением сделать мне исключение — отпустить в субботу домой. С работы мне принесли большой торт, и я преподнесла его врачам. Так меня отпустили... Я чувствовала себя здоровой и сильной. И когда ушли все на собрание, я перемыла пол во всех комнатах, везде убралась. Мама как узнала очень удивилась и поругала меня, велела отдыхать и ничего не делать. Но мне не сиделось. Валечка хорошела с каждым днём. В то время в роддоме давали

справку, что родился ребёнок, а имя можно было дать в течение месяца. Мы перебрали много имён и решили дать имя — Валечка. Ежедневно приходили друзья, поздравляли с рождением ребёнка, приносили подарки: распашонки, пелёнки, игрушки.

Спала малышка первое время в приготовленной коляске. Матрасик я сшила и подушку вышила крестом и обшила ленточкой по краям. Приготовила и одеялко. Да! Первый ребёнок — всё было новое — и бельё, и простынки и пелёночки — простые и фланелевые. Появились и новые заботы. Кормила Валечку часто — каждые 3 часа. Она была очень спокойная, никогда не плакала. Один раз, когда ей было уже 2 недели, пока были гости, она уснула на диване. После, когда гости ушли, мы не хотели тревожить её и оставили спать на диване. Среди ночи раздался сильный стук и крик ребёнка. Мы соскочили — Валечка лежала на полу. Оказывается, она выкатилась из пелёнок и упала... Я схватила её. Успокоила. Всё обошлось хорошо.

Росла она быстро. В месяц уже смеялась осмысленно. Когда ей исполнилось 3,5 месяца, я пошла на работу. До 5 месяцев за ней смотрела мама. Потом мы устроили её в ясли. Утром я относила её в ясли шелкомотальной фабрики. Сама садилась на автобус и ехала до самой Облсанэпидстанции. Моя работа начиналась в 8.30 утра. Я всегда успевала без опозданий. Работу я заканчивала на час раньше — по полчаса на одно кормление. Вместо трёх, я уходила в два. Если был автобус, ехала на автобусе, если нет — шла пешком. Идя быстрым шагом, я успевала дойти до дома, а автобус ещё и не показывался.

Мы с Сашей по-прежнему были вместе с молодёжью. Валечку мы везде брали с собой. Её все любили, каждый хотел поддержать на руках. Она была лёгкая и подвижная. Мы купили ей кроватку с сеткой. В 7 месяцев она свободно вставала, держась за сетку, затем держась за перекладину, прыгала. Как она прыгала! Волосики её поднимались и опускались, на лице радостная улыбка... Да, какое счастье — дети! Каждый день было что-то новое в её поведении. Когда мы с Сашей ходили на спевку, за ней смотрела одна сестра — Лена. Она любила её, как своё дитя, покупала ей игрушки, играла с ней. Интересно, что

Валечка могла идти к любому, кто хотел поддержать её. Со всеми она была дружна. В то время впервые появились новые поролоновые игрушки. Мы покупали ей самые красивые, ведь они были недорогие. Дарили ей игрушки и друзья. В июне, когда Валечке исполнился 1 год и 1 месяц, пришёл к нам в гости отец Лиды, жены Вены, и стал приглашать меня поехать с ним на поезде в Кустанай. Он ехал в гости к детям, а меня просил поехать к родителям. Я уже снова была в декрете. До родов оставался примерно месяц. Но Саша не захотел отпустить меня. А мне очень хотелось. Я хотела побыть дома около родителей и родить там, а затем вернуться домой. Но Саша объяснил мне, что он не сможет поехать за мной, чтобы привезти меня с двумя детьми, а мне одной будет очень трудно с двумя малышами. Он остался непреклонен. Я очень расстроилась и вечером не согласилась идти с ним на молодёжное общение. Он же попросил друга нашей семьи Валю (теперь Разумовскую) пойти к нам и уговорить меня прийти. Она пришла, а я почувствовала, что сегодня рожу второго ребёнка. Сказала ей. Согласились на том, что все вместе пойдём на вечер. И если мне будет плохо, Саша отвезёт меня в роддом, а она побудет с Валечкой. Так и поступили. Вечер уже начался, я побыла немного, и схватки усилились. Саша в 11 часов отвез меня на автобусе в роддом и в час ночи уже родилась наша вторая девочка — Анечка. Саша хотел мальчика, но Бог усмотрел по-Своему. С моей работы снова пришли сотрудники, поздравили меня и сказали: «Не огорчайся, что вторая девочка, ты же веришь, что это от Бога? Назовите её Анечкой». Дома мы посоветовались, нам всем понравилось имя, и мы назвали свою вторую дочку Анечкой. Позже Саша сказал мне: «Видишь, как хорошо, что я не отпустил тебя, а то бы ты родила в дороге, что было бы?» Да, мужа надо слушаться, он всегда заранее предвидит, как будет лучше.

Теперь стало ещё веселее. Валечка целый день бегала по двору, вертелась возле бабушки, обнимала сестричку. Не ревновала, что мама больше времени уделяет теперь не ей. Анечка родилась весом 2600. Была крупнее и сильнее. Грудь сосала хорошо и быстро прибавляла в весе. За три месяца я хорошо

отдохнула. Надо было снова идти на работу. Детей решили устроить в ясли. Я оформила все документы и повезла детей в ясли. Ехать было недалеко. Анечка вела себя в яслях хорошо, а Валечка плакала и просилась домой. Делать было нечего: я оставляла её и уходила на работу. Забирала их в два часа, но и за это время Валя успевала столько наплакаться, что ее голос становился хриплым. Нянечки что только ни старались ей давать, но она ничего не хотела, только домой. Одна сестра-старушка в церкви предложила нянчить детей бесплатно, лишь бы ей было где жить. Мы согласились. Во дворе была времянка, и родители отдали её нам, чтобы сделать детскую комнату и поселить бабушку. Это было удобно. Валечка по-прежнему носилась по двору, а Анечку бабушка не спускала с рук, держала на руках, как сокровище. Я приезжала на велосипеде домой кормить Анечку каждые 3 часа. Позже бабушка стала умудряться накормить её до моего приезда. Дело в том, что Сашин брат Володя тоже женился, и у него родился сын, месяцем позже Анечки. Молока у Веры, жены Володи, было много, и она могла покормить обоих. Тогда я уже не ездила так часто, а возвращалась с работы в два часа дня.

*Снова стала я в жизни матерью.
Предо мною лежит малютка,
Я смотрю на неё внимательно
И стучит моё сердце гулко.
Пусть забот ещё больше стало,
И бессонных ночей прибавилось,
Но в руках драгоценный подарок, —
И бежит далеко усталость.
Что нам жизнь принесёт, не знаю,
С нами Бог! И тому я радуюсь.
Если вдруг ослабею, устану,
Лишь Ему Одному признаюсь.
Счастье матери! Что есть большее?
Телом то и душой ощущаю.
Когда жизнь моя канет в прошлое, —
Видеть деток спасённых желаю.*

*Тогда были не зря пережиты
Боли, трудности, ночи бессонные...
Пусть состарюсь, но с прежней нежностью
Буду мать — это счастье огромное!*

С работой у меня всё было очень хорошо. Ежемесячные отчёты в Ташкент я посылала всегда вовремя и делала их правильно. Мой профессор Иоффе также любил меня и радовался, что я снова на работе. Заболеваемость бешенством среди животных резко сократилась благодаря слаженной работе трёх служб: милиции, ветеринарии и санитарного просвещения медицинскими работниками. Милиция заставляла всех жителей зарегистрировать и привить своих собак, ветслужба отлавливала бродячих собак, а мы вели санитарно-просветительную работу среди населения, издавали плакаты, санбюллетени. В результате заболеваемость среди людей с 7-10 случаев в год сократилась до двух. Это хорошо. Но наша задача была — ликвидировать эту болезнь совсем. Все, кто заболел бешенством, умирали на второй-четвёртый день в полном сознании и в больших мучениях. Я сама видела в Маргилане такую больную бешенством женщину: она лежала в отдельной палате, окна были завешаны тёмными одеялами, так как все эти больные боятся света. В палату никого не пускали. Любое дуновение ветра вызывало у неё приступ. «Светобоязнь, воздухобоязнь и водобоязнь» — вот классические признаки бешенства. Вирус бешенства после укуса больным животным быстро распространяется по нервным волокнам и достигает головного мозга. Там образуются тельца Негри, по ним ставят диагноз патологоанатомы. Если же укушенный человек вовремя примет прививки, то вирус не развивается, в организме вырабатываются антитела, которые и предупреждают заболевание. Вот и старалась я, чтобы люди знали об этом и вовремя получали прививки. И всё-таки иногда люди заболевали бешенством. Один только год за 5 лет моей работы не было ни одного случая болезни среди людей, а среди животных мы также принимали все необходимые меры.

Когда я в третий раз пошла в декрет, Саша отпустил меня поехать к родителям, погостить у них недолго и до родов вернуться домой. Я поехала с двумя детьми. В Ташкенте была пересадка. Доехала я хорошо. Дома меня встретили с радостью. Мама сказала, что они будут смотреть за детьми, а я буду отдыхать. Это было для меня большой радостью, я так была благодарна, что Саша отпустил меня. Теперь папа с мамой жили уже в 2-х этажном большом доме. Мила, Вова и Верочка были ещё небольшие и находились возле родителей. Вена с Лидой и детишками жили отдельно в государственной квартире. Я ходила к ним в гости. В подарок детям принесла пластилин: что ещё я могла привезти им? Ведь мы жили тогда тоже очень скромно. Если первого ребёнка мы привезли домой на такси, то со вторым решили сэкономить деньги и пошли домой пешком. А Валя Разумовская, посещая меня в роддоме, когда я родила Анечку, принесла мне показать и предложила купить красивые красные босоножки. Я померила, они были так хороши мне, но что я могла сказать ей?.. Я сказала: «Они хороши мне, но мне пока не надо, у меня есть, что носить». И вот теперь я у мамы. Мама говорит: «Если что понравится тебе у нас, бери себе». И мне понравился детский столик плетёный и к нему 4 стульчика. Мы их упаковали и отправили багажом. Мама нашла много новых платьев Вале и Анечке. Интересно, что Валечка у бабушки стала хорошо разговаривать. Ей было всего 2 года. Скажешь ей: «Иди, позови Вову кушать». Она бежит к нему и говорит: «Вова иди кушать». Один раз Валечка залезла на второй этаж, а оттуда по лестнице на балкон. Сердце моё замерло... Она могла выпасть между колонн и разбиться об бетон. Я быстро побежала на балкон, осторожно подошла сзади и схватила её. Слава Богу, всё обошлось хорошо. С этих пор мы закрывали двери наверх, чтобы она не могла больше попасть на балкон. Отпуск пробежал быстро, и я вернулась домой. Помню, как в Ташкенте у дяди Гоши ели вкусный виноград. Я могла повидаться снова со своими друзьями юности.

В октябре у нас снова родился ребёнок, и это снова была девочка, Линочка. Она была такая хорошенькая, такая спокой-

ная. Весом опять была маленькая — 2300. Несмотря на то, что это был уже третий ребёнок, я с ней обращалась как с куклой. Надевала рукавички, повязывала их бантиками. На ползунки тоже навязывала бантики. Она очень долго спала. Я успевала переделать все дела, а она всё спала. Валечка и Анечка часто сидели за столиком, который мы привезли от бабушки, и рисовали. Иногда лепили что-нибудь из пластилина. Так мы жили у родителей. И нам было хорошо.

Свой дом

Когда Линочке исполнилось 3 месяца, я снова пошла на работу. За детьми смотрела мама. Я работала также с 8.30 до 14 часов. На собрания я уже ходила реже. Я купила себе новое пальто зелёного цвета за 38 рублей. На работе мне предложили новую белую шапочку. Я поправилась и стала выглядеть очень хорошо. В семье у нас тоже было всё в порядке. С Сашей и его родителями мы жили очень дружно. Теперь у них было уже три снохи: у Васи — Валя, у Саши — я, у Володи — Вера. И все мы жили в одном доме и в одном дворе. На зиму Саша привозил домой улья и ставил их возле забора. Из транспорта у нас был только велосипед. Мёд привозили с пасеки на грузовых машинах. Продавали знакомым прямо дома. Летом Вера сшила всем трем моим девочкам красивые платьица одного фасона и из одного материала. В них они ходили на собрания и в гости. Хорошо нам было у родителей, но уже много народа собралось в доме, и надо было потихоньку свивать своё гнездышко. Вася с Валею купили себе домик в Ярмазаре. Мы же искали в Беш-Боле. Нашли один домик из 2-х комнат. С узбекского переделан на русский лад, а обе комнаты без пола и света. В первой комнате была сделана обыкновенная печка, на которой можно было и готовить, и обогреться. У входа во двор была ещё одна отдельная комната. Там был и свет, и пол. Там пока жили другие люди. Двор был большой, но длинный и уз-

кий. Было много фруктовых деревьев, росла клубника. Через двор проходил арык, так что поливать огород было легко. Дом этот стоил целых 1500 рублей. Так как у нас совсем не было денег, Саша попросил займы у одного верующего пчеловода — Петра Фёдоровича Безинского. Он дал нам деньги, и мы купили этот домик. Родители не хотели нас отпускать, но мы уже решили. Когда-то надо начинать жить самостоятельно. Наняли грузовую машину и погрузили самое необходимое, остальное всё оставили пока в своей комнате. Когда переезжали, у Лины была высокая температура. Мама просила оставить малышку у неё, но мы взяли её с собой. Я дала ей лекарства, и температура постепенно прошла. Хорошо помню, как мы переехали, разгрузились, поставили всё, покушали, и Саша уехал на работу в ночь. Я осталась дома одна с ребяташками. Света не было, горела свеча. На улице же была страшная буря. Дул сильный ветер, деревья скрипели, в трубе завывал ветер. Мы с детками помолились и легли спать.

Теперь мы были одни. Я привыкла, что всегда в доме много людей, а теперь уже только своя семья. На пол мы постелили картон. Готовили и обогревались обыкновенной печкой с двумя конфорками. Позже мы купили уголь и жгли его. На другой день, как мы переехали, нам привезли трёх поросят. Их привезли из Узгена. Они были маленькие, но здоровые, хорошей породы. Все три вместе стоили 100 рублей. У нас как раз было 100 рублей. Эти деньги дал нам Володя, Сашин брат, за шкаф, который остался ему в нашей комнате. Поросят мы поместили в кладовочке, в яме для картошки. Постелили туда соломы, места было достаточно, и им было там тепло. Кушать давали наверху в корытце. Варили им суп вермишелевый или крупяной без мяса. Это же кушали и мы. Иногда я ездила на велосипеде на базар и набирала там соломы для поросят. С детьми в это время был Саша. Поросята росли очень быстро. Весной мы перевели их в комнату у калитки. Там тоже стелили солому на пол, и на соломе они спали. Корыто для еды прибили в другом углу.

Вскоре братья Разумовские — Витя и Евгений Петрович — провели нам свет. Как хорошо было со светом! В марте мы

ожидали пополнение в семье. Я переходила на целый месяц свой срок, так что Павлик родился 30 марта 1965 года. Когда я уходила в роддом, в нашем саду цвело всего 3-4 дерева, а когда вернулась — весь сад был в цвету! Как красиво! А запах! Начала цвести и клубника. На этот раз меня с малышом привёз домой Сашин друг на «Волге». Это было очень кстати, так как здесь не пойдёшь пешком, очень далеко, да и я уже стала слабее. За пять лет родить четверых детей — это тоже нелегко. Помню, пришли нас посещать папа с мамой и бабой Улей. Они принесли уже готовую пищу и разные подарки для Павлика. Пока, вернее, это был просто мальчик без имени. Имя мы должны были выбрать вместе, чтобы всем нравилось. Интересно, что

Я и Саша
— 85 —

это был первый мальчик в нашей семье, долгожданный. Когда он родился, Саша пришёл к родителям в гости. Они посадили его кушать. Он был радостный и счастливый. Это не ускользнуло от них. Они спросили, что случилось, почему ты такой счастливый? Он признался: «Сын родился!» И все поздравляли его. Посещали меня в роддоме и сотрудники Облсанэпидстанции, где я работала, и рады были, что, наконец, Бог послал нам мальчика. И вот теперь я дома и окружена заботой родителей и родственников. Баба Уля предложила имя ПАВЛИК в честь её сына. Нам всем это имя понравилось, и мы назвали своего первого сына Павликом. Пока я была в роддоме и ещё некоторое время после, пока я окрепла, у нас жила тётя Таня (мы её звали баба Лёля) — мамина сестра. Затем она уехала домой в Чарджоу.

Когда кончился мой декретный отпуск, я вышла на работу на своё же место — рабиологом. Я опять же работала с 8.30 утра. Когда Саша работал во вторую смену или в ночь, он смотрел за детьми. Когда у него была утренняя смена, за детьми смотрела Тая Откидычева. Они жили рядом с нами, и у неё тоже была маленькая девочка Ниночка. Так выручала нас эта добрая хорошая сестра, несмотря на то, что у неё тоже было много детей и много работы. Она была всегда весёлая и добрая, внимательная, искренняя христианка. Пример для подражания.

Однажды я поехала вечером за лекарством в аптеку. Передо мной в очереди стоял один узбек с рецептом. Кассир очень ругалась, так как ничего не могла понять, что было написано. Узбек сказал кассиру: «Это у нас такой новый доктор в Саур-Булаке». Саша работал на теплоэлектростанции начальником смены. У него работал один таджик, который жил в Саур-Булаке. Саур-Булак — это посёлок в овощеводческом совхозе, который располагался между Ферганой и Киргилями. Саша однажды был у него дома в гостях, и ему очень понравилось это место. Между прочим, тот узбек в аптеке сказал мне, что этот доктор хочет ехать учиться дальше, и его место будет свободно. На другое утро мы с Сашей поехали в медпункт и там встретились с фельдшером. Он очень обрадовался, что я хочу здесь рабо-

тать, потому что ему надо было уже уезжать поступать в институт. Затем мы поехали к главврачу Ярмазарской больницы, в чьём ведении был этот медпункт. Я попросилась на работу в медпункт Саур-Булак. Главврач, узнав, что я кончила ТашМИ, предложила мне работать врачом на Чек-Шуре. Но я упростила её принять меня в Саур-Булак. Главврач Софья Александровна Негримовская — чудесный добрый человек, хороший руководитель, хороший опытный врач — была любимцем всех людей, среди которых она жила и работала. Она согласилась меня взять в медпункт Саур-Булак. Только она сказала, что там фельдшерская ставка, поэтому мы добавим вам 0,5 ставки санитарки, и вы будете получать 105 рублей в месяц. Это было почти в 2 раза больше, чем я получала, работая в Облсанэпидстанции. Работать надо было 6 дней в неделю. Приём больных был с 9.00 утра до 12.00 дня. Ещё надо было обслуживать вызовы на дом к больным, посещать полевые станы в совхозе и наладить работу с профилактическими прививками. Это всё для меня было знакомо. Я не боялась работы, знания у меня были хорошие. Только надо было выучить узбекский язык. С детства живя рядом с узбеками, мы могли разговаривать по-узбекски, могли купить всё на базаре. Узбекский учили в школе. Так что азы я знала. Вот только медицинские термины надо было выучить да уметь понять жалобы на узбекском языке. После того, как мы договорились с Софьей Александровной, я должна была выйти на следующий же день на работу в Саур-Булак. Поэтому я сразу поехала в ОблСЭС и подала заявление на перевод в Саур-Булак по семейным обстоятельствам. Я объяснила главврачу, что мне трудно ездить на велосипеде каждый день и не с кем оставлять детей. И главврач дал согласие на перевод.

На следующее утро Саша был дома с детьми, а я поехала на работу первый раз. Ехать надо было от базара на автобусе до Джуйдама, а затем идти пешком немало до Саур-Булака. Медпункт был в центре Саур-Булака. Навстречу мне шла старая женщина. Увидев меня, она спросила: «Ты доктор?» Я сказала: «Да». «Ну вот, мой внук больной. Пойдём к нам. Если вылечишь его дома, будешь работать. Не вылечишь сама дома —

ты плохой доктор. У нас много работы, нам некогда ходить по врачам. Больницы мы тоже очень не любим. Ты должна быстро лечить всех дома». Она привела меня к себе домой. На кровати лежал больной годовалый мальчик. Кожа и кости. Большие глаза. У него был понос. Без всяких сомнений ставлю диагноз — токсическая диспепсия. Говорю бабушке: «Такие больные только в стационаре лечатся». У него сильное обезвоживание, рвота, понос, нет аппетита. Как оставить такого ребёнка дома? Предлагаю положить ребёнка в Ярмазарскую больницу. Но старушка твердит одно: «Лечи сама здесь дома. Пиши рецепт, мы поедem в аптеку за лекарством и будем давать ему, как вы скажете». Я решила попробовать. Молилась Богу, чтобы Он помог мне вылечить этого дитя на дому, чтобы он поправился, а не умер. И Господь помог. Мальчик быстро стал поправляться. И все полюбили меня и поверили, что я смогу у них работать.

Саур-Булак

Так я стала работать в Саур-Булаке. Бурибеков Алижон — мой первый пациент в Саур-Булаке быстро поправился. Обо мне пошел слух среди жителей посёлка, что я хороший врач. На работу я ездила на велосипеде по короткой дороге — Беш-Бола, Чим-Кишлак, Саур-Булак. На работу приезжала всегда вовремя. Больных приходило много. Жалобы их я понимала. Некоторые слова я знала, некоторые приходилось учить. Например, они показывали на печень и говорили — жигар. Показывали на сердце — говорили юрак. Голова — бош. И так я быстро научилась понимать их. Рецепты я могла свободно выписывать правильно и понятно. Я хорошо знала латынь и могла правильно писать, знала дозы всех основных лекарств. Иногда покупала основные лекарства сама, на 5-10 рублей, и продавала тем, кто не мог быстро купить, кому некого было послать в аптеку. Лекарства тогда стоили копейки: норсульфазол — 19 копеек, аспирин — 6 копеек, анальгин — 31 копейку. Шприцы, стерили-

лизатор, стетофонендоскоп, термометры, тонометр — всё было уже в медпункте. Медпункт занимал одну комнату. Одно окно выходило во двор. Одна входная дверь. У окна стоял старый диван. На нём лежало большое узбекское одеяло, сверху застеленное новой белоснежной простынею. Слева у стены стоял большой конторский стол с тумбами и ящиками для документов. Он тоже был застелен белой простыней вместо скатерти. Больные садились у этого стола сбоку, а я сидела посередине, и мне удобно было принимать их. Я записывала их в журнал приёма больных, указывала возраст, адрес, диагноз и назначение. Проверяла давление, делала уколы, мерила температуру, кипятила шприцы, ставила банки, делала массаж, перевязки, прививки. И так ежедневно я принимала не меньше 30 человек. Народ был ослабленный. Много было худых больных женщин, особенно старых и беременных. Всем им приходилось делать внутривенно глюкозу с аскорбиновой кислотой. Некоторым делала гамма-глобулин, особенно слабым детям. Беременных я тоже принимала сама, давала им дородовые и послеродовые больничные листы. Интересно, что эти женщины никогда не обманывали, срок беременности я всегда ставила правильно, и у меня не было проблем с переносными и недоношенными беременностями. Школьникам давала справки об освобождении от занятий. Учителя без моей справки не пускали на занятия, поэтому все больные дети были у меня в поле зрения. Это было очень важно, особенно если кто-то заболел инфекционным заболеванием. Я сразу принимала необходимые меры. Один раз в неделю мы ходили на пятиминутки в Ярмазар и отчитывались за свою работу. Мой участок был примерным, и за него главврач Софья Александровна была всегда спокойна.

Проработав около месяца, я попросила хосилота — главного управляющего в Саур-Булаке — разрешить нам жить всей семьёй в комнате, которая была рядом с медпунктом. Она была свободная. Комната была большая с полом деревянным и светом. В ней было три больших окна. Вход был со двора. Двор хороший. В нём кладовочка и большая недействующая мечеть. Рос виноград, было много плодов. Эргаш-ака-хосилот — был

добрый человек. Он сразу разрешил, и мы вскоре переехали. Пришлось продавать свиней. Их нельзя было везти к узбекам, они считают свиней нечистыми животными. Одну взял Саша Ермолов, одну — Тая Откидычева, одну — Валя Разумовская. Валя с Витей Разумовские купили также наш дом в рассрочку. Итак, в августе 1965 года мы переехали жить в Саур-Булак. Перевезли, что у нас было, из Беш-Болы. Привезли также шифоньер. Он был нужен для белья и одежды. Детей у нас было уже четверо. Но все хорошо поместились в одной комнате.

Нам очень понравилось на новом месте. Комната была большая и светлая. Дети всё время смотрели в окна на проходящих людей. Дети были красивые, и проходящие люди с удовольствием смотрели на них, разговаривали с ними. И детям было интересно. Утром в 9 часов я уходила в медпункт. Проводила приём. Дети же были через стенку. Они тихо играли, пока я работала. Если был перерыв в приёме, я могла побежать домой и посмотреть, что делают дети. Когда Саша был дома, мне вообще было хорошо. Рядом с медпунктом была лепёшечная. Мы часто покупали горячие лепёшки. Одна лепёшка стоила 10 копеек. Ели их со сливочным маслом. Какие они были вкусные! Через дорогу был родник — большой забетонированный бассейн. Там плавали рыбки. Вода была холодная. Рядом была построена небольшая купальня. Некоторые люди приезжали туда искупаться, чтобы исцелиться, бросали в воду мелочь — копейки. Потом мальчишки ныряли и собирали эти деньги. Вокруг были большие деревья. Это место было и священное, и удобное для отдыха. Иногда там отмечали какие-нибудь праздники: пекли масляные лепёшки в котле по какому-нибудь случаю, тогда собирался народ, садились на полу рядами или группами и пили чай, ели лепёшки и беседовали. Тут же были и старики, а местный мулла совершал молитву. Старики сидели на тахте, которая там стояла. Нам понравилось и место, где мы стали жить, и народ, среди которого мы поселились. После работы я ещё делала обходы по дворам, знакомилась с людьми, с семьями, с детьми. Всем детям я делала заново прививки. Иногда приходилось брать с собой своих детей. Их люди любили, угощали

печеньем и конфетами, горячими лепёшками. Если где была свадьба, мне давали большой свёрток — плов, лепёшки, самсушки, хворост, конфеты. Приятно вспоминать то время. Как Господь заботился о нас!

Саше тоже стало ближе ездить на работу. Он выходил на Джуйдам и там садился на вахтовый автобус. В этом же году осенью хосилот выделил нам большой участок земли в Джуйдаме — 13 соток. Саша с папой распланировали участок, и мы залили фундамент на дом этой же осенью. Бетон покупали машинами, сразу готовый. Бетон стоил 12 рублей машина, а крупные камни — по 5 рублей машина. Поработали хорошо, заложили фундамент на 5 комнат и кухню — большой дом. Сашин папа за зиму купил хороший лес на балки и на пол. Купил готовые рамы и двери. Шифер папа купил по 1 рублю за штуку. Весной мы наняли трех узбеков делать кирпичи по 13 рублей за 1000 штук. Они разровняли место, где формовали кирпичи, землю брали прямо во дворе. Я готовила им кушать в обед и относила. Чай они кипятили себе сами. За три недели эти люди сделали нам 30000 кирпичей. Мы тоже помогали им. Приходили переворачивать кирпичи, сухие складывали рядами. Работали все. Даже маленький Павлик, которому было всего годик, тоже подносил кирпичи. Один раз кирпич упал ему на ножку и выступила кровь. Его ноги ещё не зажили после ожога. Ожог он получил, попав в угольную раскалённую пыль, которую выбросили лепёшечники. Аня, Валя, Линочка и он шли, взявшись за ручки вдоль дороги. Пыль эта была выброшена на обочине дороги. Дети шли к соседям, и Павлик двумя ножками наступил в золу. От боли он сильно закричал. Я в это время была в медпункте. Услышав крик, прибежала к детям. На ножках у Павлика — на подошвах и пальчиках — сгорела кожа. Я схватила его и быстро поднесла к хаузу (искусственный водоем) и опустила ножки в воду. Ему стало легче, и он стал меньше плакать. Да, раньше я не замечала, что они выбрасывают уголь вдоль дороги, и урок был мне, чтобы я была внимательной. Ведь так пострадать мог любой ребёнок или взрослый человек. Я наложила на обожжённую поверхность стрептоцидовую эмульсию на рыбьем жире.

Прикладывала и глазную мазь. В тот день я ему меняла повязку раз 10, потому что, как только наложу повязку, он успокаивается, не плачет. Ночью после перевязки он так тихо уснул, что я испугалась, не умер ли? Но послушала дыхание — дышит равномерно, спокойно. На другой день я сходила к хирургу в Киргили, показала его. Но врач и медсестра так хладнокровно отнеслись к Павлику, что я больше не ходила к ним. Они наложили тоненький слой мази и велели приходить через три дня и больше не перевязывать в течение этих трёх дней. Несмотря на то, что я так хорошо смотрела за ним, на ногах у него остались шрамы — сросшиеся рубцом пальчики. В то время мы ещё не знали такой мази, которая не оставляет шрамов.

Когда кирпичи подготовили, Саша взял отпуск и нанял трёх человек: здоровых, сильных мужчин — крымских татар — и вместе они очень быстро возвели стены. Потом пришли Сашины братья и поставили балки и стропила. Покрыли шифером — и дом готов. Полы настелили во всех комнатах, кроме зала. Затем наняли одну семью — мужа и жену — и они стали штукатурить наш дом. Мы поставили в кухне газовую плиту, и дядя Вася с женой могли кипятить себе чай или подогревать еду. Сначала они поштукатурили с улицы, пока не было холодно и могла просохнуть штукатурка. Дядя Вася был мастер на все руки. Он сложил очень хорошую печь. Она хорошо грела и никогда не дымила. Печку каждый день топили, чтобы быстро сохла штукатурка. Какие хорошие были мастера! Они сделали такие красивые потолки! Карнизы! Каждый день после работы я брала детей и шла в новый дом, чтобы топить печь. Мастера уже одну половину дома закончили и работали на другой. А детская комната, наша спальня и кухня уже были готовы. В детской комнате мы расстелили большое тёплое одеяло, и дети там играли на полу. А я в это время топила печь, убиралась, готовила обед. От постоянной работы с раствором и водой, от холода, мои руки были все в трещинах. Был уже ноябрь. И хотя нам идти было недалеко, но холодно. Валя и Анечка шли рядом со мной, держась за подол моего платья. Линочку и Павлика я несла на руках на одной и другой руке, и, чтобы они не упали,

я руки сцепляла одну с другой. Трещины лопались, и сильная боль пронзала руки. Валя и Аня плакали, плакала и я сама. А Веночка в это время тоже ходил с нами, спокойно устроившись у мамы под сердцем. Сейчас это всё уже забылось, а тогда? Первое время я вспоминала со слезами, как нам достался новый дом. В декабре мы переехали в свой дом. Валечке было пять с половиной лет, Анечке — четыре с половиной, Линочке — 3 годика, Павлику — полтора года. Так БОГ подарил нам СВОЙ новый большой красивый дом, в котором мы под ЕГО благословением прожили 10 лет.

Из остатка кирпича Вена — Сашин брат — сложил нам забор, кладовую комнату и гараж. Поставили большие железные ворота и покрасили их. Какой красавец был наш дом! Это был самый красивый дом в Джуйдаме в нашем районе. Двор был очень большой. Его распланировали и посадили фруктовые деревья. При въезде во двор и во дворе сделали асфальт. Хорошо было и внутри дома. Самое главное — было тепло и уютно. В детской комнате мы поставили 4 кровати, и дети все спали отдельно. В магазине я купила 4 детских покрывальца, застилала ими кровати днём. Рядом с детской комнатой была наша спальня. В кухне стояла плита с баллонным газом, стол и стулья. Когда была закончена вторая половина дома, мы перевезли от родителей остальную обстановку. После отпуска я вышла на работу. Дети теперь оставались дома с Сашей или одни. Валечка и Анечка уже подросли, и можно было оставлять детей на них. В 12 часов я возвращалась домой. Если кому нужно было срочно оказать помощь, они приходили прямо домой. Я была всегда дома и никому никогда не отказывала. 22 мая родился Веночка. Он был очень спокойным ребёнком. Мне было хорошо дома с детьми. Но отпуск кончился, и я опять вышла на работу. С тех пор, как я устроилась в ОблСЭС, я работала без перерыва, отдыхая только в отпусках рабочих или декретных. Саша всё также работал на ТЭЦ. Теперь он был начальником смены, и его очень ценили как хорошего работника. Он стал хорошо зарабатывать, и нам стало легче жить. Об этом доме и о наших соседях осталось только хорошее воспоминание.

Джуйдам

После того, как мы переехали в свой дом, я предложила хосилоту сделать медпункт из двух комнат. В комнате, где я работала раньше, сделать зал ожидания, а вторую, бывшую нашу, оборудовать для приема больных. Он согласился. Сделали ремонт, покрасили пол, окна. Сельсовет дал средства на меблировку, стулья, тумбочки, занавески. Я купила два живых цветка в горшках, очень красивые, зелёные, пышные. Выделили деньги на медикаменты первой необходимости, на спирт, шприцы, стерилизаторы. Купили газовую плиту с баллонным газом. Стало совсем хорошо. Шприцы кипятили уже не только в электрическом стерилизаторе, но и на газе. Так потихоньку мой медпункт богател. Вместо старого дивана поставили новую медицинскую кушетку. Теперь мне дали в помощь санитарку, но я также получала полторы ставки, и мне самой не надо было заботиться о чистоте. Убиралась и кипятила шприцы санитарка. Я устроила санитаркой Людю Самсоненко. Она хорошо справлялась со своей работой. Кроме того, она могла хорошо оформлять санбюллетени. У меня появились красочно и грамотно оформленные санбюллетени.

Когда я стала работать, Сашина мама съездила в Чарджоу и привезла нам тётю Таню (бабу Лёлю). Она была совершенно слепая. Ей сделали операцию по удалению катаракты. Операция прошла неудачно, и глаз ослеп. Второй тоже не видел из-за катаракты. Мы согласны были и на такую няню: хоть и слепая, но слышит и находится около детей. И всё-таки взрослый человек. Так у нас появилась баба Лёля. Я ходила с ней к врачам офтальмологам, но они сказали, что надо, чтобы катаракта созрела, тогда будут делать повторную операцию. А пока она творила чудеса: умудрялась готовить обед, покормить Веночку. Валя ей всё подавала, говорила, подносила. Так она могла делать всё наощупь. Однажды после встречи нового 1968 года я снова повела её к врачу. На приём попали к главврачу отделения. Она всё внимательно обследовала и сказала: «Ну что,

приводите её в понедельник на операцию». А это была пятница. Я от радости даже заплакала...

Операцию сделали очень удачно. Уже на столе баба Леля сказала: «Доктор, я вижу!» Она стала видеть. Как она была рада! В то время после операции на глазах четыре дня нельзя было вставать, лежать надо было только на спине. Мы носили ей еду. Пролежав сколько положено, она вернулась домой. Ещё ей предложили удалить пропавший глаз, так как он болел, и поставить искусственный. Она согласилась. Вторая операция тоже прошла хорошо. Теперь наша бабушка стала не только видеть, но и похорошела. Но недолго мы порадовались, тётя Таня быстро захотела вернуться домой. Пришлось проводить её.

Опять мы остались одни. Я ходила на работу ежедневно кроме воскресения. Саша всё так же работал на ТЭЦ имени Ленина. Работал по сменам. На огороде мы посеяли редиску. Вырос большой урожай — крупная и хорошая редиска. Некуда было её девать. Продавали в Киргилях — два пучка за 15 копеек.

Мы также продолжали заниматься пчёлами. Ульи стояли у узбеков. Саша купил машину ГАЗ-67. Машина крепкая, надёжная, сильная. Саша умел хорошо управлять ею, так как в армии работал на ГАЗ-69. В субботу он брал меня с детьми на пасеку — это был для нас отдых. Хозяева-узбеки очень нас любили и всегда готовили нам плов. На свежем воздухе, в прохладе, в саду было так хорошо! Дети бегали, играли. Я помогала Саше работать с пчёлами. Летом приехали к нам Мила с Верой. Вера должна была продолжать учиться в школе. Мила устроилась работать медсестрой. Они стали посещать отделённое собрание. Мы же ходили ещё в зарегистрированное. Нам очень нравилась их ревностная, жертвенная жизнь. Они посещали все собрания, всё время были с молодёжью. Обе были красивы. У Милы была хорошая длинная толстая коса. Сама была хорошо сложена. Одевались хорошо. Верочка же была красавицей. Она играла на многих инструментах. У нас был немецкий аккордеон. Как она хорошо играла на нём! Играла и на скрипке. Мила играла на гитаре. Мы часто пели с ними.

Осенью 1968 года наша Валечка пошла в школу. Я повела её в школу №14. Эта школа была построена на том месте, где в мои детские годы был рынок, куда я ходила помогать одной бабушке собирать вечером в конце базара её товары. За это бабушка что-нибудь давала мне. Иногда даже деньги. Иногда я находила на полу швейные или машинные иголки и приносила их маме. А маме они были очень нужны. И вот на этом месте теперь стояла красивая двухэтажная школа. Нас с Валечкой приняла завуч школы. Она попросила Валечку рассказать какое-нибудь стихотворение. И она с выражением без запинки рассказала стихотворение: «Вот моя деревня, вот мой дом родной, вот качусь я в санках по горе крутой...» Завуч похвалила Валечку и приняла в 1 класс. Дороги троллейбусной тогда ещё не было. Можно было идти пешком или ехать на автобусе из Джуйдама. Валя училась хорошо. С начала учебного года я целый месяц с ней занималась, и она быстро освоила чтение. Учебный год закончила с хорошими отметками. На другой год Валя и Аня пошли учиться во школу №2. Она находилась недалеко от 14-й. Зато это была специализированная школа. В ней

Наша семья. 1969 год

английский язык начинали изучать с первого класса. В этой школе учились впоследствии и Лина, и Павлик, и Вена.

Мы старались одевать детей красиво. Часто покупали новые вещи. Иногда покупали красивые вещи на рынке. Помню все три девочки летом ходили на собрания в белых платьях. Их они одевали также, если ходили в гости. В 1969 году у нас родилась Наденька. Она была пухленькая с большими красивыми глазками. И ещё она была хорошим командиром. Грудь бросила сосать, когда ей было всего 1 месяц. Как я ни старалась заставить её взять грудь, ничего не получалось. Пришлось кормить её «Малышом». Эта смесь ей хорошо пошла, и она быстро росла и поправлялась. Это родился у нас уже шестой ребёнок. Посетила нас дома сестра Полина Гордеевна из зарегистрированного собрания. Она подарила 10 метров красивого ситца на пелёнки и простынки.

В 1970 году была свадьба у Милы. Господь послала ей друга жизни по сердцу — Юру Козубенко. Милу и Веру после всех молодёжных общений привозили к нам домой по поручению Совета церкви два брата — Юра Козубенко и Саша Ерёменко на мотоциклах. Часто они заходили к нам. Саша Ерёменко очень хорошо играл на аккордеоне, а мы пели. Иногда мой Саша учил их дирижировать. У Саши все движения были плавные и как бы сами получались. Дирижирование ему давалось легко. Юре это давалось труднее, но всё равно хорошо получалось. Хор же состоял из Милы, Веры, меня, Саши и кого-нибудь из этих двоих будущих регентов. Впоследствии оба брата стали регентами. Так вот Юра пока возил Милу, — увидел свою судьбу. Сделал Миле предложение, и она дала согласие, так как и Юра был ей по сердцу. На свадьбу приехали папа с мамой. У папы были пышные волнистые белые волосы на голове. Такой же была и борода. Когда он ходил по Саур-Булаку, все с почтением здоровались с ним: «Домля» («Учитель»). Потом, когда узнали, что это мой папа, были очень рады, что у меня такой почтенный отец.

В посёлке Саур-Булак жили в основном узбеки, немного таджиков, русскими мы были одни. Да, за все 28 лет моей ра-

Свадьба Милы

Папа

боты в этом посёлке жили всего три русские женщины, которые вышли замуж за узбеков. Одну девушку парень привёз из Украины, где служил в армии. Девушка была красивая и умная. Этот парень наговорил ей, что у него есть дом в Фергане и что в Узбекистане жить очень хорошо. А когда она приехала, то увидела кибитку из двух комнат. Ни канализации, ни водопровода. Пробовала она приспособиться к такой новой жизни — не смогла. Мать прислала ей деньги, и она уехала домой, оставив всё, что привезла, мужу. Другая вышла замуж за узбека — работала с ним на одном заводе. Муж был неплохой, старательный. Выстроил домик русского типа из одной комнаты на горе рядом с отцовским участком. И там они жили. Жили дружно. Дома у неё был порядок. Но жили бедно, так как временами муж выпивал. Однажды зашла я к ним после приёма узнать, как она себя чувствует, так как она была в положении. Смотрю: ребёнок лежит на голом полу, она стоит, не может шевельнуться, застыла и не может никого позвать на помощь. Я взяла ребёнка. Он был живой — мальчик. Обтёрла его пелёнкой. Достала из своего чемодана всё, что нужно, обработала и перевязала пупок, обрезала. Завернула малыша в пелёнку и одеяло. Положила мать на одеяло на полу. У неё окоченели ноги. Всё было нормально. Обмыла мать, обтёрла. Положила на кровать. Убрала всё на полу. Потом вызвала «Скорую помощь», и увезли её в роддом.

В это время во всём Саур-Булаке не было телефона. Надо было каждый раз ехать в Джуйдам, чтобы позвонить. Другого выхода не было. Многие узбечки раньше рожали на дому. Звали меня ночью и днём. Они не хотели ехать в роддом. Всегда всё обходилось хорошо. Нам разрешали давать справки в ЗАГС о рождении ребёнка для получения документов. Но позже запретили давать такие справки, и всем роженицам приходилось ехать в роддом, хотя бы они или не хотят. Молодые мамы, работавшие на заводах с русскими, были уже современными, ехали в роддом сами. Научились и планировать детей. Трёх родят и говорят: «Зерикдим», то есть надоело, устала, хватит. Со многими приходилось беседовать, чтобы не делали абортов. Многие после того, как оставили и родили ребёнка, говорили: «Это

твой ребёнок». А какие они хорошенькие были — эти детки! Всегда Бог благословлял этих женщин. Эти дети приносили в семью радость. Старые узбеки говорили: «Даст Бог ребёнка, даст ему и место в доме, и даст кусок лепёшки». Это поистине правильно.

Мила, как вышла замуж, стала жить на Водстрое в квартире. Жили они дружно. Вера осталась жить у нас. Окончив школу, она поступила учиться в бытовой техникум в Аввале и окончила его отлично.

Семья

На праздник 7 ноября 1970 года у нас родилась дочка. Назвали её Танечкой. Это был уже седьмой ребёнок в нашей семье. Мне было 35 лет. Саше тоже. В это время я была цветущей и привлекательной. Когда в роддоме я оделась, чтобы идти домой — надела зелёное платье по талии с пуговицами по всему переду — врач акушер-гинеколог несмотря на то, что сильно ругала меня на столе при родах, сказала: «Тебе можно снова идти под венец». И, заглянув в окно, она увидела красивого мужчину в черном костюме, белой рубашке и галстуке. В руках он держал букет цветов и свёрток. Глядя на меня, она спросила: «Чей это муж такой нарядный стоит внизу с цветами?» Я посмотрела и сказала: «Мой». Тогда она сказала мне: «Ты счастливая. Такой муж сможет воспитать своих детей». Да, это была правда.

Мы были счастливые. Теперь мы жили лучше. Саша стал хорошо зарабатывать. У нас были пчёлы, свиньи. Свой хороший дом. Оба мы были здоровы. Дети тоже. Особенно важно то, что мы стали ходить в отделённое собрание. Когда я была ещё в роддоме, Саша сказал, что решил пойти в отделённое собрание. Я была очень рада этому решению. Собрания в то время проходили по домам. Пресвитером был Александр Семёнович Мухин. Собрания были очень хорошие. Было много молодёжи. Молодёжь и дети участвовали в собрании — это

очень нравилось нам. Хор был небольшой, но голоса хорошие и могли петь концертные гимны. Саше предложили быть регентом, так как регент был старый и учил по старинке. Но Саша проводил спевки вместе с ним, уважая его старость и труд. Все были радостные. Собрания проходили или на Беш-Боле у кого-нибудь, или на текстилке, иногда у Саши Ермолова, а иногда у нас. Помню одно молодёжное собрание на текстилке у старницы Анны Даниловны. Помню проповедь Веры — моей сестры. Она говорила о силе молитвы. Хорошую проповедь сказал Юра Козубенко. Очень хорошо спели дуэтом гимн: «Тихо склоняются тени» Надежда и Володя Охотины. Молодёжь рассказывали стихотворения и пели гимны. Мы были уже средних лет, участвовала же в основном молодёжь. Особенно торжественным было собрание на Пасху. Собрание назначили у нас с 8 часов утра. Вера сделала из стекла битых ёлочных игрушек красивый текст: «ХРИСТОС ВОСКРЕС!», который повесили на стене, чтобы все видели. Особой достопримечательностью этого собрания было участие в нем наших детей, да и не только наших. Они рассказывали декламацию цветов о Воскресении Иисуса Христа. Кто был пионом, кто ромашкой, кто нарциссом. Каждый ребёнок держал в своей руке этот цветок, красиво оформленный. На этом собрании служители совершили молитву бла-

Шесть дочерей: Валя, Аня, Лина, Надя, Таня, Верочка

гословения над нашими семью детьми. Над каждым ребёнком молился служитель отдельно. Служителей было много. Над Валечкой молился Брыков Иван Иванович. Над другими — Мухин Александр Семёнович, Филаретов Василий Никитович, Лангин Пётр Тимофеевич, Куксенко Юрий Фёдорович. Это был праздник для нашей семьи, так как первый раз мы благословляли детей. Это была Пасха 1971 года.

Господь благословлял нас — Сашу и меня на работе, и дети хорошо учились в школе. Малыши хорошо вели себя дома. Я почти никогда не болела. Помню, как-то один раз была у меня высокая температура вечером. Саша работал во вторую смену. Дети окружили меня, а я теряю сознание и падаю куда-то... И песни пою... Дети ничем помочь не могли, пока Саша не пришёл с работы и не напоил меня лекарством. Дети рассказывали папе: «Мама заболела, была очень горячая и пела песни». Слава Богу, я быстро поправилась.

В апреле 1972 года у нас родился мальчик — Вова. Это было 20 апреля в Воскресенье. Накануне вечером Саша отвёз меня в Киргилинский роддом. Акушерка сделала мне укол, ускоряющий роды, но он не помог, и мы вместе с акушеркой спокойно проспали всю ночь. Утром пришла новая смена. Меня посмотрели, сказали: «Скоро родишь». Дали выпить таблетки. В 11 часов акушерка говорит: «Ты подожди, не рожай, мы сходим сейчас коляску купим». А я говорю: «Нет, сперва примите роды, а потом идите насколько хотите». Тогда они взяли меня на стол, и вскоре появился на свет живой комочек энергии — очень шустрый мальчуган.

Каждый ребёнок в нашей семье принимался с большой радостью. Дети все были здоровые, красивые, умные. Стало теперь у нас 8 детей. Вале было 11 лет. Анечке — 10, Лине — 9, Павлику — 7, Вене — 5, Надюшке — 2 с половиной, а Танечке полтора годика. Ночью приходилось вставать к трём детям. А утром — на работу. Хорошо, что работа была для меня отдыхом. Я любила свою работу и легко и с удовольствием работала. Может быть потому, что меня все любили. Я лечила людей добросовестно. Всем быстро помогала и все были довольны. И

сейчас я вспоминаю о работе с приятным чувством и хорошими воспоминаниями. И меня по сей день вспоминают и передают приветы.

В июне 1973 года у нас родилась Верочка. Пухленькая, очень спокойная девочка. Помню, Саша забирал меня из роддома на мотоцикле К-750. Красивый новый голубой мотоцикл с коляской. Саша на нём очень хорошо ездил. Он был в это время очень крепкий, сильный, статный мужчина. Он работал начальником смены котельного цеха ТЭЦ имени Ленина. Его все уважали и любили за умную голову и хорошее отношение к работникам. Вскоре ему дали на работе новую машину «Жигули». Синяя красивая машина. Заплатил он за неё 5500 рублей. Как хорошо нам стало с машиной! Теперь Саша возил нас на собрания на машине. На пасеку тоже ездили на машине. А раньше на детские и общие собрания ходили пешком через Саур-Булак, Чим-Кишлак, Беш-Болу. Сейчас удивляюсь, как дети не ныли, не жаловались, что далеко, что холодно. А ведь действительно далеко ходили. И даже в снежную погоду ходили. Детские собрания тогда проводила Лида Козубенко. Дети её любили. Научились петь хорошие детские песни.

Дом наш нам очень нравился. Уже вырос хороший яблоневый сад. Яблоки были зимние, очень крупные, сочные и сладкие. Мы их заворачивали в бумагу и складывали в пустые флаги. А оттуда они незаметно исчезали, пока не кончались.

Спевки стали регулярно проходить в нашем доме, так как у нас был большой зал. У стены стояло пианино, дальше стояли скамейки, так что всем хористам хватало места. Хор был уже большой и мог исполнять хорошие концертные гимны. Спевки в нашем доме проходили несколько лет. И все хористы дружно ходили пешком до города. Машин тогда ни у кого не было. Только у некоторых ребят были мотоциклы. Однажды мы пригласили к нам на чай с мёдом всю молодёжь. Это был благословенный неповторимый вечер! Много было у нас в жизни хороших вечеров. В Ташкенте были незабываемые вечера с Николаем Петровичем Храповым, с Михаилом Ивановичем Хоревым, ещё молодым... Помню на одном новогоднем вече-

ре покаялось 17 человек из молодёжи... Но здесь было что-то особенное... Руководил вечером Виктор Брыков. Он тогда уже покаялся и был всеобщим любимцем. Он мог хорошо говорить Слово Божие, знал его. Мог легко организовать общение. До того, как он принял крещение, никто не знал, что он был женат, и что у него есть сын. Братья предложили ему съездить к жене и привезти ее в Фергану, чтобы жить с семьёй. Он так и поступил. Вскоре все познакомились с его женой Тонечкой и маленьким Андреем. Первое время они жили у Сашиных родителей. Жили очень дружно. Тонечка стала ходить на собрания. Малыш был точной копией отца. Так вот на этом вечере в нашем доме Дух Святой так действовал, что все каялись и молились, один за другим. Казалось, что крыша сейчас поднимется... Когда закончили молиться, все плакали от радости. Этот вечер у всех остался в памяти.

Потом тётя Катя Бурцева предложила, чтобы собрания проходили у неё. Сначала у неё собиралась другая отделённая группа, но она пожелала, чтобы собирались у неё мы. Кто-то соединился с нами, а кто-то ушёл, но церковь еще много лет собиралась в ее доме. Спевки теперь тоже стали проводить в собрании. А наш дом часто посещали гости.

Наша семья была большая и дружная. Дети посещали вместе с нами собрания. Все хорошо пели, учили стихотворения. Мы с Сашей жили дружно, любили друг друга. Он заботился обо мне. На день рождения он купил спальный импортный гарнитур: две кровати с красивыми массивными спинками, шифоньер, тоже очень красивый, две тумбочки, трюмо. Его мы поставили в зале. Итак, зал теперь стал нашей спальней комнатой. Дети спали в других комнатах, места было много. Одну комнату занимала Вера, моя сестра. Перед нашей спальней тоже была хорошая комната. Мы сделали её гостиной. Купили другой гарнитур «Жилую комнату» — диван, два кресла, журнальный столик, трюмо, сервант, большую тумбочку. Всё было новое, красивое, зелёного цвета.

Любочка

1974 год был знаменателен двумя событиями — свадьбой моей сестрёнки Веры (о ней я уже выше написала) и рождением нашего десятого ребёнка — дочки ЛЮБОЧКИ.

Она родилась 25 августа 1974 года. Её очень полюбила наша Танечка. Она не отходила от неё и говорила: «Любанеска-ска-ска». А Любочка улыбалась ей во весь ротик. Я была в декретном отпуске, потом взяла положенный трудовой отпуск, затем вышла на работу. Был ноябрь и была эпидемия гриппа. Люди наповал лежали семьями с температурой. Грипп протекал

Свадьба Веры и Саши

очень тяжело. Я выходила из дома в 8 часов утра, и до 9 часов делала подворные обходы, оказывая помощь больным людям. Кому давала лекарства, кому писала рецепты, кого отправляла к врачу за больничным листом. Одновременно делала литическую смесь тем, у кого была очень высокая температура, или антибиотики, у кого были осложнения. В 9 часов я начинала приём больных в медпункте. Больных было очень много, осо-

бенно детей, потому что всем им нужны были справки в школу или в детский сад. Работала очень быстро, чтобы люди могли поскорее пойти домой и лечь в постель. Рецепты выписывать не надо было. Моя санитарка открыла аптечный пункт, и у неё всегда было достаточно необходимых лекарств, она их давала людям по моему назначению, и они давали ей деньги. Лекарства тогда стоили копейки, и людям было очень удобно не ходить самим в аптеку. Санитарка была очень чистоплотная, так что за чистоту медпункта я не беспокоилась. После приёма я опять ходила по домам уже по вызовам. Домой возвращалась где-то к четырём часам. Всё это время за Любочкой присматривала тётя Таня. Она её кормила смесями в моё отсутствие. И только когда я приходила, я кормила её грудью.

Однажды в пятницу, когда я вернулась после подворных обходов, тётя Таня сказала мне, что у Любочки понос и рвота. Я решила лечь с ней в больницу, так как дома мне всё равно не дадут самой смотреть за ней, будут вызывать к больным гриппом. Меня положили в Областную больницу. Дали как врачу отдельную двухкоечную палату. Врачи постоянно приходили справляться о состоянии ребёнка, так как она была самой маленькой и нуждалась в особом уходе. Врач назначил ей внутривенные инъекции глюкозы со строфантином, обильное питьё и кормление только грудью. Ночь прошла хорошо. Утром в субботу медсестра снова взяла её на внутривенный укол. И быстро принесла её назад, говоря: «Так хорошо сделала укол, она даже не плакала». Положила мне её на кровать. Я взяла её ручки в свои и стала с ней разговаривать. Она улыбалась мне. Вдруг ручка, в которую был сделан укол, дёрнулась и опустилась. Затем вторая... Затем Любочка сделала вздох, передёрнулась и вытянулась... Она перестала дышать... Я закричала... В это время врач проходил мимо палаты, мгновенно вбежал, увидел, что ребёнок умер, стал делать искусственное дыхание и массаж сердца. Тут же прибежали медсёстры, принесли кислородную подушку. Через мгновение Любочка вздохнула и открыла глазки... Я радостно с облегчением вздохнула: «Слава Богу! Ожила». Сначала всё было хорошо. Любочка сосала грудь. Затем у нее

стал вздуваться животик. Делали ей уколы, но это не помогало. Вечером на дежурство пришла наша Ярмазарская врач Амина Бориевна. Она успокоила меня. Сказала: «Не волнуйся, Лина, мочи пелёнку горячей водой и прикладывай к животу, и всё будет хорошо». Я стала это делать. Теперь все врачи заглядывали, интересовались, как чувствует себя ребёнок. В воскресенье животик вроде стал лучше. После вечернего собрания Саша заехал ко мне, я сказала, что Любочке лучше, но попросила его утром в понедельник принести мне пораньше укропную воду. Часов в 10 вечера в воскресенье стали мерить температуру. И вдруг у Любочки термометр показал температуру 38.5! Я опять позвала Амину Бориевну. Она послушала её и сказала, что хрипов нет, но это точно начинается пневмония. «Лина, теперь всё. Теперь мы уже ничем не можем помочь. Такие маленькие дети не переносят пневмонию. Она простудилась от компрессов. Крепись!» Она убила меня своим заключением. Теперь я сидела всю ночь возле дитя, не спуская с неё глаз ни на секунду. Мне казалось уже вот-вот она перестает дышать... Вот она умирает... Послушаю — она дышит, но спит. Так прошла бессонная ночь, полная мук, томлений и ожиданий... Тут ещё ночью привезли трёхмесячного мальчугана из Авваля. Молоденькая мама, первый ребёночек... И так как не отходили от Любочки, положили эту женщину с ребёнком на вторую койку в нашей палате. Ребёнок был пухленький, красивый. Но он задыхался, метался, кричал... Мать старалась дать грудь, но он плакал и не брал. Ему делали уколы. Приходили другие врачи консультировать и сказали: «У него двухстороннее воспаление лёгких. Токсическая пневмония. Ребёнка привезли слишком поздно...» Где-то в пятом часу ребёнок умер... Мать была в горе и смятении. Просила позвонить в Авваль на почту, сообщить родным, чтобы приехали забрать её с умершим ребёнком. Но почта молчала. Узбеки не дают умерших вскрывать. Это было на руку врачам в данном случае, так как ни одна больница не хотела, чтобы у неё зарегистрировали смертность. И вот медсестра посоветовала этой молодой женщине: «Заверни ребёнка в одеяло, я открою тебе потайную дверь из больницы, и ты убегу, а иначе

ребёнка будут резать». Мать согласилась. Автобусы начинают ходить в 6 часов утра. А она ушла из больницы в начале шестого с завёрнутым мёртвым ребёнком, чтобы уехать на первом автобусе домой. Бедная женщина... У меня мурашки пошли по телу от такого обращения...

В палате сразу стало тихо... Любочка спала спокойно... Я не сводила с неё глаз... В понедельник утром пришла новая смена. Огромная русская женщина — медсестра — пришла и взяла Любочку на укол. Я осталась в палате. В это время приехал Саша. Увидев, что я одна, испугался и говорит: «А где Любочка? Она умерла?» Я сказала ему, что не умерла, её взяли на укол. Слышен был сильный плач из кабинета, где делают уколы. Я рассказала ему, что у неё поздно вечером появилась температура и что Амина Бориевна сказала, что это воспаление лёгких и теперь нет надежды... Рассказала про бессонную ночь, про умершего ребёнка... Он сильно расстроился. Вот принесли Любочку. Она, видно, сильно плакала, когда делали укол, — была вся синяя, еле живая... Саша увидел её такую, и ему стало плохо... Мы стали давать ей моё грудное молочко уже из ложечки. Она глотала с трудом. Саша привёз укропную воду. Я взяла не-

много в ложечку, хотела дать ей, но она не смогла проглотить, всё вылилось назад... У нас на глазах она вздохнула последний раз и вытянулась... Как плакал Саша!.. А у меня уже не было сил плакать... Мы подождали некоторое время, посидели ещё около неё, но она уже ушла в вечность... Господь забрал эту крошку к себе... Это был десятый ребёнок... Все выросли, почти никто не лежал в больнице, и вот больница не вылечила, а умертвила ребёнка... Я не могла осознать, что Любочки больше нет на земле... Пришли врачи и забрали нашу крошку. Они сказали прийти за ней после 4-х часов, а сейчас должны отправить её на вскрытие. Да, в пятницу пришла с ребёнком, а в понедельник утром ушла без нее... Саша сказал: «Не надо было ложиться в больницу, и не умерла бы Любочка». Но что теперь говорить... Судьба человека в руках Господа.

Ещё вначале нашей семейной жизни, когда нашей Валечке был годик, и у неё прорезалось много зубов, она сильно поносила, и меня положили в больницу с диагнозом: диспепсия. Она быстро поправилась. Я достала ей гамма-глобулин. Сделали ей несколько уколов. Это укрепило её силы. В день выписки произошёл в больнице на наших глазах несчастный случай. Мы — мамы с детьми — сидели на скамеечке возле забора, а дети постарше тут же играли с мячом. В ворота заехала легковая машина скорой помощи. Машина постояла возле нас немного, и водитель стал сдавать назад. В это время мяч покотился, и один мальчик-узбек попал под колёса. Этому мальчику было 3 годика. Его приняли в больницу вместе со мной. У него была увеличена печень после перенесенного гепатита, и врачи послали его на стационарное лечение, чтобы подлечить печень. Он был не такой маленький, и мать оставила его лежать с сестрёнкой лет 12-ти. Когда играли дети в этот момент, девочка сидела рядом с нами и читала книгу. Когда мальчик попал под колёса, все вскрикнули, и девочка кинулась к мальчику. Он умер ментально, даже не вскрикнул. Его унесли в приёмный покой, врачи сказали, что у него лопнула печень. Сообщили домой. Как кричала мать... «Ой болам, ой болам!» Бедная мать хотела, чтобы подлечили ребёнка, а он нашёл смерть себе в этой боль-

нице... Больше до Любочки я ни с кем не лежала в больнице. Слава Богу, все дети были здоровые!

В среду объявили похороны Любочки. Гробик был небольшой, поместился в легковую машину. Так на 11 машинах поехали на кладбище. Перед этим у нас дома было прощальное богослужение. Я была благодарна Господу, что через эти похороны увидела искреннюю любовь к нам со стороны братьев и сестёр. Запомнила навсегда проповедь Василия Никитовича Филаретова, который сказал на проповеди, что Господь любит Любочку больше всех детей. Он взял её к Себе на небо. Она не успела испытать никакого горя, никаких переживаний и даже болезней, потому что не успела поболеть. Это утешило меня. Схоронили её у загородки, где были похоронены Валя и Коля на старом кладбище. После похорон я ещё долгое время не могла свыкнуться с мыслью и с действительностью, что дитя ушло в вечность вперёд нас. Когда дома никого не было, я плакала от горя. Написала папе с мамой письмо о нашей горе. Как больно было нам перенести эту потерю... Папа прислал утешительное письмо, что это первые ласточки из нашей семьи улетели на небо. (У Милы, моей сестры, тоже умер первый мальчик). Папа писал, что теперь их черёд идти на небо вслед за внуками.

В марте 1975 года заболел папа. Стала плохо проходить пища через пищевод. Врачи обследовали и признали, что у него доброкачественная опухоль пищевода. Сделали несколько облучений. На облучения ходил сам своими ногами, а после облучения слёг и больше уже не встал. Мила с Верой летали на самолёте в Кустанай проведать больного папу. В июне мама прислала нам письмо, чтобы я приехала и тоже провела папу, пока живой. Саша отпустил меня. Главврач тоже отпустила, только попросила, чтобы я сначала сдала полугодовой отчёт. Я тут же его сделала и сдала ей. Она отпустила меня на 2 недели.

До Ташкента я доехала на поезде. Когда приехала в аэропорт, то как раз была посадка на самолёт в Кустанай. Я подошла к стойке. Кассир сказал, что билетов нет на две недели вперёд. Я со слезами на глазах сказала ему, что мой папа умирает, и мне надо срочно улететь. Он взял у меня деньги, попросил немного добавить, и дал мне билет. Спасибо ему! Слава Богу, Бог расположил его сердце сразу дать мне билет. И я бегом побежала на посадку, чтобы не опоздать. В Кустанай прилетели, когда уже стемнело. На автобусе доехала я до почты, а оттуда я дорогу хорошо знала. Очень быстро пришла домой. Стучу — никто не отвечает. Зайти боюсь, так как у них есть собака овчарка. Свет горел только наверху. Я попробовала потихонечку пройти в дом. Собака не лаяла. Я дошла до двери, она была не закрыта, я прошмыгнула внутрь. В нижнем этаже никого не было. Я поднялась на второй этаж. Дверь в папину комнату была открыта, в комнате горел свет. Я зашла в комнату. Папа лежал на кровати, увидел меня и улыбнулся: «Ангелиночка, неужели это правда ты? Как ты попала сюда? Сам Бог прислал тебя...» Я подошла к нему, обняла и поцеловала его. Он был весь белый — густые волосы на голове — белые, длинная борода — белая, белая одежда на нём, белоснежная постель... Папа попросил меня рассказать, как я смогла приехать. Я рассказала. Он был очень рад. Я спросила: «А где же мама?» Папа ответил, что она вместо него на работе. Кроме пенсии, чтобы хоть немного иметь денег на доброе дело, папа устроился охранником на складе. Он брал с собой свою овчарку, транзистор, по которому слушал христи-

анские передачи, и так работал по ночам, а мама была дома. Теперь папа был дома, а мама ходила на работу. Днём она полностью была занята заботами о папе. Кроме пищевода его мучили сильные боли в пояснице и правой ноге. Боли такие, как будто живое мясо рвали на части собаки. Ему делали массаж, растирали разными мазями, но облегчения не было. Маме было очень тяжело одной. У сыновей были свои семьи, свои заботы, работа. Они посещали папу ежедневно, но вся тяжесть ложилась на маму. И вот маме пришла мысль от Господа написать мне письмо, чтобы я приехала повидаться с папой, пока он ещё живой. И Господь помог, устроил всё чудесно. Сколько было радости для папы! Он сказал: «Вот хоть немного ты поможешь маме. Она так устала со мной. Я рад бы её не беспокоить, но у меня такие сильные боли, будто волки грызут живое мясо... Мне так трудно... И ничто не помогает. Вена и Володя каждый день бывают здесь. Приносят свежие фрукты, ягоды, курицу. А мне уже ничего не надо. Я ничего не могу есть, разве что 1-2 ложечки бульона и 1-2 ложечки какого-нибудь сока». «Хорошо, папочка, я рада, что смогу маме дать какой-то отдых. Я смогу побыть здесь 2 недели и буду смотреть за тобой. А мама пусть отдохнет. Что я могу сейчас сделать для тебя?» «Доченька, я весь горю, как в огне. Набери, пожалуйста, холодной воды и умой моё лицо и руки». Я спустилась вниз. Быстро набрала кувшин холодной воды, взяла тазик и полотенце и вернулась к нему. Охладить его холодной водой было для меня приятно. Я намочила ему и волосы, и помыла лицо, бороду и руки. После этого я хорошо растёрла его полотенцем. Потом папа попросил меня растереть ему тигровой мазью правую голень. В ней и были самые страшные боли.

Утром пришла с работы мама и, увидев меня, заплакала... Я обняла её, поцеловала и сказала: «Мамочка, вот я и приехала. Теперь я буду заботиться о папе, а ты позавтракай и иди отдыхай». «Спасибо тебе, — сказала мама, — а я вчера вечером шла на работу и плакала... Рассыпались дети кто куда, папа больной, и у меня нет уже сил... И вот, слава Богу, ты, оказывается, в это время уже ехала к нам».

Так я приступила к своим обязанностям. Покоя не было ни днём, ни ночью. Когда папа закрывает глаза и отключится, я бегу постирать его бельё. Оно всё было белое, почти чистое, но надо было его часто менять. То надо было приготовить бульон из курочки, то сок сделать. Кормила папу я тоже сама. Когда быстро управлялась, ложилась на кровать в соседней комнате отдохнуть. Чуть вздремну, уже слышу, папа зовёт меня. Я делала ему банки на спину и на ногу, ставила горчичники, растирала разными мазями, грела грелкой, горячим песком, солью. Всё, что только можно было сочинить... Уже вроде и сама стала выбиваться из сил. Я была беременна, на второй половине срока. Это я носила под сердцем Сашу. Вдруг Господь осенил меня спросить папу о его записях о его жизни. Он обрадовался и сказал мне, где найти эти книги. Я их нашла на чердаке, спрятанные в тайничке. Как вовремя мы достали их, потому что после смерти папы никто бы уже не нашёл их. А папа умер через четыре дня после моего отъезда.

И вот я стала читать папе его записи. Они оказались сильнее всяких лекарств. Когда я читала ему вслух — он слушал тихо, улыбался, что-то разъяснял мне. Потом потихоньку засыпал. И этот сон был спокойным и продолжительным. Я старалась за это время переделать много дел, а иногда ещё имела время, чтобы отдохнуть. Сначала начала читать одну маленькую тетрадь, из которой всё узнала о папином родстве. И о нашей семье, когда мы были ещё совсем маленькими. Затем стали читать пять больших тетрадей, где папа описывал свою юность в деревне Вараксино в Сибири, как его посадили, о курсах проповедников в Москве, и как эти курсы разогнали и посадили всех преподавателей, а затем и курсантов. Особенно мне понравилась четвёртая книга. Все пять книг назывались «Божья воля или судьба». И действительно, СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА ОТ ГОСПОДА. Из маленькой книги я узнала, что раньше папины предки жили в Белоруссии. Моего папу звали Владимир. Папиного папу звали Георгий /или по-народному, Егор/. Папиного дедушку звали Тит. У папиного прадедушки был брат Иван. Он был силачом. Раскалывал орехи между пальцев. Семья эта была

в уважении. В деревне они были старостами или войтами. И их фамилия была Старовойтовы. Когда же этот прадедов брат колот однажды орехи лбом, то все прозвали его Лобэко. И с тех пор одна ветвь родства осталась Старовойтовыми, а другая — ЛОБКОВЫ. Папина родня уже везде писалась — Лобковы. Жили они в Белоруссии небедно. Жили всей семьёй вместе. Но если поделить всех сыновей отдельно, то уже стали бы бедняками. Поэтому семья решила перебраться в Сибирь. Сперва послали туда «ходовков». Они нашли подходящее место, где стали строить дома — это деревня Вараксино — по имени хозяина этого места, который продал им землю с кибиткой.

Наш папа родился уже в Сибири в 1902 году. С 1925 года папа жил в Омске, посещал там общину. В 1928 году поехал на библейские курсы в Москву. Преподавателями были Павел

Папа в тюрьме. 1932 год

Васильевич Иванов-Клышников, Павел Яковлевич Дацко, Василий Иванович Синицын, Николай Васильевич Одинцов. Это были преподаватели с глубокими знаниями, и молодёжь с жадностью впитывала в себя эти знания. Но вскоре преподавателей всех арестовали, курсы закрылись. Все уехали домой. Папа вернулся в деревню Усовку, где жил раньше, и там его арестовали 14 февраля 1930 года. Сидел он в Мариинской тюрьме.

Божья воля или судьба

В пяти книгах «Божья воля или Судьба» — папа описывает свою жизнь с молодых лет. О молодёжи деревни Усовка, о церкви. О том, как он организовал хор из молодых братьев и сестёр, а его выбрали регентом. Он мог немного играть на скрипке. Молодёжь его любила. У него был друг Тима. Однажды они с Тимой пошли делать предложение двум родным сестрам. Пригласили их пойти с ними погулять в лес. Папа сделал предложение Дусе, а Тима её сестрёнке. И ничего не получилось ни у того, ни у другого. Дуся долго молчала, затем сказала папе, что она уважает его, но замуж пойти за него не может, так как молчит ее сердце. Папа не ожидал такого ответа и был очень огорчён. Молча пошли они домой. Тима тоже вернулся невесёлый. Он тоже не получил согласия. Они оба были огорчены, но приняли это как от Господа. Описывается Новогодний вечер, на котором присутствовала новая девушка, стриженная под мальчика, в мужском костюме. Она хорошо играла на гитаре. Было много рассказано стихотворений, спето дуэтов и соло, и ещё оставалось время до 12 часов. Предложили делать пожелания друг другу на Новый год. Выбрали почтальона. Ему отдавали пожелания с указанием адресата. Много получил в тот вечер пожеланий и папа. Молодые друзья желали друг другу обильных благословений от Господа, желали многим исправиться, стать ревностнее, добрее. Папе пожелали, чтобы он выбрал себе одну сестру и женился на ней, а не провожал всех по

очереди, так как каждая о чём-то мечтает. Так у него появились чувства к этой новой сестре Олечке. Папа думал, что они предназначены друг для друга. Однако, когда папу посадили, она быстро забыла его и вышла замуж за неверующего. Так обманчивы бывают чувства...

Находясь в Мариинской тюрьме, он искал, где находится его родная сестра Маруся, так как не имел переписки с ней. Один из братьев, который тоже сидел вместе с ним, предложил ему написать письмо Паше Огородниковой, чтобы она нашла Марусю и прислала ему её адрес. Папа так и сделал. Вскоре пришёл ответ от Паши с адресом Маруси. У папы появился интерес к переписке с Пашей. Он стал ей писать, а она регулярно отвечала ему. Затем эти письма стали уже желанными для обоих. Не видя друг друга, не обменявшись фотографиями, у них появилось чувство взаимной любви. И папа сделал предложение Паше.

Трудно было маме написать «да», ведь папа сидел в тюрьме. Она молилась и постилась. И Бог расположил её сердце к этому заключённому брату, и она решила разделить с ним узы, послав письменное согласие. Письмо пришло на домашний адрес друга, где он проводил время со своей женой, когда его отпускали из тюрьмы. Почтальон спросил у жены: «Лобков здесь живёт?» Она ответила: «Нет». И тут вспомнив, что Лобков — друг её мужа, она побежала, догнала почтальона и взяла у него письмо. После этого друг часто говорил папе: «Чуть-чуть сердечное «да» твоей невесты не ушло к ней назад». После этого папа и мама обменялись фотографиями. Оба остались довольными. Оба были красивы, оба были искренними христианами. При первом же свидании, увидев друг друга, они поняли, что фото не отвечает и сотой доле той красоте, которую они нашли друг в друге. И оба были благодарны Господу за судьбу, которую Он для них предназначил.

В 1932 году они решили повенчаться. Папа взял отпуск с разрешением выйти в город. Мама приехала к папе. Приехал старичок-пресвитер из маминой церкви и на квартире одного брата-старца в Мариинске их обвенчал. Кроме хозяина кварти-

Мама. 1932 год

ры никого не было. Никто не спел им ни одного гимна, хотя папа был регентом, а мама солисткой в хоре. После бракосочетания старец-пресвитер уехал домой, а мама побыла ещё несколько дней с папой и тоже уехала домой... С этих пор они уже поняли, что значит: двое — одно. Все мысли теперь были друг о друге, и желание только быть вместе.

В 1933 году у них в Мариинске родился первый сын — Вениамин. Так как в 1933 году был голод, мама уехала в село и там шила людям. Плату давали продуктами. За 3 месяца она заработала 4 мешка картошки, 2 мешка муки, сало и масло. В 1934 году папу освободили. 5 лет тюрьмы кончились... Сначала папа и мама поехали в Новороссийск, но там папе дали 24

Папа и мама

часа, чтобы покинуть город. Они переехали в Краснодар. Там папе разрешили жить. Дали документы, и он устроился на работу. Здесь, в Краснодаре, можно было как-то жить. В других местах было намного хуже. Люди падали по дороге на работу и умирали от голода. Вымирали целые деревни. Ели собак и кошек. Некоторые ехали в станицы, в надежде поменять вещи на продукты. В некоторых посёлках умерли все люди, и стояли пустые дома.

В Краснодаре в 1935 году родилась я. Папа назвал меня Ангелиной. Это тоже был драгоценный подарок от Бога. Папа и мама были молодые, очень любили друг друга и радовались прекрасным малышам... Вскоре родители переехали в Алма-Ату. Там жили родственники. Папа устроился на работу, и ему дали квартиру. В 1937 году папу опять посадили на 10 лет по 58 статье. И мама снова осталась одна, теперь уже с двумя детьми. Из Алма-Аты мама переехала в Бийск, а оттуда уже в 1939 году мы переехали в Фергану. Это, конечно, всё кратко. А у папы написано много, и я читала ему с выражением, так что драгоценное время растягивалось и хватило мне чтения на весь отпуск.

Через 2 недели в субботу я улетела в Фергану. Папа дал мне 1000 рублей — пожертвование на дело печати. Я отдала их по приезду в церковь на печать. Папа перед отъездом попросил, чтобы наша церковь помолилась о нём, чтобы Господь усмотрел вопрос его жизни, чтобы или взял его к Себе, или как-то успокоил боли. В Воскресенье утром я попросила Церковь помолиться о папе. А в среду ночью он отошёл в вечность. В 2 часа ночи мама смотрела — он ещё был живой, а в 3 часа — он уже тихо отошёл в вечность... Похоронили его 11 июля 1975 года в Кустанае — городе ссыльных. Прожил он 73 года. На похороны никто из нас уже не мог поехать. Хорошо, что посетили его, когда он был ещё живой и болел, — и Мила, и Вера, и я. Похоронили его Вениамин с семьёй и Володя с семьёй. Приехала на похороны папина сестра — тётя Маруся с мужем.

Мама тяжело перенесла разлуку с папой, заболела. Её положили в больницу. Когда ей стало лучше, её привезли в Фергану, где она прожила после смерти папы ещё три года.

2 ноября 1975 года у нас родился ещё один сын — Сашенька. Он родился крупным, сильным. И тоже был спокойный. Молочко сосал хорошо. Но через месяц после того, как мы пришли из роддома, у него стала подниматься температура. И поднялась выше 39 градусов. Я решила снова лечь в больницу,

Похороны папы

хотя Саша не соглашался. Теперь я легла в нашу Ярмазарскую больницу. Температуру сбили литической смесью, но 37,4- 37,7 температура продолжала держаться ещё целый месяц. Градусник так и лежал на столе. Уже решили проверить кровь на стафилококковый сепсис. Тут мы поехали к маме с папой в гости. У них была натоплена горячая баня. Я решила попарить Сашеньку. На горячие камни наливала воду. Сухой жар поднимался вверх. В это время я поднимала его и держала наверху. И так я делала несколько раз. С этого дня температура стала нормальной, и он поправился.

В марте 1976 года мы продали свой дом в Джуйдаме брату соседа за 14000 рублей. И временно переехали жить к папе с мамой. Мы искали себе другой дом в городе, так как наши старшие девочки уже подросли, и поздно возвращаться домой им одним было опасно. Мы собирали деньги на покупку новой машины и набрали 5000 рублей. Так у нас получилось уже 19000 рублей. Мы искали подходящий дом, но пока не могли найти, и жили у родителей.

25 июля 1976 года был день рождения Саши. Он работал во вторую смену. В 12 часов ночи он должен был закончить смену и вернуться домой. Был уже час ночи, а его всё не было... Вот уже 2 часа... 3 часа... Нет ни его, ни звонка с работы. Мы уже не знали, что делать. Наконец, после трёх часов ночи позвонили с работы и сказали, что «Ваш муж получил сильный ожог и находится сейчас в больнице на Фрунзенском массиве. Приехать навестить его можно только рано утром». Мы с папой решили поехать с первым троллейбусом. Приехали очень рано. В больнице было тихо. Все ещё спали. Мы поднялись на 4 этаж и зашли в травматологическое отделение. Нас провели в палату, где лежал Саша. В палате лежали ещё несколько больных. Саша метался... У него была очень высокая температура... Он был весь в повязках... Увидев нас, он пытался улыбнуться. Папа помолился и поблагодарил Бога, что мы видим его живым. А также просил Бога, чтобы Он сохранил Саше жизнь ради маленьких детей, ради большой семьи, так как у нас было уже 10 детей. После этого папа уехал, а я осталась ухаживать за ним,

и так постоянно была с ним в течение месяца. Прежде всего я обратилась к зав.отделением, чтобы Сашу перевели в отдельную палату. В отделении была свободная палата на два места, но они не хотели предлагать её нам, так как в этой палате незадолго умер мужчина от ожога. Но мы согласились, потому что Саше нужен был покой. В среду на собрании папа попросил Церковь помолиться о Саше, чтобы Бог сохранил ему жизнь и дал выздоровление. В четверг рано утром приходит в палату один брат и приносит литровую банку мази. Он сказал, что это очень хорошая мазь от ожога. Бинт, смазанный этой мазью, не прилипает к ожоговой поверхности, и делать перевязки очень легко и не так болезненно. И попросил перевязки делать каждый день. Я поблагодарила его за заботу, не зная ещё в то время, что эта мазь принесёт столько пользы!.. Что от такого сильнейшего ожога не останется даже шрамов, и Саша сможет ходить.

Вообще врачи делают перевязки раз в три дня. Мазь за это время высыхает, бинт пропитывается ожоговой жидкостью и прилипает к ране. При перевязке этот бинт срывают, раны кровоточат, а больной испытывает невыносимые боли, несмотря на то, что делают перед перевязкой обезболивающие уколы. Чтобы начать перевязывать своей мазью, надо было получить разрешение от лечащего врача. А лечил его сам зав.отделением. С работы хотели Сашу самолётом отправить в Ленинград в ожоговый центр, но зав.отделением решил оставить его у себя. И вот я стала смазывать Саше обожжённые места там, где можно было бинт немного отвернуть... На руках, на ногах, на животе... Реакции никакой не было, и я попросила разрешения у врача перевязывать своей мазью. Он посмотрел мазь и разрешил попробовать. В это время моей маме стало плохо, она задыхалась, ей нужно было делать уколы эуфиллина. И я попросила зав.кардиологическим отделением, которое находилось рядом с нашим отделением, положить маму на лечение. Заведующая была очень доброй, сострадательной женщиной. Она согласилась принять маму в своё отделение. И теперь мама принимала специализированную помощь и в то же время могла два раза в день приходиться ко мне и помогать делать перевязки Саше.

Мама приходила утром часов в пять, когда все врачи и медсестры спали, и мы с ней начинали перевязку. Утром перевязывали верхнюю часть тела, руки, живот, грудь. Вечером, когда все врачи ложились спать, мы перевязывали вторую половину тела — ягодицы, ноги. Особенно тяжело было перевязывать ступни ног. На них не было живого места. Всё было обожжено, не за что было держать ногу, чтобы поднять ее. Не знаю, как мама умудрялась держать край пятки, чтобы поднять ногу и наложить на неё повязку. И так мы с ней перевязывали Сашу ежедневно два раза в день в течение месяца.

Саша мог только лежать. Не мог ни сидеть, ни вставать. Температура не спадала в течение 18 дней. Она была выше 39 градусов. Несколько раз была аллергия. Один раз от вливания плазмы. Ему поставили капельницу и ушли. Саша стал задыхаться и говорит мне: «Лина, зачем ты открыла окно? Меня просквозило, я уже не могу дышать...» Я посмотрела на него, а у него на лице уже появилась сыпь — большие пузыри, да так много... Я позвала врача. Он тут же остановил вливание плазмы и стал вливать хлористый кальций. Постепенно Саше стало лучше. Когда он пролежал месяц, на ногах появилась свежая, очень нежная кожа. Если он опускал ноги вниз, то они становились пунцовыми. Несмотря на боли, Саша вышел из палаты сам и прошёл по коридору... Врач увидел его и похвалил. А он в этот момент попросился домой. Врач подумал-подумал и говорит: «Если участковый врач согласится смотреть его на дому, то отпущу». Участковый врач согласился, и нас отпустили домой. Саша сидел в кресле или лежал. Перевязки также делали ежедневно. Этот дорогой брат снабжал нас мазью, пока Саша не поправился полностью. Братья и сестры доставали масло подсолнечное, пчеловоды давали хороший воск, а синий лук для мази покупали на базаре. Всё это делали сами братья и сёстры, заботились, доставали, а брат готовил. Да воздаст ему Господь на небесах награду за это доброе дело, которое он сделал для нашей семьи! А молодая сестра Татьяна Куликова постоянно приносила нам перевязочный материал. Да воздаст Господь и ей за её доброе дело, которое она сделала для нас! Кто бы бегал,

искал всё, что нужно? А она знала, что нам нужно, и приносила. У нас никогда не было перебоя в мази или в перевязочном материале. Теперь Саша мог отдыхать дома в присутствии семьи, детей и родителей. Стали больше посещать его дома братья и сестры, хотя приходили и многие в больницу. Как раз в это время пришёл из уз Александр Семёнович Мухин. Он с Валей тоже пришёл посетить Сашу. А ещё через месяц Саша вышел на работу. Все на работе удивлялись, что он остался жив, да ещё так быстро поправился. Саша говорил всем, что это Бог помог ему так быстро поправиться, так как все за него молились.

НОВЫЙ ДОМ

Мы накачали мёд, и я пошла к Главврачу горветстанции взять разрешение на сдачу мёда. Главврач сказала мне, что она знает, где продаётся дом, подходящий для нашей большой семьи. Этот дом находился рядом с домом, в котором жила её мама. Мы узнали адрес и сразу же поехали посмотреть его — я, Саша и его папа. Хозяйки дома не было, но девочки — её дочки — разрешили нам посмотреть дом внутри. Увидев его, папа сказал Саше: «Берите этот дом за любую цену». Вечером мы встретились с хозяйкой дома. Она работала учительницей в школе. А муж её преподавал в политехническом институте. В это время он находился в Андижане. Жена позвонила ему, и он сказал, что приедет в пятницу, чтобы встретиться с нами. Утром в пятницу он позвонил и пригласил нас к себе. У нас было накоплено в это время 5000 рублей на покупку новой машины и за 14000 рублей мы продали свой дом в Джуйдаме. И 1000 рублей папа дал нам, чтобы мы могли похоронить их с мамой. Итого у нас набралось 20000 рублей. Это было всё, что мы имели. Когда мы пришли к хозяину дома, он пригласил нас в зал. Мы не могли налюбоваться таким большим помещением: 10 метров в длину и 5 метров в ширину. Мы сели в кресла. Хозяин сказал нам, что евреи давали ему 35000 рублей, но тогда

жена не согласилась продать. Что дадите вы? Саша сказал, что мы не можем дать столько. Сейчас мы имеем 20000 рублей. В течение недели мы займём у друзей еще 8000. Вот за 28000 мы можем взять. Хозяин долго думал, потом сказал: «Хорошо. Вы мне понравились. Вы хорошие люди, мне о вас рассказали. У вас много детей. Поэтому я продаю его вам. Хорошо. 28000 и ваше оформление». Мы согласились. Он посадил нас в свою машину, и мы поехали оформлять документы.

Было уже 2 часа дня. Сначала заехали в Горфинотдел, взяли справку на продажу. Затем поехали в махаллинский комитет — он взял разрешение на продажу. Затем поехали к нотариусу. Там нас уже ждали. Сразу взяли наши паспорта и стали составлять договор. Тут оказалось, что на одного человека нельзя оформить этот дом — очень большая жилплощадь. Тогда поехали домой, привезли папу, и оформили дом на двоих — меня и папу. Так мы за несколько часов стали хозяевами Нового дома, который нам очень понравился. Затем поехали в сберкассу, и хозяин положил деньги на свой счёт, сказав: «До следующей пятницы мы освободим дом. В субботу вы можете переезжать. Деньги отдадите моей дочке. Она у меня ведаёт хозяйством и деньгами». Вот так мы получили от Бога дом, в котором жили и радовались много лет — с сентября 1976 года по март 1995 года, целых 19 лет, пока не уехали в Америку. Сейчас там живёт наш первый сын — Павлик — со своей семьёй.

Когда мы переехали в новый дом, наша семья состояла из 12 человек: Саша, я и 10 детей. Немного погодя мы взяли Сашиных родителей — нас стало 14 человек. Папе с мамой мы выделили отдельную комнату. Ещё с нами жила мамина сестра — тётя Таня — это уже 15 человек. Иногда с нами жила моя мама — это уже 16 человек. Часто у нас гостили и Сашины братья — Вена и Володя. Так собиралось в доме до 18 человек, и мы жили очень дружно. Я ухаживала за мамой, так как она была парализованная, и с трудом с помощью другого человека могла передвигать левую ногу. Утром до работы я выводила её на веранду, сажала в кресло, кормила. На работу часто меня возил Саша, а если его не было дома, я шла до троллейбуса пеш-

С О Ю З
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИ-
СТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

Москва, Кремль... 28 сентября 1977 г.

МАТЕРИ-ГЕРОИНЕ

Тов. МАЛЬЦЕВОЙ
Ангелине Владимировне

РЕЗИДИУМ ВЕРХОВОГО СОВЕТА СССР

УКАЗОМ от 28 сентября 1977 г.

ПРИСВОИЛ ВАМ—МАТЕРИ, РОДИВШЕЙ И ВОСПИТАВШЕЙ ДЕСЯТЬ ДЕТЕЙ, ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ
„МАТЬ-ГЕРОИНЯ“

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА

ВЕРХОВОГО СОВЕТА СССР

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА

ВЕРХОВОГО СОВЕТА СССР

ком, затем ехала до Саур-Булака на троллейбусе, и ещё пешком до медпункта.

Работала я всё также — с 9 часов утра до 12 дня. Приём больных, затем всякая другая работа — вызовы к больным на дом, посещение бригад, профилактические прививки. Иногда Саша приезжал за мной, и мы ездили вместе с ним на машине. Иногда сама бегала, делала все необходимое. Один раз в неделю у нас были пятиминутки. Мы отчитывались за свою работу и получали задание на новую неделю. Вся работа делалась по графику. Это было удобно и для меня, и для населения. Все знали, в какой день как я работала и исполняли всё, что было запланировано. Один день я делала подворные обходы, в другой посещала полевые бригады, в третий — посещала диспансерных больных, в четвёртый — вызывала детей на прививки. И много другой интересной работы было, очень много. Иногда комиссия проверяла медпункт, и мы готовились к этому. Наш медпункт был всегда показательным. Все хвалили меня всегда, что у меня очень чисто, всегда есть все медикаменты, много санбюллетеней.

Дома тоже всё было хорошо. Теперь в новом доме был титан для подогрева воды, и ванна, и канализация. Правда, туалет почему-то был на улице. Мы были рады, что родители жили вместе с нами. Очень помогала нам тётя Таня. Она готовила кушать и мыла посуду. Дети мыли пол в доме, убирались. Стирала я сама и иногда моя мама. Когда моя мама жила у нас, она перебирала все шифоньеры, аккуратно складывала все вещи, особенно у детей, и сама стирала. Мы пользовались всё той же стиральной машинкой «Киргизия», она работала хорошо и не ломалась.

Сашин папа был очень хорошим христианином. Я вспоминаю его жизнь, и мне хочется подражать ему. Он был для меня примером. Ежедневно он читал Библию. Каждый год он прочитывал Библию от начала до конца. Долго молился о всех детях и о всех нуждах. Всегда был удивительно спокоен. Сколько переживаний выпало на его долю, но он никогда не роптал, всё сносил кротко и смиренно. Никогда ни на кого не повышал голоса. Папа никогда не пропускал собраний. Раньше, когда у него были пчёлы, он заканчивал работу с ними вовремя, чтобы успеть на собрание. Ещё одно очень ценное качество было у него: он никогда ничего не делал не помолившись. Любовь к своей матери сохранилась у него на всю жизнь. Каждый год он приезжал к нам, когда мы жили ещё отдельно, и привозил сумку шоколадных конфет для наших детей и просил отметить день рождения его мамы, вспомнить её. Он говорил, что мама его была очень хорошая, добрая. Папа очень хорошо относился ко мне, и мне легко жилось в их доме, в их семье. Последние дни жизни мамы он старался сделать как можно приятнее. Старался что-то купить для неё, чтобы она порадовалась. Мама тоже не причиняла никаких хлопот, хотя и была парализованная. Она всегда была довольна пищей, которой её кормили. Всегда была чистенькая. Никогда не ворчала, не требовала ничего для себя. Я часто купала её, и это не представляло для меня никаких трудностей.

Неожиданно мама заболела воспалением легких и быстро скончалась. Мы даже не ожидали, что так быстро мама уйдёт от

нас. Вроде негде ей было простыть. Всё было хорошо. И вдруг 2 марта она скончалась... Похороны сделали хорошие. Пригласили всех соседок, которые долго жили рядом с ней. Это был 1977 год. Через три дня родилась наша дочь — Наташа. Я хотела назвать её Марией в честь умершей бабушки, но все дети уже раньше хотели, если родится девочка, — назвать Наташей. Так и назвали Наташенькой.

Год прожили спокойно. Вместо бабушки в комнату к дедушке поселили Павлика, чтобы деду было веселее. Часто приходили к папе его сыновья — Володя и Вена. Мы жили уже неплохо. Дети имели велосипеды. Павлику купили новый велосипед. Он очень был рад и катался на нём с удовольствием. Как-то дети катались и заехали в гастроном купить что-нибудь. Лина с Валеёй зашли в магазин, а Павлик остался караулить велосипеды. Девочки долго не выходили, и Павлик решил зайти в магазин, посмотреть, где девочки. А они уже собирались

Похороны Сашинной мамы

выходить. Когда вышли — Павлушиного велосипеда не стало. Кто-то украл его за это короткое время. Как переживал Павлик! Дедушка видел, как он во сне искал свой велик. И чтобы он не переживал, дедушка купил ему новый велосипед.

Папа стал скучать без мамы. Здоровье стало ухудшаться. Часто повышалось давление. Один раз он попал в больницу в Киргилых с давлением — поел у тёти Уляши пельмени. Чувствуя, что скоро уйдёт вслед за мамой, папа стал торопить меня переоформить дом. Для этого надо было решение горисполкома, чтобы такой большой дом был оформлен на одного человека. И это мы сделали. Решение такое горисполком принял. Затем переоформили дарственную на меня. Успел он это сделать — и вскоре после этого скончался. Месяца за два до смерти утром он перестал говорить, и лежал недвижимый. Мы вызвали «Скорую помощь». Они велели вызвать невропатолога. Невропатолог, посмотрев, сказала, что помочь ничем уже нельзя. К вечеру может скончаться. Мы все сидели около него. К нашей радости, он к вечеру пришёл в себя, встал и стал разговаривать. Это было чудом для нас. Не верилось. Но это была действительность, что Бог подарил нам его на короткое время. Мы все радовались, так как очень любили папу, и он был для нас желанным. Дети тоже все его любили. Я старалась заставить его хотя бы две недели полежать. Так папа прожил с нами ещё два месяца.

Однажды мы приехали после утреннего собрания домой, Павлик был дома с дедушкой, вдруг он выбегает со слезами и говорит: «Дедушка умирает!» Я бегом к нему. Смотрю — руки и ноги уже синие, не разговаривает, лежит без движения. Я немедленно сделала ему укол кордиамина. Постепенно синева стала проходить, порозовели руки, ноги, лицо. Заработало сердце. Так он пролежал парализованный около месяца. Вена — Сашин брат — ухаживал за ним — был постоянно около папы. И мы тоже по возможности помогали. Меняли ему постель часто. Было лето, всё моментально сохло. Стирали всё в машинке. Послали телеграмму папиной сестре — тёте Уляше — она была в гостях у детей, чтобы срочно приезжала домой. И так папа отошел в вечность, не сказав нам больше ни одного слова. Правда, раньше он просил меня, чтобы на его похоронах спели гимн: «Твой город не здесь среди мёртвой пустыни, Где царство греховных страстей, Где грязнут сердца омрачённых

Похороны Сашинного папы

Похороны мамы

неверьем В объятьях лукавых сетей... О нет! Ты лишь странник здесь в город небесный, Строитель которого Бог. Он отдых тебе и отрада святая В печальной долине тревог...». Похороны прошли хорошо. Было много народа. Как маму, так и папу похоронили уже на новом кладбище.

Не успели мы ещё доски и столы отвести после похорон, как ровно через неделю умирает моя мама. Моя сестра Вера с Сашей и детьми решили переехать жить в Херсон. Мама осталась с нами. Она должна была жить у нас и у Милы — моей сестры. Эту ночь она ночевала у Милы. Вера с семьей уже купили билеты, дом свой продали, мамины вещи перевезли к нам. Ночевали у Лебедевых. Утром я собиралась на работу, вдруг кто-то стучит в ворота. Саша вышел, а там Мила плачет и говорит: «Мама умерла». Я услышала, тоже стала плакать... Мила рассказала, что в седьмом часу она встала, а мама сидела на кровати, не спала. Мила спросила: «Мама, тебе надо что-нибудь?» Она ответила: «Нет, ничего не надо. Спи спокойно». Мила легла спать. Но вскоре проснулась снова. Глянула, а мама сидит на кровати, одна нога свесилась... И уже она была мертва... Дети ещё спали. Юра был в командировке. Она оставила детей одних и побежала к нам, чтобы сообщить нам и Вере, чтобы она не уезжала. Мы послали Павлика к Лебедевым, чтобы сообщить Вере, а меня с Милой Саша повёз к ним, чтобы одеть маму. Мы с Милой обмыли, одели маму и положили на кровати. Хоронить решили от нас. Была жара и на следующий день назначили похороны. Послали срочные телеграммы Вене и Володе. Братья быстро сделали гроб. Маму переложили в него и перевезли к нам. Вечером у нас было служение. Вера отложила свой отъезд. Утром прилетел Вена. А Володя с женой прилетели в Ташкент, и не могли вылететь к нам, не было рейсов. Мы ждали их до 4-х часов и решили хоронить. Было очень жарко, и пришлось попрощаться и закрыть гроб крышкой. Так и схоронили.

На другой день прилетели Володя со Светой. Съездили с ними на кладбище. Они погостили немного и уехали. Вместе с ними уехали и Вера с Сашей с детьми. Они изменили свой маршрут. Сначала поехали в Кустанай, сделали ремонт в роди-

тельском доме и продали его. Разделили всем по 1000 рублей, как наследство от родителей, всем досталось поровну.

Мы за эту тысячу купили половину дома, которая принадлежала Володе. Володя, Сашин брат, тоже умер в этом же 1978 году в сентябре месяце. Его зарезал ножом в общественном туалете возле бани на улице Коммунистов, как выяснилось позже, один молодой цыган. Он нанёс ему 7 ножевых ран. О случившемся нам сказали люди, которые знали его и нашу семью. Мы поехали туда, и действительно это был Володя. Вызвали милицию. Они всё осмотрели, обследовали и увезли его в морг. Когда разрешили хоронить, мы схоронили его из нашего же дома. Собрались все родственники, после похорон сделали обед. Вспоминали его. Безвредный был, простой. Женился, родился мальчик. Хороший, ровесник нашей Анечки. Жизнь почему-то не сложилась, и они разошлись. Вера, его жена, потом вышла замуж за другого, и он воспитывал мальчика. А Володя так один и прожил свою короткую жизнь. Часто приходил к нам, тем более, когда жили у нас родители. Вот после его смерти Вера оформила его половину дома на сына, а он продал нам его за 1000 рублей. Это их устраивало и нас тоже. 1000 рублей тогда были хорошие деньги. В общем, за моё наследство, которое я получила от продажи папиного дома, мы тоже купили наследство.

Во второй половине дома жил Вена — Сашин брат. Вена тоже был хороший парень. Окончив среднюю школу, он поступил учиться в нефтяной техникум и окончил его с красным дипломом. Но он не женился, и жил всё время один. Когда появились деньги, стал выпивать. После окончания техникума Саша устроил его к себе на ТЭЦ работать. Сначала он хорошо работал и хорошо вёл себя. Но потом стал приходиться на работу подвыпившим. Это строго запрещалось на работе. Саше приходилось выручать его. Но после нескольких нарушений его уволили. Когда не было денег и не на что было жить, он приходил к нам и жил у нас. Помогал на пасеке, в работе по дому. Он всё умел делать. Был не привередлив, сговорчив, правда, это было всё до тех пор, пока ему не захочется снова пить. И тогда он уходил

к себе домой. Опять запой, пока снова голод не приводил его к нам. Так он был членом нашей семьи. Мы беспокоились о нём. Хотели ему добра. Приглашали его на собрание. Иногда он приходил с нами на собрание. Знал всё, но покаяться и начать новую жизнь не хотел.

Летом 1979 года умерла тетя Таня. Мы поехали перевозить пчёл. С нами поехал Геннадий, Сашиной сестры муж. Ему очень хотелось посмотреть, как перевозят пчёл. Вот и мы взяли его. Пчёл перевезли, и он уехал с шофёром домой спать, а мы остались. Расставили улья, открыли летки и легли отдохнуть до утра. Вдруг приезжает Геннадий и зовёт ехать домой — умерла тётя Таня. Мы сразу же уехали вместе с ним. С Аней, Сашиной сестрой, мы помыли и одели тётю Таню. Похороны назначили на следующий день. В это время у нас в Фергане проходили всесоюзные регентские курсы. Преподавал Евгений Никифорович Пушкив. Саша попросил хор, всех занимающихся регентов, прийти на похороны, и Евгений Никифорович согласился. На похоронах гроб вынесли на улицу, люди сели на лавки, а хор пел гимны. Это небесное пение собрало всех соседей. Были и хорошие проповеди. Это было хорошее свидетельство для соседей. Да, похороны тётки Тани были очень хорошими. Лучше маминых и папиных. Она заработала это. Как она любила Господа! Она не пропускала ни одного собрания, не ждала, когда поедем мы с Сашей на машине. Только близится шесть часов, она бросает любую работу, моется, одевается и пешком идёт на собрание. 84 года ей было, а она, как молодая, проделывала пешком по 45 минут расстояние до собрания и столько же назад, если Саша оставался на совет, не ехал сразу домой. Это пример, достойный похвалы и подражания. И делала она это с удовольствием. Она хотела перед смертью поболеть немного, полежать, чтобы приготовить себя к смерти. Так и было. Она болела 7 месяцев. Врачи определили у неё рак груди с метастазами в печень. Болея, она никому не надоедала, вела себя спокойно, только кашляла иногда или задыхалась.

Незадолго до этого Наташенька лежала в нашей детской больнице. Её укусила собака, вдобавок Наташа упала, и земля

попала в рану. Получилось заражение. Рука опухла и покраснела. Заражение пошло вверх на плечо. Мы обратились в больницу. На приём пришёл молодой хирург. Он велел немедленно нести её на операцию, так как не был уверен, что рука будет работать. Операция прошла благополучно. Хирург смог аккуратно сделать надрезы, вышло больше пол литра гноя. Но ручка работала. Все сухожилия и нервы остались не тронутыми. Мы были очень рады.

Итак, наша семья осталась без помощников и без старичков. Теперь уже детей не на кого было оставить. Дети старшие сами стали смотреть за малышами. И мне теперь самой больше приходилось уделять внимания дому. 14 августа 1979 года Сашу рукоположили на пресвитера. Раньше у меня были мечты, чтобы Саша был пресвитером. Он был старшим регентом, был членом Церковного совета, принимал активное участие во всех церковных мероприятиях. Часто ездил с молодёжью в горы на общение. Молодёжь любила его, потому что он сам был молод душой и понимал их. И вот теперь он стал пресвитером. У нас было несколько пресвитеров, но лишних не было. Всем хватало работы. У нас была машина, и мы могли с ним ездить в соседние города, чтобы совершать там Вечерю Господню или проводить какой-нибудь праздник, или похороны, а также посещали больных на дому, совершая Вечерю Господню. В своём собрании в Воскресенье после утреннего собрания мы также ездили к больным на посещение и совершали хлебопреломление. Нас стали приглашать на помолвки. Сашу просили считать молодых. Всем нравилось, как он считает. Приглашали считать в другие города. Жизнь, полная труда, нам очень нравилась. Мы желали этого. Это была наша вторая юность. И хотя у нас было уже живых 11 детей, и было много забот, мы трудились с желанием.

В марте 1981 года у нас родилась Мариночка. Мы думали, что Наташа последняя, а оказалось, Бог послал нам ещё одну девочку. Назвали её Мариночкой. И так как прошло четыре года после рождения Наташи, и все дети подросли, то Мариночка была нам как игрушка — живая куколка. Все её очень любили.

Она была очень спокойная. Ещё до родов мы начали перевозить с Сашей улья из Кувы в горы в Караул. У нас была машина и свой прицеп «Скиф», и мы за рейс перевозили 8 ульев. Эта перевозка была удовольствием. Грузить не устанешь, увязывать не трудно, везти тоже не было проблем. Разгрузить тоже было легко, да и расставить. И всё это можно было делать днём.

Когда Марине исполнилось 19 дней, мы стали брать её с собой на перевозки. Пока мы грузили, она лежала в машине на заднем сидении. А когда ехали, я держала её на руках. Тогда в Узбекистане не надо было пользоваться детскими сиденьями, можно было держать ребёнка на руках. Это было удобно. Мы приезжали к киргизам. Мариночку оставляли киргизке — старой женщине. Она смотрела за ней и готовила нам что-нибудь покушать из продуктов, привезённых нами. Мы в это время разгружали улья, расставляли, открывали летки. После этого возвращались, ели и ехали назад. По дороге заезжали к тёте Оле — Ольге Михайловне. Так мы втроём и перевезли всю пасеку. 1981 год был очень хорошим. Пчёлы размножались как на дрожжах, роились, сеяли расплод сплошной — рамки были новые, вощина хорошая, засев был очень хороший. У нас было 98 ульев-лежаков и 50 двухэтажных. Здесь в горах нам иногда помогал дядя Вена.

В Карауле было красивое место. Протекала горная речка. С одной стороны пологий берег, и можно было зайти в реку, с другой стороны — высокий скалистый берег, но на нём было много медоносных цветов. Поэтому пчёлы развивались очень хорошо. Иногда к нам на пасеку приезжала молодёжь — Валя, Аня, Лина, Славик Мухин, Ваня Голотин, Вася Козубенко, Сергей Богущенко и другие. Играли в волейбол, в «третий лишний», лазили по горам, потом с аппетитом ели. Они приезжали на мотоциклах. Машин тогда у ребят ещё не было. Летом пчёл перевезли в Беш-Серки. Делали 2 рейса на большом Камазе. Тогда нам помогал перевозить Володя — хороший шофер, всегда мог помочь перевезти, за плату, конечно.

Этот год был для нас очень радостным. Павлик принял крещение. Вале сделал предложение Виталик Мартынов. Он

был ей по сердцу. Они молились и получили ответ, что в их союзе — Воля Божия. Валя была веселая, много говорила, а Виталик, напротив, серьёзный — останавливал её, чтобы не говорила лишнего. Нам было радостно видеть своих детей уже в возрасте юности и, главное, юности, посвящённой Богу. В нашем доме часто собиралась молодёжь. Радость их была нашей радостью. Когда Виталик принял крещение, стал членом церкви, он сделал Вале предложение. На помолвку пригласили тётю Дину, бабушку, Евгения Петровича и Виктора Разумовских, как родственников Виталика. Дали телеграмму родителям. Они дали согласие и благословение. Интересно, что всё уже было готово к столу. Пришли тётя Дина и тётя Катя, а Евгения Петровича и Виктора всё нет и нет. Послали Виталика на велосипеде за ними. Он приехал к Вале, она сказала, что они работают у людей, и приблизительно объяснила где. Виталик поехал, нашёл их, и они приехали. Помолвка прошла хорошо. Все родственники были согласны на этот брак. Бог помогал во всём, даже в том, чтобы найти Евгения Петровича и Виктора. У Виталика спросили: «Как ты нашёл их?» Он сказал: «Я помолился Богу, чтобы Он помог мне найти их. И Бог ответил на мою молитву!» Да, Бог всегда помогает, когда Его просят и верят Ему.

Стали готовиться к свадьбе. Лина с Анечкой в это лето ездили в отпуск, были в гостях у Ирхиных и во многих других местах. Анечка похорошела. Все стали помогать Вале готовиться к свадьбе. Жить Валя с Виталиком должны были в той половине дома, что мы купили у Славика. Это были четыре маленьких комнатки: кухня, зал, проходная комната и спальня. Повесили занавески. Постелили паласы. Купили стол со стульями, поставили спальный гарнитур. Стало уютно и красиво, можно было жить.

В это же время нашей Анечке сделал предложение Володя Чекмарёв. Она дала ему согласие. Решили сделать двойную свадьбу. Назначили свадьбу на 15 ноября. Делали ее в нашем дворе. Было очень много гостей. Подарки дарили именные. Все были довольны. На следующий год в сентябре у Вали родился сын Юрочка, а немного позже у Анечки родился Сашенька.

1983 год интересен тем, что в этом году осенью мы проводили Павлика в армию. Отправили его в Новомосковск, в стройбат. В 1984 году я ездила к нему с посещением. В этом году мы очень много накачали мёда. Весной отвезли пчёл в Ак-Таш. Это очень далеко, и дорога очень трудная. Туда разрешили ехать, только когда наладили дороги, и разрешили гнать овец на пастбище. Но горные реки в некоторых местах снесли мосты, и приходилось ехать по быстротекущей реке. Вода тащила большие камни. Чтобы проехать, я забегала в воду, быстро проверяла, чтобы не было камней или убирала их, и папа очень быстро мчался, чтобы проехать эту реку. Там не было взятка, но мы развели пчёл, кормили их постоянно. Старшие дети ещё учились. И мы расставили улья, поставили палатку и устроились неплохо. Рядом с нами киргизы поставили юрту. Там жили муж, жена и у них был ребёнок. Пасека Шадмана Усмановича стояла далеко от нас. Там находился постоянно его напарник. И вот первый раз, когда мы уезжали, оставили сына Сашу одного смотреть за пасекой. Погода была плохая. Часто пастухи просились погреться внутри палатки. Так было и когда не было нас. Был дождь и ветер. Было очень холодно. И люди искали, где бы согреться. Они действительно только грелись, но не делали ничего плохого. Однако Саша боялся их, закрыл палатку и убежал к напарнику Шадмана Усмановича. Когда мы снова приехали, то я уже взяла отпуск и могла всё время быть на пасеке. Так мы с Сашей всё время работали на пасеке. Однажды я послала его принести немного веток для кормушек. Он пошел. Ветки были недалеко на горке. Вдруг он кричит: «Мама, змеи!» Я сказала ему, чтобы он шёл назад и побежала к нему. Он потихоньку возвращался. Змеи не поползли за ним. Я ужаснулась! На солнце грелось целое семейство змей. Их было очень много! Но Господь сохранил нас от укусов, хотя мы были много времени на том месте и кормили пчёл, уже когда было темно и можно было наступить на змею. Мы всегда носили резиновые сапоги.

Наконец, мы уехали оттуда. Один «Камаз» с ульями увезли в Куву, поставили в нескольких дворах у разных хозяев. Другой «Камаз» поставили у ветврача в Куве — это были двухэтажные

Двойная свадьба Вали и Анечки

Наша семья в 1983 году

Проводы Павлика в армию

улья. Взятки в том году были очень обильные. В некоторых дворах мы взяли по 2 фляги с улья. Мёд привозили домой и сливали в 200-литровые обвоскованные бочки. Потом мы мёд сдавали оптом и сразу получали деньги. Эти деньги распределяли, как нам надо было. Покупали сахар на кормление осенью и весной, покупали вощину, покупали необходимое детям и себе. Мы купили два гарнитура в дом. Чехословацкий в зал и немецкий — Лине в комнату. Купили паласы в зал. Когда кончились все дела, я поехала к Павлику. Я ехала с Лилей Сапруненко и Кларой Мирошниченко. Когда мы приехали в Москву, нас встретил Николай Мирошниченко — Кларин муж. В Москве был мороз минус 17 градусов. Это было в первых числах ноября. Я поехала к Кларе и находилась у них. На другой день мы с дядей Колей поехали к Павлику. Побыли с ним. Потом Павлик приезжал к нам на ночь, а утром уезжал в часть. Я просила замполита отпустить его на несколько дней, но он не разрешил. Он пригласил нас к себе в кабинет, поблагодарил, что вырастили хорошего сына, но был недоволен, что Павлик отказался принимать присягу. Он также сказал, что если их часть отправят в Афганистан и если он откажется взять оружие в руки, то его расстреляют. Что он ознакомил Павлика с этим условием и что Павлик согласен. Я привезла Павлику большие дыни, арбуз, мёд и ещё много чего. Мы с ним хорошо погостили, у меня было много денег, и я купила в Москве много вещей для детей: одежды и обуви. Папа Виталика купил нам хороший магнитофон за 700 рублей. Магнитофон я взяла с собой, а вещи послала в посылках. Все дети были очень рады подаркам.

Дети

Летом 1985 года папе исполнялось 50 лет. Мы решили пригласить друзей своего возраста, порадоваться вместе и поблагодарить Бога за все благословения, которые Он посылал в течение всей жизни, как его, так и нашей совместной семейной жизни. Помню, это был воскресный день. Он был связан ещё с одним очень важным событием. Наша пасека в тот год стояла в Беш-Серках. Нашей дочке Лине сделал предложение Миша. Они были три дня в посте. Пост заканчивался в воскресенье, и Лина дала Мише согласие выйти за него замуж. Миша сообщил эту радостную весть своим родителям в воскресенье вечером, когда они вернулись домой после нашего торжества. Реакция его родителей была отрицательной — они не сказали, что они не согласны, но сказали, что Миша неправильно подошёл к решению этого вопроса. Надо было прежде с родителями решить этот вопрос, а потом идти и делать предложение. Они сказали, что будут молиться и потом дадут ответ. Прошёл август, сентябрь... а ответа всё нет и нет... Затем они попросили встречи. Мы встретились у нас в доме. Думали, что получим окончательный ответ. Мы согласны были на любой ответ, лишь бы прийти к какому-нибудь концу. Однако родители и на этот раз не сказали ничего конкретного. Сказали, что будут молиться. Так прошло десять лет. Лина трудилась в Церкви: пела в хоре, пела с группой, ездила на посещение в соседние города, посещала всех больных и одиноких, старушек. Господь увидел её богобоязненность и послал ей хорошего друга жизни уже в Америке и благословил её. Теперь у них уже три прекрасных мальчика.

Однажды мы с Сашей были на свадьбе у Павлика Станиславского и сидели рядом с мамой невесты. Мы спросили, как Господь послал молодым встречу? Мать со слезами сказала нам, что она долгое время с постом молилась, чтобы Бог послал её дочери мужа. Это был для меня толчок последовать её примеру. Каждую пятницу, за редким исключением, я соблюдала пост и молитву в течение этих десяти лет. Я просила Господа,

чтобы Он послал Лине друга жизни по сердцу. И Бог ответил. Только прошло целых десять лет. Мне приятно было слышать, когда она рассказывала друзьям, как она встретилась с Дарелом, как полюбила его и поняла, что Господь хочет, чтобы они были вместе.

В конце 1985 года Павлик должен был вернуться из армии. Но их задержали. Сказали, отпустят, как только подьедет замена, хотя приказ о демобилизации вышел в сентябре. Пробовали разными путями вызвать его пораньше, но ничего не получилось. В октябре Вена должен был пойти в армию. Сделали проводы, пригласили молодёжь. Руководителем молодёжи тогда был у нас в Фергане Костя Жирков. Проводы были очень назидательными. Вене давали много хороших пожеланий. Толик Никитенко только что вернулся из армии. Он пожелал Вене больше молиться, особенно в трудные минуты. Он сказал, что только молитва помогала ему выстоять в трудные минуты и подкрепляла его. Другие тоже давали хорошие пожелания. Особенно ценное пожелание сказал папа, чтобы оставался верным Богу всегда и везде, даже если это будет стоить ему жизни. В военкомат на проводы пришла вся молодёжь. Призывники вместе с провожатыми пошли пешком до поезда. Пели гимны по

Проводы Вены в армию. 27 октября 1985 года

дороге. На вокзале ребят отпустили на короткое время к своим провожающим. Вена тоже пришёл к нам. Молодёжь окружила его. Пели много гимнов. Многие подходили к нашей группе и слушали пение, удивлялись такой сплочённости, такой интересной жизни, что одного юношу пришлось провожать столько много молодёжи. Но вот их позвали, построили, посчитали и посадили в вагоны. Поезд тронулся... И уехали наши сыны, куда, не знал никто, так как этого нам не говорили...

После того, как Вену проводили, папа снова пригласил молодёжь к нам, опять поели, попили чай, спели песни, побеседовали, помолились, чтобы Господь вёл Вену Своим путём и помогал ему во всём. Через месяц мы получили телеграмму от Вены из Джамбула, он просил, чтобы мы приехали к нему, он тяжело болен. В полной неизвестности, что с ним, мы с папой тут же поехали. Рейсов на самолёт не было, и мы поехали на автобусе до Ташкента. В Ташкенте сели на автобус до Джамбула, и на другой день уже были на месте. Начальник медсанчасти сообщил нам, что Вена заболел инфекционным менингитом, три дня он был без сознания, сейчас состояние улучшилось, он находится на лечении в городской инфекционной больнице. Он сказал, что помощи никакой не надо. У них есть все медикаменты, и всё, что надо, они делают. Он принимает ежедневно 27 миллионов единиц пенициллина. Он также предложил подвезти нас в больницу и устроить встречу, так как в инфекционное отделение нас одних не пропустят. Мы очень обрадовались. И вот мы в палате... Увидев нас, Вена заулыбался, будто солнышко. Сам худой, бледный, весь прозрачный, а лицо — всё одухотворено радостью. Мы успокоились, что увидели его живым.

Несколько дней мы с папой ходили в больницу вместе, потом папа уехал, а я осталась ухаживать за Веной. Папа работал, а я уже не работала. До пенсии мне осталось мало. В декабре я уже должна была пойти на пенсию, так как в Узбекистане женщина, имеющая пять и более детей, идёт на пенсию в 50 лет. 14 декабря 1985 года мне исполнилось 50 лет, и я могла отдыхать... Но я законно уволилась в июле, так как проработала на одном месте 20 лет без перерыва. Было лето. Надо было работать на

пасеке, и поэтому я уволилась. И теперь папа должен был ехать назад, чтобы работать, а я могла свободно остаться. Каждое утро я вставала в 5 часов. Готовила Вене свежий бульон, брала соки, свежие фрукты и шла в больницу. Жила я у Павлика Корнилова — папиного двоюродного брата. Я приходила к Вене утром, пока ещё не было врачей. Кормила его. Он был очень послушен. Ел хорошо. Остатки доедал до моего второго прихода. Вечером я приходила, когда врачи уже уходили домой. Я свободно проходила, и меня пропускали. Так я пробыла целый месяц. Затем приехала Лина и тоже ходила к нему ежедневно, а я уехала домой. Перед Новым годом его должны были отпустить домой на долечивание, комиссовать, но в воинской части начальник сказал, что, если он не примет присягу, домой не отпустят. Пришлось Лине ехать домой, а папе приезжать в Джалбул, требовать, чтобы сына отпустили домой. Папа ходил к нескольким начальникам, но всё бесполезно. Они очень грубо разговаривали с ним, стучали кулаком по столу, говорили, что оставят его здесь при госпитале, он будет убирать территорию или делать другую какую-нибудь работу, раз не хочет принимать присягу. В пятницу папа позвонил, что, наверное, приедет в субботу один, и просил Церковь помолиться, чтобы Вену отпустили. В пятницу на собрании церковь усиленно молилась, чтобы Вену отпустили домой на долечивание. И вот в субботу утром папа позвонил, что едет домой вместе с Веной! Сколько было радости для нас! Было это перед Новым годом.

Вся молодёжь посещала его. Мы старались сделать ему более спокойную обстановку дома. Он находился в зале. Спал на диван-кровать. Места было много, много воздуха. Вызвали к нему врача-невропатолога из нашей поликлиники. Через некоторое время устроили его на лечение в военный госпиталь в неврологическое отделение. Там его лечила врач-невропатолог, чудесная женщина, очень добрая и чуткая, по её рекомендации его освободили от дальнейшей службы в армии, т.е. комиссовали. Он весной уже окреп и вернулся домой. Мы брали его на пасеку, чтобы свежий воздух и хорошее питание восстановили его силы.

Вену отпустили домой

В 1986 году Павлик ездил с нами на пасеку. Мы ему дали 20 ульев с пчёлами. Весной пчёлы стояли в Ирису. Ехать было очень далеко. Однако он ежедневно возвращался домой, то собрание, то спевка, то молодёжное... Каждый вечер что-нибудь было. Мы просили его побыть на пасеке хоть несколько дней, хорошо проверять пчёл, потом уезжать, чтобы не ездить часто. Но было бесполезно. Весной мы купили ещё один дом по улице Интернациональной. Нам с папой очень понравился участок — большой — и дом хороший. Хотели, чтобы было сыновьям, где жить. Оформили его на Павлика и Вену. В свободное время с папой ходили пешком в новый дом. Там было много фруктов,

винограда. В доме мы сделали ремонт, побелили, покрасили. На зиму привозили туда лишние ульи с рамками. Весной 1987 года посадили в доме хороший сад. Витя Меркулов сделал нам красивый фасад, как в нашем доме в Джуйдаме. И наш дом преобразился. Сначала Павлик жил в этом доме. Там был телефон и всё необходимое. Но однажды Павлик чем-то отравился и позвонил нам, чтобы мы приехали. Мы сразу же приехали и забрали его. С тех пор в том доме никто не жил. Закрывали его на ключ и всё. Никто ничего не воровал. Соседи были хорошие. В этом же году мы купили вторую половину дома у еврея. Теперь и участок увеличился, и дом, как отдельная квартира. Мы оформили её на Лину. Лина навела там порядок. Побелила, покрасила. Поставили необходимую обстановку. Весной теперь мы выводили маток в этом дворе. Матки хорошо облётывались и затем мы их увозили на пасеку. На мальчишеской половине мы пристроили ещё одну комнату, сделали пол, покрыли шифером, поштукатурили. Теперь вид совсем изменился. Террасу тоже сделали закрытую, тёплую. Кладовки тоже папа хотел переделать. Сделали фундамент, но больше так ничего и не смогли сделать. Павлик уехал в Ташкент и остался там. В это время строили молитвенный дом. Он снял себе комнатку у одной верующей сестры, которая жила рядом со строившимся домом, и жил там. Он не работал, полностью был занят стройкой молитвенного дома. Покупал нужные стройматериалы, следил за всем и полностью участвовал в жизни церкви. Только они построили дом, его отобрали. Хозяйка дома внезапно умерла, а документы никакие ещё не сделали, дочку власти припугнули, она стала хозяйкой и не разрешила собираться. Тогда купили дом в другом месте и во дворе стали строить новую Церковь. Этот дом до сих пор существует в Ташкенте, и народ Божий имеет хороший большой Молитвенный дом. В подвале сделали хороший зал, где проходят праздники с обедами и свадьбы.

Вена окончил курсы котельщика и стал работать в котельной.

В 1988 году вышла замуж Лина подружка Люба Лаптева за Мишу Мирошниченко. Они попросили пустить их пожить

в Лилиной квартире. Мы разрешили. Они снова всё побелили, покрасили и стали жить. Но зимой, когда стало холодно, они снова перешли жить к родителям Любы. В феврале 1989 года Наде сделали предложение сразу два Толика. Один Толик прислал письмо, в котором сделал ей предложение. Это был Толик Лелюх. Он жил в Фергане, но уехал зимой домой к родителям в Георгиевск. У него было желание жениться, и ему нравилась Надя. Бог побудил его написать ей письмо и сделать предложение. Второй Толик жил в Фергане. Он тоже решил жениться. Его маме и ему нравилась наша Надя. Он сказал об этом пресвитеру Александру Семёновичу. Пресвитер вместе с женой оставили Надю после собрания и сказали ей, что один брат делает ей предложение, хочет, чтобы она была его женой — это Толик Никитенко. Помолись об этом и дай ответ ему. И вот она обратилась ко мне с вопросом: «Мама, за которого Толика ты посоветуешь мне выйти замуж? За Толика Лелюха или за Толика Никитенко?» Оба Толика были хорошими христианами, оба были здоровые и красивые. Я сказала ей: «Если выйдешь за Толика Лелюха, тебе будет легко жить. Характер у Толика хороший. Он простой и добрый. Если выйдешь за Толика Никитенко — нужды не будешь иметь, но он будет требовательный. Он хочет, чтобы жена была здоровой, и всё делала. А в жизни всё может быть. Может, заболеешь, и он недоволен будет. Взвесь всё и решай сама. Помолись, к кому Бог расположит твоё сердце». Надя молилась, и Господь расположил её сердце дать согласие Толику Лелюху. Вскоре приехал и сам Толик. Мы сделали помолвку. Пригласили Толикиных родственников и пресвитера — Александра Семёновича с женой. Они были разочарованы, что другой Толик становится женихом Нади. Но они согласились, что это Воля Божия.

На другой день Надя собрала девичник — пригласила всех своих подружек на чай. Они ещё ничего не знали. Толика мы не пригласили. Когда посидели немного, покушали, папа сказал: «Ну, сёстры, Надя выходит замуж. Угадайте, кто жених?» Все удивились такому сообщению и начали называть имена братьев неженатых, а о Толике Лелюхе не могли додуматься. Тогда

папа показал им его фото. Все удивились, как это произошло? Толика нет, а помолвка состоялась? Тогда Надя рассказала им историю с двумя Толиками, как она получила ответ от Бога, как узнала Волю Божию. Стали готовиться к свадьбе, так как Толик жил у родственников, и не было смысла долго тянуть. Свадьбу сделали в апреле. На свадьбу приехали все братья и сестры Толика, отец и мать. Мы увидели, какая это дружная семья! Тринадцать детей, и все верующие. Последней Ларисе было уже 16 лет. Все хорошо пели, некоторые играли. Очень хорошо играл и пел брат Толика — Павлик.

На свадьбу всё было готово. Напекли много тортов. От соседей разобрали часть забора и получили разрешение пользоваться двором и половиной дома, кладовыми, водопроводом и туалетом. Тётя Катя — соседка — жила теперь одна, муж ее умер, а вторые соседи умерли оба — и муж и жена. И нам разрешили пользоваться их домом. Там разложили торты, готовили плов. Сделали котёл тушёного мяса, нажарили кур. Приготовили колбасу, сыр. Много разного печёного. На свадьбе случилось ЧП — лопнул котёл, и часть плова уплыла в огонь. Сохранившуюся часть переложили в другой большой котёл, который взяли у соседей. Всё готовое стояло на столах, ожидали только плов. Но вот подали плов, тушёное мясо, и почти никто не заме-

Свадьба Нади и Толика

тил, что у нас произошла такая неприятность. Свадьба прошла хорошо. Толикины сестры и братья очень дружно трудились на кухне, обслуживали гостей — такие молодцы!

Когда гости разошлись и остались одни родственники, родители Толика разговаривали с тётёй Уляшей. Они сказали ей: «У нас ещё один жених есть — Павлик». А тётя Уляша говорит: «А вон и невеста бегаёт» и показала на Танечку. Родителям она очень понравилась. Они посоветовали Павлику нашу Танечку. После свадьбы поехали в Шахимардан. На свадьбу приехали из Георгиевска их друзья-фотографы. Они сделали много цветных фотографий, так что память о свадьбе осталась очень хорошая.

Наденьку с Толиком мы поселили в Лениной половине дома по улице Интернациональной, Надя убралась, и было у неё очень красиво и уютно. Был апрель. Средств было мало, и мы не могли ей купить всё новое. Пришлось обставить дом использованной мебелью. Но они не жаловались, жили очень дружно. Надя работала в лесхозе — рядом с нами. Поэтому была у нас каждый день. Толик пока не работал на производстве, он занимался пчёлами.

В этом же 1989 году в Фергане произошли ужасные события — узбеки начали жечь дома турков-месхетинцев. Это было в начале июня. Сожгли почти все дома, машины, погибли много людей... Сначала в субботу жгли на Водстрое. Там много жило турков-месхетинцев. Жили многие очень богато. Вообще турки очень трудолюбивый народ. Жили они на Водстрое, Ярмаре, Садвинсовхозе, в колхозе Ленина, в Фергане, в Кувасае и в некоторых районах Узбекистана. Толпы молодых озверелых людей с баграми (на палки набивали гвозди) и вилами, с палками бежали к месту назначения. Заходили в каждый дом, забирали, что хотели, затем бросали бутылку с зажигательной смесью и уходили. Скот уводили. Жгли дома. Если там прятались люди, то они сгорали заживо. Сгорали и взрослые, и дети. Детей убивали на глазах матерей.

В Воскресенье после собрания мы с Сашей ехали в Киргизию совершить хлебопреломление. Там по дороге был район, где жили много турков. Они работали в овощном совхозе Лени-

набад. Мы видели, как здоровые могучие мужчины заграждали дороги цепями, чтобы толпы не смогли идти в их улицы. Вечером эти места горели. Ничто не могло спасти их от этого разбоя. В это же время жгли посёлок Ярмазар. Милиция никаких мер не предпринимала. Подняли войсковую часть. Но воины стояли со щитами, и никаких команд разогнать эту толпу им не давали. Пробовали разогнать их пожарными машинами — поливали на них водой, но эти машины разбивали, и толку не было. Творился полный произвол. На третий день жгли местность возле русского кладбища. Я была по делам в это утро в Областной санэпидстанции, и на моих глазах бежала озверевшая толпа молодых узбеков. Они бежали туда, где жили турки. У них был предводитель, который отвечал за этот район, он знал каждый дом. Они не ошибались и не причинили никакого вреда ни русским, ни узбекам. Если рядом с турками жили узбеки или русские, то эти дома они не жгли, а только обирали и наносили повреждения, разбивали окна, двери. Турки, жившие в колхозе Ленина, бросили свои дома, пришли к Облисполкому и попросили вывести их. Им дали автобусы, и они благополучно выехали за Ташкент. Дома их не сожгли, но забрали все их запасы. У них были добротные дома с подвалами, где были запасы муки, сахара, зерна, масла и много других продуктов. Так эти дома были разграблены. Никто за них не отвечал, никто не ставил охрану.

Мы взяли своих детей на пасеку. В этот год мы стояли в Кок-Беле. Рядом с нами было много других пасек. Они стояли на расстоянии друг от друга. Саша работал, а я с детьми и с Вениамином, Сашиным братом, были на пасеке.

После этих событий многие верующие подали анкеты на выезд в Америку. И они уехали по Израильской визе, т.е. их лишили гражданства, и они ехали через Италию. Много времени они прожили в Риме. Они писали письма, и нам интересно было, как они устроятся.

Вскоре приехал в Фергану Павлик Лелюх. Мы были на пасеке. Он приехал к нам на пасеку с папой. Вся молодёжь пошла в горы. Павлик поймал в горах один рой и принёс нам. По-

том мы все уехали домой, на пасеке остался один Вена, Сашин брат. Вечером Павлик играл на пианино, а мы все пели. Павлик пообщался с Таней и сделал ей предложение. Мы поговорили с Таней, назначили пост на следующий день и молитву, чтобы Бог открыл ей Волю Свою, чтобы у неё было расположение к Павлику, и это принесло ей радость. Помолились мы, помолились и Павлик с Таней. Утром встали, снова помолились. Таня с Павликом пошли в город. Через некоторое время вернулись назад, оба весёлые, радостные — Таня говорит: «Всё, заключаю пост, я согласна выйти замуж за Павлика». Мы совершили молитву и стали обедать. В субботу сделали помолвку, и в воскресенье их объявили в собрании. Затем Таня улетела в Георгиевск с Павликом. Там они фотографировались на приглашительные билеты. Отдохнули, решили много совместных вопросов. В субботу на вечернем собрании их объявили, что они жених и невеста. А утром Павлик проводил её домой в Фергану на самолёте. Многие, кто не был в собрании в субботу, хотели в Воскресенье посмотреть на невесту Павлика, а её уже не было. Свадьбу решили сделать в сентябре.

Теперь надо было находить средства, чтобы собрать Танечку к отъезду. Решили часть пчёл продать. Павлик Корнилов договорился с одним человеком из Сибири, чтобы он купил у нас пчёл. К назначенному сроку мы должны были привезти пчёл в Джамбул. Пустые улья у нас были не дома, а в Уч-Кургане у киргизов. Их надо было привезти. И вот девочки — Лина, Надя, Таня поехали с Веной и с шофёром на «Камазе», чтобы погрузить улья. Погрузили, затем шофер повёз улья к нам. Он знал, где наша пасека, так как сам привозил её туда. А девочки с Веной поехали домой. А на пасеке мы уже разгрузили ящики и стали их заполнять семьями пчёл, готовить их к перевозке. Получили все документы, нужные для ветеринарных постов, и в назначенное время поехали. На «Камазе» поехали с водителем я, Вовчик и Вена, Сашин брат. Ехали без остановки до самого Джамбула. Верёвки оказались очень плохими, часто рвались, приходилось останавливаться, перевязывать. А ехали днём — пчёлы роем летают возле ульев. Думали, что растеряем пчёл по

дороге. Раньше планировали делать остановку, но теперь решили ехать прямо сразу до места. Я беспокоилась, чтобы пчёлы не запарились, очень волновалась. Но слава Богу доехали нормально, пчёл довезли хорошо.

Нас встретил Павел Иванович в Джамбуле и показал, где разгрузить пчёл. Был вечер, и пчёлы ещё не утомнились, роём летали над машиной. Так и пришлось разгружать. Сколько нас накусили пчёлы — не сосчитать. Уже не обращали на это внимания, лишь бы скорее разгрузить да открыть ящики. Сперва открыли все крышки, а потом уже летки. Все пчёлы доехали хорошо. Запаренных не было. Правда, некоторые ослабели, но всё равно пчёл было много.

На следующий день приехал покупатель. Стал проверять пчёл. Нам он тоже поручил проверять маток, чтобы скорее проверить и уехать ему назад с пчёлами. В Джамбуле было много пчеловодов, желающих продать своих пчёл. Они старались любыми путями сманить нашего покупателя. Продать им дешевле и сильнее пчёл. Павел Иванович уговорил его, чтобы он взял наших пчёл, так как он договорился с нами, и мы приехали издалека. Сколько пришлось пережить! А если не возьмёт, назад

Свадьба Тани и Павлика

везти? Ну решили, немного уступить, сбавить цену, и покупатель взял наших пчёл. Мы помогли ему пересадить пчёл в его ящики, запаковали, и мы разъехались. Свои улья пока оставили у Павла Ивановича, забрали позже, тот же водитель съездил с ребятами и привёз.

Так у нас появились деньги. Теперь мы могли что-то купить Тане. Всё, что надо было на первое время, мы купили ей. Заказали контейнер. Купили ей пианино, спальный гарнитур, стол кухонный с четырьмя сиденьями, паласы, посуду разную, тёплые одеяла, подушки и ещё много чего. В общем, контейнер был забит полностью.

На свадьбу в Георгиевск поехали родители, Вовчик, Лина, Вена. Саша остался дома с малышами. Он тоже хотел ехать, но мы не могли его взять. На свадьбу приехали также Анечка с Володей, Коля Галотин, Миша Ермолов, Танины подружки.

Бракосочетание было на утреннем собрании. А после сочетания — свадебный пир во дворе у родителей. В субботу всё было уже готово. Столы накрыли белыми скатертями. Натянули палатку в случае дождя. Вечером пошёл сильнейший дождь — символ благословения! Утром пришлось менять промокшие скатерти. Вспоминаю, когда были свадьбы у Вали и у Ани, днём, когда основная масса гостей пообедала — пошёл дождь. Тётя Уляша всегда говорила: «Дождь — это благословение Божие». Вроде бы не собирался дождь, а пошёл...

После свадьбы Лина с Веней и Таней Лелюх поехали путешествовать. Вовчик тоже поехал посещать друзей. Анечка с Володей и детьми уехали к себе в Апшеронск. А мы с Сашей вернулись домой. Через год у Нади родилась дочка Светланочка, а у Тани — сын Игорёк.

В 1990 году забрали в армию нашего Вовчика. Он поехал вместе с Толиком Хоменко в одном поезде. Мы провожали их со станции Горчаково. До самого конца, до отправки поезда, были вместе с нами Станиславские, Коновченко, родители Толика. Куда их отправляли, мы не знали. Потом Вовчик прислал письмо из города Калинина — теперь это Тверь. Сначала он был в музыкальной группе, играл на кларнете. Позже перевели

его водителем. Он привозил в часть хлеб, молоко и другие продукты. Принимать присягу он отказался.

В октябре 1990 года у нас случилось несчастье, умер Вена, Сашин брат. Он жил в своём доме рядом с Валей. Часто был у нас, помогал на пасеке. Когда ему хотелось выпить, он уходил от нас домой. Так получилось и на этот раз. Он ушёл. Связался с какими-то друзьями. И однажды поздно ночью он пришёл домой весь избитый и раздетый. Об этом нам сказала дочка Валя. Она приносила ему кушать. Мы думали, что, как всегда, он полежит немного и отойдёт. А тут вскоре Валя прибегает к нам утром в 9 часов и говорит: «Идите скорее, Вена умер!» Мы не могли поверить... Ведь мы даже не посетили его больным. Когда мы приехали и зашли к нему в дом, то увидели, что он стоял на коленях у кровати, голова склонилась на кровать... И так застыл. Был уже холодный... Вместе с печалью появилась какая-то радость, надежда, что Вена помолился Богу перед смертью и покаялся... Может быть, в последние минуты, когда он почувствовал, что жизнь заканчивается, что он умирает, он склонился на колени и просил у Бога прощения, как разбойник на кресте. О! Если бы это было так! Может быть, он теперь на небе вместе со своими родителями и родными. Ответ увидим, когда придём на небо. Хочется верить, что молитвы отца и матери и наши Господь услышал и ответил. И он мог получить прощение и спасение, как разбойник на кресте.

Похороны опять делали мы. Собрались родственники, сделали обед. Сколько уже могил у нас в Фергане! Сначала Валя — Сашина сестра — ушла в вечность, затем Коля — Сашин брат умер. Слава Богу, он покаялся за две недели до смерти. Милость Божия — он получил мир в сердце и удостоверение, что он дитя Божие, что ему прощены все грехи и теперь, умирая, он идёт к своему Спасителю. Затем умерла наша Любочка. Потом мой папа, Сашина мама, Сашин папа, через неделю умерла моя мама... Через два месяца схоронили Володю, Сашиного брата. Через год тётю Таню. С 1979 по 1990 год жили спокойно. Всё было благополучно. И вот не стало Вены... Из наших родственников ещё схоронили дядю Васю, мужа тёти

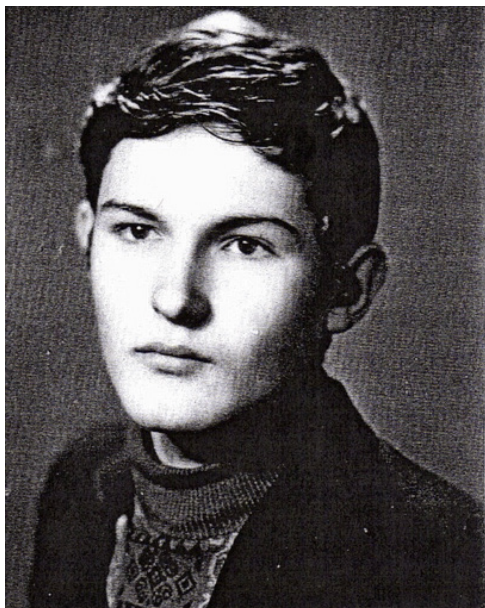
Уляши, и Валеру, сына тети Ани, который погиб трагически. Уже вернулся из армии, женился, ждали ребёночка. Его попросили поработать в воинской части. Он согласился. И вот в тот вечер возвращался поздно домой с работы и врезался в дерево на мопеде. Говорят, что его ослепила какая-то машина, и он не увидел это дерево. Оно не стояло в ряду всех деревьев, а сильно выходило на дорогу. Бедная тётя Аня! Как можно было перенести это великое горе?! Были большие похороны. Участвовала войсковая часть, был оркестр, играл похоронный марш... Мы все были очень расстроены, но кто утешит скорбящую мать, потерявшую сына?! Долго ещё тётя Аня не могла прийти в себя. Позже уговорили её пойти на работу, там она немного отвлеклась от мыслей о погибшем сыне. Да, правильно поётся в песне: «Жена найдет себе другого, а мать сыночка — никогда!»

18 сентября 1991 года у Саши случился ночью обширный трансмуральный инфаркт миокарда. Вызвали «Скорую помощь». Подозревали инфаркт — вызвали спецмашину — диагноз подтвердился. Перед тем, как забрать в реанимацию, Саше сделали какой-то укол. От него стало ему очень плохо. Он посинел, стал задыхаться. Привезли в реанимацию. Мы с Веней следом приехали на машине. Я зашла в приёмный покой. Там на коляске Саша лежал совсем синий... Заполнили историю болезни, кое-что спросили у меня и отвезли в реанимацию. Нас отправили домой. В реанимацию никого не пустили. Мы уехали. А утром все взрослые собрались в больнице. Приехали Валя с Виталиком, мы с Веней. Павлик был в Ташкенте, мы вызвали его. Сообщили Вовчику в войсковую часть, послали телеграмму, заверенную врачом. Он вскоре прилетел. Так собралась вся семья. Саша остался жив. Мы видели его в окошко. Но вставать ему не разрешали. Он должен был две недели лежать, не вставать и не поворачиваться на бок. Через неделю Саша попросил, чтобы его перевели в общую палату. Об этом и думать нельзя было. Но он сказал, если не переведёте, убегу. Так пришлось врачам идти у него на поводу — перевели его в палату. Теперь я приходила к нему вечером, оставалась ночевать, а рано утром в 6 часов уходила домой, чтобы успеть на первый троллейбус

или автобус. Придя домой, бежала в детскую кухню за молоком. Ежедневно мы брали десятилитровый бидон молока. Пили сами и поили поросят. Этот бидон стоил тогда 5 рублей. Управившись с поросятами, я кормила детей и уходила на работу. 10 минут я шла быстрым шагом до троллейбуса, ехала на нём до Саур-Булака. До медпункта тоже быстро добиралась пешком. Работа меня не утомляла. Я работала с удовольствием. Старалась работать быстро и хорошо, чтобы все были довольны. После работы торопилась домой. Как раз в это время стали пороситься свиньи. Вовчик сделал им отдельные места, перегородил досками, чтобы каждая свинья могла кормить своих поросят. Вечером я снова уходила к Саше в больницу на всю ночь. Сначала я кормила его, потом мы ложились отдыхать. Часто я спала мёртвым сном, и, если Саше что-нибудь надо было, он кидал в меня газету или яблоко. Попробовали, чтобы вместо меня дежурил кто-нибудь другой, ничего не вышло. Так я ходила всегда сама. Вскоре после того, как Сашу перевели в палату, ему днём сделали кардиограмму, которая показала, что рубец очень плохо зарастает. Сделали ему внутривенный укол — ланикор. Меня и никого из родных возле него не было в это время. Был только один больной, лежал на койке рядом с ним. Он был глухой, лежал тоже после инфаркта. Медсестра-узбечка сделала этот укол внутривенно и быстро ушла. Саше стало очень плохо. Его начало колотить так, что тряслась койка. Глухой дед услышал, пошёл, позвал медсестру. Прибежали врачи. Вызвали реанимацию. Сделали электрокардиограмму. Медсестра, которая её делала, вечером сказала нам, что аппарат зафиксировал остановку сердца. Саша сказал мне: «Вот пришла бы сегодня вечером, а я был бы уже холодным...» Слава Богу, это ещё не был конец его жизни. Господь и на этот раз продлил его жизнь. С Божьей помощью реаниматоры вывели его из этого состояния.

После этого состояние его ухудшилось. Стало трудно дышать, не хватало воздуха... И так до самой Америки, пока не сделали операцию на сердце. Пролежал он в больнице целый месяц. После этого ему не разрешили работать. Дали вторую группу инвалидности. Но Саша не захотел оформлять её. Он

был дома. Временами ему было плохо, и мы вызывали «Скорую помощь». В это время мне надо было поехать в Ташкент, купить Павлику квартиру. Он хотел купить недорогой дом, но не получилось. Мы стали искать квартиру. Я взяла с собой 20000 рублей. Саша отпустил меня, а сам стал хозяйничать дома. Он стал голодать и почувствовал себя намного лучше. Перестали вызывать врачей. Он готовил детям кушать, кормил их, а сам не ел. Мне пришлось задержаться. Мы нашли квартиру в общем

Павлик

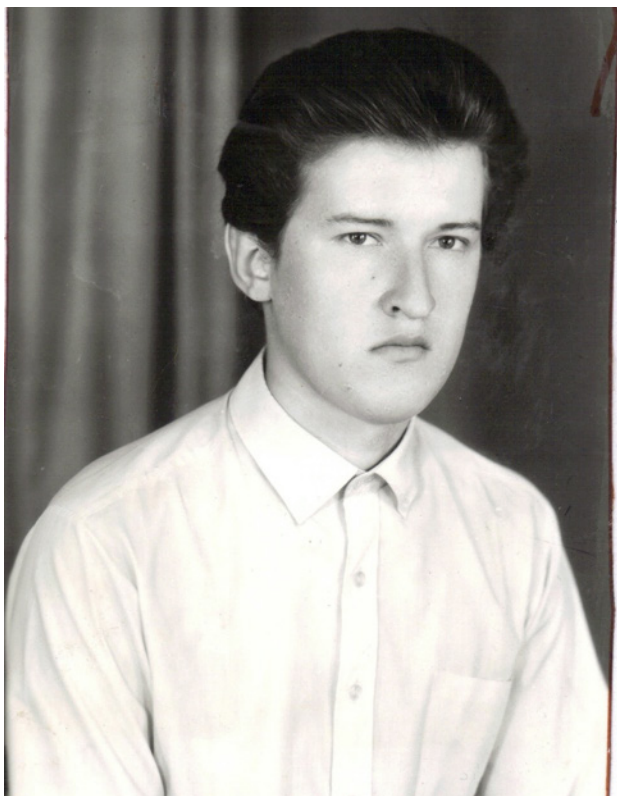
дворе в центре города за 15000. Нам она очень понравилась. Я уехала домой только после того, как оформили квартиру. Теперь Павлик был устроен. Он по-прежнему не работал, помогал строить второй Молитвенный дом в Ташкенте.

После того, как я приехала домой, Саша продолжал голодать. Так он не ел 21 день. Чувствовал себя хорошо. К пище возвращался осторожно. Сначала пил соки. Потом стали принимать пищу по инструкции. Этот метод очень помог ему. Пробовал он и здесь, в Америке, голодать, но не смог, сердце не выдерживало. Пришлось оставить всё и снова есть. Вовчик побыл ещё немного и уехал в армию.

Вена

Весной 1992 года папа, Вена, Толик Лелюх и один верующий брат из нашего собрания работали в котельной в авиагородке. Каждый сутки работал, трое отдыхал. В один день Толику Лелюху надо было поехать куда-то, и он попросил Вену поработать за него. Во время работы днём Вена вышел из котельной на свежий воздух. Ему навстречу шли два молодых человека — русские ребята. Они остановили Вену и говорят: «Какая у тебя хорошая шапочка!» Вена улыбнулся и сказал: «Ребята, идите своей дорогой». Тут один из ребят размахнулся и ударил Вену в лицо. Вена хотел забежать от них в котельную, но они побежали за ним и не дали закрыть дверь, забежали за ним внутрь котельной. В это время мимо проходил брат Володя, который работал с ними в этой котельной. Увидев это, он зашёл внутрь и стал уговаривать ребят уйти. Но они были пьяные и обкуренные и не хотели уходить. Одна женщина все видела из окна дома, который был напротив котельной, и позвонила в милицию. Пока милиция приехала, ребята уже ушли. Они посмотрели, что действительно Вена был избит этими парнями, но так как их не было, они сказали, если ещё придут, звони, мы приедем. В котельной был телефон. Милиция уехала. Брат предложил Вене пойти домой, а он за него подежурит. Но Вена не согласился, думал, что ребята больше не придут. Он остался, снял с себя залитый кровью свитер, и остался в рубашке. А брат пошёл пешком к нам домой, чтобы рассказать о случившемся. Пока он дошёл до нас и сообщил нам, произошло ужасное...

Когда мы приехали — я, папа, и Саша — в котельной никого не было. Окно в котельной было выломано, свет не горел, котельная не работала. Дверь наружу была закрыта. Нас объял ужас: «Неужели убили?» Саша залез в окно и пошёл посмотреть, что там случилось, что с Веной? Но в котельной никого не было. Саша открыл нам дверь. Мы прошли везде, посмотрели, действительно никого не было внутри. Тут появились дети и сообщили, что дяденьку увезли в милицию. Мы поехали туда.

Действительно, там мы увидели Вену, сидящего на скамейке. Он был весь избит, лицо было всё синее, только зубы были белые... Он рассказал нам, что, когда Володя ушёл, он закрылся внутри и сел за рабочий стол. Вскоре опять послышались голоса возле дверей. Он узнал, что это ребята вернулись. Стал звонить в милицию. Но дозвониться не смог. Эти ребята оторвали прибитое железо на одном окне, которое было непосредственно в котельной. Из-за шума котлов Вена не услышал, что они сняли окно. Вдвоём они ворвались к нему, вырвали телефонную трубку и стали избивать... Когда они срывали окно, там на асфальте рядом с окном играли дети, и дети слышали, как они сказали: «Идём его убивать». Дети испугались и убежали домой. Женщина, которая наблюдала из квартиры, и на сей раз вызвала милицию. Они приехали быстро и захватили одного парня, второй убежал через окно. Милиция заставила этого парня сказать, кто

был с ним второй, и тот сказал адрес друга. Он жил тут же недалеко в доме авиагородка. Они взяли второго парня, он как раз был дома. Забрали Вену и уехали в милицию. Там они позвонили в судмедэкспертизу, но судмедэксперта не было, он уехал в район по работе. Стали составлять акт, что как получилось. Как раз мы и приехали. Тогда опергруппа выехала вместе с нами и Веной на место происшествия и стали составлять всё на месте. Вена рассказывал им всё, как было, а они записывали. На это ушло немало времени.

Мы видели, что Вене очень трудно, что он нуждается в оказании срочной медицинской помощи и стали просить милицию отправить его скорее в больницу. В это время приехали из управляющей конторы, узнать, что же произошло. Увидев Вену, сожалели, что так получилось, и обещали принять все меры, чтобы наказать виновных. Милиция предложила сначала сделать судмедэкспертизу. Для этого вернулись снова в милицию. Позвонили в судмедэкспертизу. Судмедэксперт был уже на месте. Нам дали бумаги, и мы поехали к нему. Это был русский врач в летах. Он обследовал Вену, всё описал и дал направление, чтобы скорая помощь отвезла его немедленно в Облбольницу в неврологическое отделение. Скорая помощь находилась в соседнем здании. И нас немедленно увезли в больницу.

В приёмном покое Облбольницы ему сделали рентген черепа. Все кости оказались целыми. Вызвали дежурного нейрохирурга, он осмотрел его и направил на стационар в нейрохирургическое отделение. На следующий день, когда мы пришли к нему в больницу, он был весь чёрный, только зубы белые, так сильно избили его. Но он всё терпеливо переносил и не жаловался, а улыбался. Через несколько дней пришли к нему в больницу эти ребята и просили у него прощения и предлагали помочь в лечении, но Вена сказал, что у него очень болит голова и он не может сейчас разговаривать, что он на них ничего не имеет. К нам домой приходила мать одного из них, предлагала помощь, но мы отказались. Мать просила закрыть дело, но мы сказали, что мы никакое дело не открывали и никому не жаловались. Это организация требует, так как они много электрон-

ной аппаратуры испортили. Суд так и не состоялся. Один раз Вену вызывали в суд, сказали, что ребята в бегах, и суда пока не будет. На этом и кончилось всё...

А состояние Вены сильно ухудшилось. У него появились головные боли, повысилось давление. Он полежал в Облбольнице немного, затем его лечащая врач предложила положить его в клинику Андижанского мединститута. Мы отвезли его в Андижан. Он взял с собой деньги, чтобы покупать себе что-нибудь из вкусной еды, пока нас не будет. Посещать его мы могли редко. Опять надо было ездить на пасеку. Но пасека стояла как раз по дороге через Андижан, и мы заезжали к нему. Ему делали уколы от давления, но он терял сознание от этих уколов. 22 мая 1992 года в день своего рождения он был ещё в больнице. Мы поехали к нему в больницу. С нами поехал Иосиф, его друг, Таня Станиславская и Ирина Кановченко. Мы купили торт, лимонад, цветы... Его выпустили во двор, и мы посидели с ним в беседке, поздравили его. Ему исполнилось 25 лет. Вена был очень доволен, что друзья и родители посетили его. В следующий раз мы поговорили с врачом, и он сказал: «Заберите его домой. Здесь ему лечение не идёт на пользу. После уколов он теряет сознание. Давление не падает. Левая почка у него деформированная. Его надо везти в Ташкент в урологию. Мы дадим документы, чтобы ему дали группу инвалидности. Ему не надо работать. Создайте ему хорошие условия дома, может он скорее поправится». Мы поговорили с Веной, и он вернулся с нами домой. Мы создали ему спокойный отдых, хорошее питание, и ему стало лучше. Ему дали вторую группу инвалидности, и он больше не работал.

В 1992 году зимой у него поднялась очень высокая температура, и мы положили его в терапевтическое отделение на Фрунзенском массиве. Его положили в отдельную палату, так как он был тяжело больным, да к тому же имел группу инвалидности. Я почти всё время находилась около него. Температура в течение дня поднималась несколько раз. Делали ему антибиотики. А литическую смесь я делала ему сама. Привозила лекарство и стерильные шприцы, и Вена соглашался, чтобы я

делала ему уколы. Сделали ему рентген. Снимок оказался плохим. В лёгких была жидкость. Пробовали откачивать, он терял сознание, а жидкость взять не могли. Тогда один профессор сам хотел взяться за это дело. Он очень внимательно проверил на рентгене, где жидкость, и сам взялся выкачать. Я была вместе с Веной. Его взяли в кабинет. Включили аппарат. И тут же Вена опять потерял сознание. Врачи поддержали его. Жидкость опять не пошла. Я увезла его на коляске в палату. У него опять была высокая температура выше 40 градусов. Мы попросили перевести его в Облбольницу к его лечащему врачу. Эта врач была еврейка. Она была уже не молодая, очень опытная и добрая. Вена очень доверял ей. Эта врач договорилась в лёгочном отделении выкачать ему жидкость. Делали в её присутствии. Врачи приготовили лекарства, чтобы приводить его в сознание, и стали откачивать. Он опять потерял сознание, но они старались и смогли немного выкачать жидкость. Удивительно, но температура сразу же спала. После этого он ещё немного полежал, прошёл курс лечения, и мы забрали его домой. Причину, откуда взялся экссудативный плеврит, так и не установили. Мы ездили к другим врачам на консультацию, предполагали, что это от почек. Потом потихонечку Вена поправился.

Весной 1993 года мы увезли своих пчёл в Кандову. Вена иногда ездил с нами на пасеку. Мы дали в этом году 20 ульев Вене, 20 Павлику и 10 Саше. Остальные улья были наши. Мы смотрели их с папой. Павлик ещё жил в Ташкенте, но приезжал пчеловодить. Пчёлы в этом году были сильные. В горах было хорошо, и пчёлы хорошо развивались. Однажды папа привёз нас с Веной на пасеку и оставил работать. А сам уехал. Мы должны были быть несколько дней на пасеке. Перебрать всех пчёл. Стали работать. Вена тоже смотрел своих пчёл. После обеда мы ещё стали проверять пчёл. Вена что-то плохо стал себя чувствовать, и я велела ему пойти полежать. Он жаловался, что болит горло и голова. Я посмотрела, а у него температура высокая. Попросила у хозяйки лекарства. Она дала мне сульфадимезин и пенталгин. Я дала Вене. Дала попить горячего молока. Уложила его в постель. Условия жизни здесь на пасеке

у этих хозяев были хорошие. Мы занимали отдельную комнату, даже две. В большой комнате стояло несколько кроватей, и на них мы спали. После лекарства Вене стало немного лучше, и он уснул. Я пошла опять работать с пчёлами. К вечеру я думала, что Вене станет совсем хорошо, но к вечеру у него опять поднялась температура. Он весь горел, как в огне. И стонал от головной боли. Я дала ему ещё лекарства, но толку не было. Виталик, наш зять, должен был ехать домой. Я написала на калитке: «Виталик, зайди к нам». Он как раз должен был ехать мимо нас. Но была уже ночь, а Виталика все не было... Вена метался в жару. Я прикладывала ему на лоб холодное полотенце... Сидела возле него и плакала. Я молилась, чтобы Господь облегчил его страдания. Но помощь не приходила. Я стала просить Господа, чтобы он поднял кого-нибудь с постели, чтобы эта душа помолилась со мной за облегчение его страданий. Я знала, что иногда Господь побуждает другие души, чтобы они совершали молитву за кого-то, кто очень нуждается. Я ухаживала за Веней, молилась и плакала, и ожидала помощи. Я уже изнемогла от переживаний, смотря на его мучения. К утру ему стало легче. Температура спала. Он уснул. Я тоже уснула с ним. Проснулись от слов Виталика, который звал нас, здесь ли мы? Вчера я ходила к соседям пчеловодам, которые стояли недалеко от нас, спрашивала, не едут ли они домой, чтобы уехать нам с Веней. Виталик, не видя нас на пасеке, заехал к ним, узнать, где мы. Соседка сказала, что Вена сильно заболел, и я искала, с кем бы уехать домой. Вот он и зашёл узнать, уехали ли мы. Я была так рада, что он не проехал мимо. Он ехал домой один и взял нас с Веней обоих домой. Вене уже стало лучше, только он был очень слаб. Я положила подушку, чтобы он мог прилечь, если захочет. Так мы приехали домой. Он отошёл понемногу. Температура больше не поднималась, и он поправился.

В этом году мы много накачали мёда. Осенью 1993 года прилетели Таня с Павликом и Ириночкой. У них уже было четверо детей. Они взяли с собой Ириночку. Встречать их я поехала в Ташкент. Надо было взять им билеты до Ферганы. Вот мы с Павликом покупали им билеты в авиакассе. Я привезла

мёд. И мы с Павликом ходили по организациям, продавали мёд в баллонах трёхлитровых. Люди хорошо брали. У Павлика в квартире мы убрались. Пошли встречать Таню с Павликом и Ириночкой. Встретили их хорошо. Помню, я несла Ириночку на руках. Она мне пела на ушко песенки. Мы договорились с родственниками — Витей и Миррой, они приехали на машине и отвезли нас к Павлику домой. Ночь должны были переночевать в Ташкенте, а утром улететь в Фергану. Таня с Павликом уезжали в Америку и приехали попрощаться с нами.

Места у Павлика было много. Его квартира состояла из трёх комнат: кухня, проходная комната, которая была у него столовой, и зал — комната, выходящая окнами на улицу. Она была большая и светлая. У него была хорошая обстановка, хорошая кровать. Дом находился на улице Леваневского 59. Там было 4 хозяина. Все очень любили Павлика. Он часто помогал старушкам, покупал им продукты, приносил воду. Ночь мы отдохнули у Павлика, а утром улетели домой в Фергану. Танечка и Павлик хотели встретиться с друзьями юности, посетить родные места — школу, место работы, рынок, железнодорожный вокзал и многое другое. С Веней на наших красных «Жигулях» они проехали по многим улицам, заехали в школу. Встретились с учителями. Все были рады, что Таня имеет такую счастливую возможность — поехать в Америку. Затем заехали в аптеку, где Танечка работала. Встретилась со своей заведующей — Риммой Сергеевной. Она тоже пожелала ей счастливой пути и радостной жизни в Америке. Приехали также и Надя с Толиком. Вовчик вернулся из армии. Так что собрались все. И Вера с Женей тоже приехали.

Как приятно было нам всем иметь общение! Пригласили друзей и сделали проводы. Многие говорили пожелания, чтобы не изменили свои устои, не перенимали плохого из американских церквей. В то время было мнение, что в Америке верующие изменяются в плохую сторону. Поэтому желали, чтобы носила Танечка всегда косынку, чтобы молитву совершали на коленях. Я привела в пример Надю. Когда она вышла замуж, она всё время надевала косынку. Когда были события с турка-

ми, Надю на базаре увидели узбечки из Саур-Булака. Они сказали: «Надя, сними косынку, а то тебя примут за турчанку, они все надевают косынки. И тебе будет плохо». Но Надя тогда не сняла косынку, хотя могла жестоко пострадать. Теперь в Америке мы видим, что некоторые не исполняют эту заповедь и на богослужение замужние женщины приходят с непокрытой головой. Время пребывания Тани с Павликом быстро кончилось, и все разъехались по домам. Вова с Сашей поехали провожать Таню с Надей в Георгиевск. Были они и в Курганинске. Как раз там было молодёжное общение, на котором Саша покался. Как мы радовались, что, возрастая, наши дети сознательно приходят к Господу. Когда они вернулись домой, Саша рассказал на нашем собрании рассказ о покаянии сына на могиле матери. Как я была рада. Когда-то в юности я тоже рассказывала этот рассказ в Ташкенте. Саша стал общаться с молодёжью, читал Библию, молился. Вовчик же был лидером и всеобщим любимцем. На своем «Запорожце» он возил столько людей, что не возьмёт большая машина. Часто после собрания ехали к Портанским или Богдановым на Литературную группу, и у кого не было транспорта, все вмещались в его «Запорожец».

Осенью пасеку перевезли с хлопкового поля в Киргизию на зимнюю стоянку. Места было много. Мы очень хорошо все расставили. Радовались, что всё хорошо. Пчёлы были сильные. Стали кормить на зиму, хотя был у них мёд. Хозяева были очень добрые. Мы часто приезжали кормить или проверять. Но что-то стали замечать, что пчелы стали редеть. И слабли, и слабли. И к весне погибли почти все. И корма было много, а пчёл не стало... Так на 1994 год мы остались без пчёл. Свезли все улья домой. Перебрали и продали рамки. Продали улья по доллару за штуку. Но мы уже не жалели. Танечка послала на нас родственное приглашение в Америку, и нам дали номер уже в феврале 1994 года. Мы много молились, чтобы узнать волю Божию. И вся семья единодушно желала ехать в Америку. Особенно мы желали поехать потому, что Вена наш был очень болен, и врач рассказывала, как хорошо лечат почки в Америке. Очень легко очищают кровь. Люди с больными почками даже работают.

Слушая всё это, мы хотели поехать побыстрее. Собеседование нам назначили на май и июнь. Лина, Павлик и Вена проходить собеседование должны были отдельно.

Мы хотели подлечить Вену, чтобы он продержался до Америки. Врач, которая его лечила, предложила сделать УЗИ. Мы решили сделать его в Киргилях. Когда врачи стали смотреть, то они не могли найти левую почку. Смотрела очень внимательно сама заведующая, и не нашла. У меня сердце защемило... Это не предвещало ничего хорошего. Хотя Вена относительно неплохо себя чувствовал. Он не сказал ни слова. Но, думаю, что и он переживал, что это плохо. Повторное обследование назначили на следующий день. А наутро выпал снег. Вовчик должен был ехать в Горчаково кого-то встречать. Он довёз нас до поликлиники в Киргиле, а назад мы должны были ехать на автобусе. На этот раз почку нашли, но сказали, что она маленькая и деформированная. И вторая тоже деформированная. С этим заключением мы поехали к врачу, и нам на понедельник предложили место в почечном отделении. А была пятница. Уже к понедельнику Вену было не узнать: он весь отёк... Признак, что отказали почки... Мы с папой были убиты... Сердце чуяло плохой и скорый конец... О, Боже! Как я боялась этого! Я думала, что с компенсированным хроническим нефритом он может прожить многие годы... В это же утро мы положили его в больницу. Ему стали делать внутривенные вливания. Мы почти не покидали больницу. То Валя с Виталиком приходили, то Лина, то мы с папой, то друзья... Валя с Виталиком пришли как раз, когда ему вливали соду. Он весь дрожал. Это не была дрожь от холода, это была внутренняя дрожь от вливания. Лечащий врач понял, что положение уже безнадёжное. Предложил подключить искусственную почку, очистить кровь. Но сам же сказал, что аппаратура ненадёжная, и лекарств нет. Виталик предложил повести его на лечение в Москву. Я созвонилась с Ирой Мещериной. Она договорилась с местом. Но перед отъездом решили лучше поехать в Новомосковск. Виталикина сестра Ольга договорилась положить его в свою больницу. Там были хорошие врачи. Мы взяли выписку у врача со всеми анализами и поле-

тели в Москву. Билет нам дали без очереди. Это было в марте 1994 года. Долетели мы хорошо. Доехали до Новомосковска тоже хорошо. Там на вокзале нас встретил Виталин папа. Вместе с ним мы поехали к Любе Мирошниченко. А жила она на пятом этаже. Лифта нет. Пришлось по ступенькам топать. Багажа у нас было немало. Надо было делать подарки, заранее мы их приготовили. И деньги у нас были. Валя Скаева дала тоже деньги Вене на еду, чтобы я покупала ему всё, что скажут врачи.

Люба нас встретила хорошо. Мы покушали, попили чай. Вена лёг отдохнуть, а меня Миша Мирошниченко отвёл к маме, так как туда должны были позвонить из дома, узнать, как мы доехали. Оказывается Лина уже звонила, мы опоздали. Мы заказали разговор. Нам дали связь только на час ночи. Пришлось мне остаться ночевать у тётки Клары, а Миша ушёл домой. Утром Ольга должна была зайти за мной и вместе мы должны были прийти к Любе и отвезти Вену в больницу. Когда мы пришли к Любе, увидели, что Вене совсем плохо, он задыхался, был весь белый, как стена. Ольга побежала звонить в скорую. Скорая приехала очень быстро. Как раз на скорой дежурил знакомый врач. Вену сразу же повезли в больницу. В машине медсестра дала Вене кислород, и ему стало легче. Он поблагодарил медсестру. В больнице ему сразу сделали все анализы. Привезли в палату аппарат УЗИ и сделали ему исследование. Потом его оставили в палате, а меня позвали в кабинет, где собралось много врачей. Они мне сказали, что мы привезли его очень поздно... Гемоглобин — 30. С таким гемоглобином люди не ходят. Они удивлялись, что он ходит сам. И сказали, что обе почки сморщенные, и жить ему осталось очень мало... Ещё сказали: «Мы возьмём его в больницу, пусть он поживёт у нас. Мы сделаем всё, чтобы облегчить его страдания. Но люди с таким заболеванием умирают в полном сознании, и смерть бывает очень мучительной. Мы дадим ему отдельную палату, и вы можете постоянно находиться с ним. Там будет две койки». Я поблагодарила их и вышла из кабинета. Села в сторонке, чтобы не увидел меня Вена и безутешно плакала... Как сказать ему, что дни его сочтены? Как я сообщу об этом домой? Как пере-

несёт это папа? Выплакавшись, я вытерла слёзы, привела себя в порядок и пошла к Вене. Пришла Ольга. Мы посадили Вену в коляску и повезли в другое отделение, где нас должны были лечить. Там нас уже ждала готовая палата с двумя койками. На одной спал Вена, на другой я. Утром после завтрака я уходила к Любе. Готовила для Вены обед, покупала в магазине соки и фрукты и шла к нему. Кормила его. Потом был тихий час. Мы с ним отдыхали. После тихого часа я кормила его чем-нибудь и снова шла к Любе. Опять готовила что-нибудь горячее и шла опять к нему. До семи часов я должна была вернуться. В 7 часов больницу закрывали, и никого больше не пускали. Мы ужинали с ним и ложились спать. Каждый день ему делали капельницы. Чувствовал он себя неплохо, выполнял все предписания врачей. Он считался тяжело больным, и дежурный врач ночью приходил всегда и осматривал его. Я ежедневно считала, сколько он пьёт, сколько выходит мочи, давала ему лекарства.

В воскресенье утром я пошла на собрание и попросила Церковь молиться за Вену, чтобы Господь дал ему облегчение. На следующее Воскресение мне пришлось попросить, чтобы кто-нибудь сдал кровь, так как Вене нужно было сделать переливание крови. Сдать кровь предложили двое — одна сестра Татьяна Балашова и брат Валера.

За месяц пока Вена лежал в больнице, ему сделали два переливания крови. Вливали готовые эритроциты. Всё отделение знало, что в нашей палате лежит умирающий молодой человек, и ходили мимо нашей палаты на цыпочках. Каждый день спрашивали у меня: «Как сыночек?» Я отвечала всем: «Спасибо, слава Богу, хорошо». На второе воскресение молодёжь не пошла на вечернее собрание, а пришла посетить Вену. После тихого часа стали заходить в палату братья и сестры в белых халатах по 2-3 человека, пока не зашли все. Вена был очень рад этому посещению. Молодые братья и сестры пели гимны, рассказывали стихотворения, беседовали с Веной. Принесли ему цветы. Общение прошло очень хорошо. На неделе его посетил пресвитер. Я как раз сидела в это время в палате с Веной. В беседе брат служитель задал Вене вопрос: «Ну, брат дорогой, а

вот если Господь положит в Своём плане взять тебя к Себе, ты как, готов встретиться с Ним?» И я увидела, как он улыбнулся и, весь сияя, сказал: «Да, готов!» При всей моей печали и скорби я была утешена тем, что он готов был встретиться с Господом, и смерть не страшила его.

Конечно, мы хотели бы, чтобы Бог сделал чудо и исцелил его. Многие в нашей Ферганской церкви молились об его исцелении. Господу это нетрудно, но у Него Свои планы для каждого человека. Я позвонила Наде и Ане, чтобы они приехали повидаться с Веной. Надя жила в Георгиевске, Анечка — в Апшеронске. Они пожелали приехать. Анечку я встретила в Туле. Она приехала с Юлечкой. А Надю я встречала, но не вовремя. Она приехала сама. Нагрузилась сумками, со Светланочкой, да и ходила уже в положении. Ей очень трудно досталась эта дорога. И Анечка, и Надюша, и я — все мы находились у Любы. Столько добра она проявила к нам! Приняла очень хорошо. Я больше была возле Вены, а Наденька с Анечкой приходили и вместе и по отдельности с детьми. Светланочка была такая красивая, что люди заглядывались на неё. Я говорила, шутя, Наде: «Бери деньги с тех, кто на неё смотрит». Анечка иногда давала мне отдохнуть, и сама сидела возле Вены. А мы с Надей готовили что-нибудь и шли на посещение. Часто Вену посещала одна сестра новомосковская и брат. Приятно было видеть такую любовь от братьев и сестёр совсем не твоей церкви. Хотя нас никто не знал, но, услышав, что брат лежит в больнице, узнавали, где лежит и приходили посещать. Да воздаст им Господь за их добрые дела! Как это дорого — выражение любви к ближнему!

Вскоре Анечка и Надя уехали. А мы продолжали лежать. Время жизни в Новомосковске истекало, и мы стали торопиться домой. Врачи стали готовить Вену к отъезду. Я просила врача, чтобы мы успели доехать до дома, пока он живой, чтобы похоронить его дома, среди друзей. И вот в понедельник нас должны были выписать, а во вторник мы должны уже улететь на самолёте. Все братья и сестры приняли активное участие, чтобы помочь нам. Владимир Васильевич достал нам билеты. В последнее воскресенье я попросила церковь молиться о нас,

чтобы мы доехали домой благополучно, чтобы Вена перенёс дорогу хорошо. Я очень просила, чтобы продолжали молиться и в понедельник, и во вторник, и в среду. Прилететь в Фергану мы должны были в среду. Брат Виктор Пикалов предложил забрать нас на своей машине из больницы. Он привёз нас к отцу Тани Пикаловой. Он жил близко от станции Новомосковск, откуда мы должны были ехать на поезде до Павелецкого вокзала в Москве, затем уж ехать в аэропорт, а оттуда домой.

Танин папа нас очень хорошо встретил. Приготовил нам постель в зале, накормил. Утром обещал помочь нам дойти до вокзала. Утром встали ещё темно. Погрузили вещи на тележку и пошли пешком, так как это было близко. К отправке поезда к нам подошёл ещё один молодой брат, который пожелал поехать с нами до аэропорта. Так Господь посылал нам помощь. Я уже была немного спокойнее, что я не одна и мне помогут, если Вене будет плохо. Вена шёл сам. Благополучно сели в самолёт. Долетели живые. Правда, самолёт заправлялся в дороге, нас выпроводили из самолёта, и мы с Веной выходили тоже. В Фергану прилетели нормально. Нас уже встречали друзья, родные, молодёжь. Вена отсидел ноги, к тому же они были отёкшие сильно, и он шёл, как на ватных ногах. Все видели, как мы шли с самолёта, с каким трудом шёл Вена и плакали.

Но вот мы встретились... Вовчик приехал на машине. Кроме нас ещё взяли других. Остальные тоже поехали к нам. Все вместе посидели, попили чай. Кто ушёл, кто остался, кто только приходил, чтобы побыть около Вены. И так ежедневно... Посещали его те, кого мы даже не знали, из других церквей. Каждый день было стечение народа. Иногда он спал, когда приходили посетить его. Но они были рады, что он приехал живым и желали ему выздоровления. У Вовчика был день рождения 20 апреля. Он не стал справлять его в простой день, а решил справить в Воскресенье между собраниями. Он пригласил соседа снять его день рождения на видео, чтобы и Вену запечатлеть на память.

За 10 дней, что мы прожили в Фергане, как приехали из Новомосковска, у Вены прошло много отёков. Я мечтала, что

он поправится. Друзья старались помочь разными советами. Но в последние дни стали проявляться признаки отравления, и самочувствие Вены резко ухудшилось. Появились боли во рту, стал болеть язык. Я промывала ему рот новокаином, чайной содой. Он пил все свои лекарства. Я за ночь приходила к нему в комнату по несколько раз. Иногда это будило его. Тогда мы решили его перевести в зал, чтобы он спал недалеко от нас, и чтобы мы могли смотреть за ним. Он согласился. Вот и эту ночь — последнюю — он спал с нами. Жаловался на боли в языке, стонал... Утром в Воскресенье папа уехал на работу, а мы стали убираться, так как после утреннего собрания Вова пригласил молодёжь к себе на день рождения. Вену перевели снова в свою комнату. Валя Скаева и Анфиса с Надей помогали мне всё делать, так как они не смогли уехать на собрание и решили прийти к нам. Это было как раз вовремя. Наша Валя стала готовить плов. Для Вены посоветовали сварить суп из голубя. Иосиф, Венин друг, с отцом купили двух голубей. После собрания они приготовили суп.

Молодёжь уже собралась в зале. Так как папы не было, предложили мне помолиться. После этого подали на стол еду, и все стали вкушать пищу в простоте и веселии сердца. Я принесла голубиную шурпу, и Иосиф стал кормить Вену. Он покушал немного и отказался. Потом его стало рвать. Я убрала у него полотенце и понесла его в баню сполоснуть. Вдруг Валя кричит: «Мама! Мама!» Я прибежала к Вене... Иосиф был рядом, а Вена мертва... Я скорее стала вытаскивать его язык, чтобы освободить дыхание. Сняли его с кровати и перенесли на веранду. Иосиф и Миша Ермолов стали делать ему искусственное дыхание и массаж сердца. Позвонили в «Скорую помощь». Юра Портанский съездил в детскую больницу и привёз врача из реанимации... Но Господь уже взял его к Себе... Ничего не помогло. И одни, и другие врачи засвидетельствовали, что помочь уже не могут. Он умер. Вынесли Вену на койку во двор, накрыли тюлью, обложили цветами, которые были принесены Вове на день рождения. Вся молодёжь обступила его. Спели несколько гимнов, Миша Ермолов рассказал стихотворение. Все плакали.

Стали подъезжать другие братья и сестры после собрания. Надо было как-то сообщить папе. Как он перенесёт это известие? Кто-то вызвался заменить его на работе, и Виталик поехал за ним. Когда приехали и сказали папе, что Вена умер, папа сказал: «А я только что молился за него, чтобы Бог усмотрел волю Свою и избавил его от мучений. Он видел, как Вена мучился и страдал». Когда папа приехал, все затихли... Что будет? Папа подошёл к Вене, посмотрел на него и сказал: «Давайте помолимся». Хотя здоровье папы было очень плохое, Бог помог ему перенести эту скорбь.

Вечером после собрания многие братья и сестры пришли к нам разделить с нами нашу скорбь. Похороны назначили на понедельник. Было много народу. Мы ничего не могли делать, были не в состоянии. Николай Владимирович с братьями и сестрами всё сделали сами, обо всём позаботились сами. Да, если человек находится в таком переживании и имеет друзей, которые не только разделят с тобою печаль, но и возьмут на свои плечи заботы — это большое счастье. И в этот раз мы были очень благодарны нашим друзьям за помощь. После похорон опустел дом, хотя нас было много. Делать ничего не хотелось... Стали собираться на собеседование в Москву...

Похороны Вены

24 апреля Вена умер. 22 мая — день его рождения. Ему исполнилось бы 27 лет. Понимали мы, что он у Господа, что там быть лучше, чем на этой скорбной земле, а всё равно разлука очень тяжела... Когда поехали на собеседование, то в Москве при виде Павелецкого вокзала у меня сжималось сердце и душили слёзы — мне хотелось пойти посмотреть на тот уголок, где мы сидели с Веней в ожидании поезда, где нас посетила Ирина Мещерина, поговорила с Веней, ободрила его и принесла ему гостинец. А в аэропорту я ходила и видела лавочки, где мы с ним сидели, когда прилетели и улетали... И до сих пор я с трепетом и слезами смотрю видеозапись его последних дней, когда он ходил, ездил, говорил, и как похоронили его...

Сейчас, когда я думаю о своей смерти, я хочу сказать, чтобы никто не плакал! Межи мои прошли по прекрасным местам... Действительно, прожита прекрасная жизнь, полная милостей Господних и заботы Его о нас — с Ним легко! И теперь, когда дети уже выросли — они не нуждаются в нашей помощи. Конечно, молитва отца и матери охраняет детей и внуков ежедневно от всяких зол. Это прекратится. Придётся нашим детям взять эту эстафету на себя и с Божьей помощью вести своих детей в Небесное Царство. Не нужно пышных похорон, не надо громких слов... Тихо и скромно перейти в вечное блаженство — это наша с папой мечта...

Верочка

Наша Верочка дружила в собрании с Мариной Польской. Вместе они посещали молодёжные общения, посещали собрания. Часто она была у них дома, так как они жили близко от собрания. Между утренними и вечерними собраниями в Воскресенье в их доме всегда былолюдно и весело. Маринына мама, Надежда, была очень весёлой и общительной, искренней христианкой. Она часто приглашала к себе домой и на собрания молодых ребят-солдат, служивших в Фергане. Там в

один прекрасный день Вера познакомилась с Женей. Это был высокий стройный симпатичный юноша, очень общительный и весёлый. Сложилось впечатление, будто он всегда был в этом обществе. Вскоре приехала его мама, и он уехал к себе домой в Набережные Челны дослуживать. Оставалось служить ещё полгода. Вера с Мариной пошли их провожать. Жениной маме понравилась Верочка, и Жене тоже. Её образ он увёз с собой в своём сердце. С тех пор стали приходиться письма. Первое увлечение переросло в чувство настоящей любви. Часто в письме слово «ЛЮБЛЮ» занимало полстраницы. И когда перед Новым годом закончилась его служба, он прилетел к ней в Фергану. Для нас это было неожиданностью, когда появился в нашем доме незнакомый молодой человек. Вера говорила нам, что Женя приедет к ней в гости, когда кончится служба, но мы не думали, что это случится так скоро. Папа поговорил с Женей о его намерениях. Его желанием было сделать свадьбу и увезти Верочку в Набережные Челны. Вера выразила своё согласие, и мы назначили день Бракосочетания и свадьбы. Пригласили на свадьбу друзей и родных.

Через две недели после свадьбы они уехали. Жили в Набережных Челнах вместе Жениными с родителями. Когда Таня подавала на нас родственный вызов в Америку, она включила Женю в наше дело. Поэтому, когда мы поехали на собеседование в Москву, у нас не было никаких проблем, и мы все получили статус беженца. В сентябре 1994 года Бог подарил Жене с Верочкой прекрасное дитя — девочку. Назвали её Эвелиночкой. Такое прекрасное редкое имя! Удивительно, Вера так легко родила первого ребёнка! Акушеркой была молодая узбечка. Она с таким вниманием и умением отнеслась к Вере, помогла в родах, так что Верочке первые роды не показались такими трудными. Имя она выбрала сама. Таких имён не было в нашей семье. Действительно, прекрасное имя — Эвелиночка. Интересно, каждая мама выдумывает какое-то интересное имя: Марк, Маргарита, Ирина, Оксана, Роман, Ольга, Алексей... И каждый ребёнок достоин своего имени. Второй ребёночек у них родился уже в Америке. Это мальчик — Дэниэл. И третий тоже мальчик

— Джейсан. Хоть трудно с маленькими детьми, но зато какие они хорошенькие и интересные! Теперь уже все дети выросли и радуют родителей своей доброй жизнью. Многие уже живут самостоятельно. И да благословит их всех Господь!

Америка

В Москву на собеседование ехали на поезде. Еды было много, в дороге отдыхали. Были в хорошем расположении духа. В Москве расположились у Раисы Владимировны. Хорошо у неё было. Она отнеслась к нам как к родным. Собеседование прошло спокойно. Нам сразу дали статус беженца. Лина проходила собеседование отдельно. Ей тоже дали статус беженца. А Павлика очень притеснял человек в посольстве, который проводил собеседование, и говорил: «Вот не дадим тебе статус беженца, что будешь делать?» «Как Господь усмотрит», — ответил ему Павлик. И все-таки статус беженца ему дали. Но он остался, не поехал вместе с нами, и теперь статус пропал, а жить стало очень трудно. Как Господь усмотрит дальше? Но

Свадьба Жени и Верочки

знаем, что любящим Господа, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу.

После собеседования домой поехали мы с папой и Вера с Женей. Остальные поехали к родным и друзьям попрощаться перед отъездом в Америку. Стали потихоньку собираться. Не торопились. Да и должно было пройти определённое время, пока придёт телеграмма, что можно ехать. Мы продолжали молиться... Поставили ещё одно условие, чтобы утвердиться в Воле Божией в нашем переезде. Мы не привыкли ездить куда-то даже в отпуск, а тут надо было ехать в неизвестную страну, где говорят совсем на другом языке. Совсем другие законы, другой склад жизни. Полная неизвестность. Как мы приспособимся там? Как устроятся наши дети? Друзья, уехавшие раньше, устроились вроде хорошо. А как будет с нами? Но и здесь жить стало уже очень сложно. Имея большую семью, нам приходилось постоянно изыскивать какой-то дополнительный источник дохода, кроме основной работы. Что мы только не попробовали в своей жизни? Держали пчёл, кур, свиней... Но теперь пчёл держать стало трудно, появились таможи, в Киргизию стало ездить нелегко. Свиней держать практически нельзя, так как мусульмане стали восставать против нечистых животных, даже порой не разрешали продавать свиное мясо на рынке. Кур держать тоже было тяжело. Не было дешёвого корма, и куры могли часто болеть и гибнуть. И вот мы никогда даже не могли подумать или помечтать, чтобы переехать в другое место, а тем более в Америку. Но Господь открывал путь и устранял все беспокойства.

Мы с лёгкой душой могли покинуть уже ставшие родными места. Я жила в Фергане с 1939 года, с четырёх лет. А теперь мне было уже почти 60. Саша тоже жил в Фергане безвыездно с 1952 года, то есть более сорока лет. И мы очень редко куда-нибудь могли поехать, это было непривычной для нас роскошью. Мы радовались, когда могли отдохнуть в горах на пасеке. Это было и нужно, и полезно для семьи, и отдых для тела и души. Так и прошла вся жизнь в труде. Я после того, как пошла на пенсию, снова работала почти до собеседования. Но меня везде

любили, уважали и радовались, что наше большое семейство может иметь такие благословения. Теперь после собеседования работали только два Саши — отец и сын. Отец работал, чтобы хоть кто-то зарабатывал деньги, сын работал — это была альтернативная служба в армии. Остальные никто не работал. Чтобы на что-то жить, я, Женя и Вера ездили на базар и продавали вещи. Продавали на нашем рынке, в Киргилых и в Маргилане. Женя был всё время за рулём, таскал все узлы с вещами. Люди с удовольствием покупали наши вещи. Они были красивые и не дорогие. И даже это было сложно: люди уже тогда не имели денег, и мало покупали. Все деньги уходили на питание. Мы продавали газовые печки, кирпичи, трубы железные, фляги, улья пчелиные. И собирали потихоньку доллары, чтобы хоть немного иметь средств на первое время по приезду в новую страну. Да, когда-то папа с сыновьями и с зятьями делал сам улья из нового материала, и служили они нам много лет — более 20 лет, а некоторые и более сорока лет. А теперь продавали эти улья по доллару за штуку. Хорошо, один человек взял все сразу. Они ему нужны были для отводков, так как он разводил пчёл и отвозил их на самолёте в Сибирь для продажи. Продали и сушь. И воск. Сняли с чердака вещи, которые лежали там лет десять. Раньше были благие времена, и вещи, недолго поношенные, убирала из комнат на чердак, чтобы не мешались. А теперь всё уходило на базаре. Кое-что стирали, гладили. И люди покупали. Так, на вырученные деньги кормились, кое-что покупали хорошее, чтобы взять с собой. Стали собирать сумки в дорогу, что положено по норме — две сумки на человека по 32 килограмма и 1 сумочка 10 кг — ручная кладь. И мы нагрузили все эти сумки. Никто пустой не ехал. Вроде бы напрасно везли, мучились, ведь здесь всё можно было купить на «гаражках» за бесценок, но всё же на первое время у нас было всё необходимое.

Мы собирались спокойно. Был человек, который хотел купить у нас дом. Договорились ещё в декабре. Но вот уже март... А он всё ещё тянул с покупкой... Всё у него не было денег. Вот будут, вот будут... Мы всё ждали... Тут Бог послал нам другого серьёзного человека, который приехал домой и просил

продать дом ему. Дом ему очень понравился, и цена для него была подходящая. Это было в Воскресенье. В среду мы должны были улететь. В понедельник мы сказали первому покупателю, что мы не продаём дом. Он пришёл и упрашивал продать ему дом. Мы сказали, приноси сегодня деньги. Вечером мы должны были сказать ответ второму покупателю. Первый опять перенёс на завтра. Мы сказали второму, что неудобно отказать первому, он хочет взять. Но вот и среда, а денег нет. Тогда мы позвонили второму покупателю, что с первым ничего не получается. Он обрадовался, но сказал, что деньги он вчера уже вложил в товар. Но он попросил подождать до обеда, он соберёт деньги и привезёт. Приходит и второй. Без денег. Мы сказали: «Ваше время истекло. Мы продаём другому человеку, который привезёт деньги». Он сидел у телефона и звонил в разные места, чтобы ему привезли деньги. Так было до пяти часов вечера. В пять часов приехал второй покупатель и привёз деньги. Пришлось первому уйти. Не знаем, что хотел этот человек. Возможно, он хотел обмануть нас. Дотянул до конца. Думал, может, что мы уедем, и он нахально займёт дом. Но Господь вступился за нас и послал в самый последний момент нам доброго человека. И это был ответ на наше второе условие. Правда, мы ещё ставили одно условие, чтобы позвонила нам Тонечка Брыкова и сказала, что она ждёт нас. Хоть и трудно поверить, но Господь подтвердил и здесь. Тонечка тут же позвонила и спросила, как у нас с переездом, когда мы приедем, и сообщила, что она будет встречать нас. И вот теперь, когда мы получили все ответы и получили деньги, гора упала с плеч, и мы вздохнули свободно.

Уезжали мы в среду ночью в марте 1995 года. До Москвы ехали в поезде, в купе. Билеты купили заранее с большим трудом, так как нас было 10 человек. Все уезжающие всегда делали прощальный вечер. Нам было не до вечера. Много было ещё сборов, да и не было денег. Всё же решили приготовить плов и вафельные торты с кремом. Люди приходили прощаться целый день. А после собрания пришло очень много братьев и сестёр. Все были голодные. Так что дружно посидели, поели плов, попили чай с тортами. Все пожелали нам благословений

Тонечка Брыкова

Господних на новом месте. Конечно, мы не знали, что ожидает нас, где будем жить, как устроимся? Но теперь мы были спокойны и уверены, что Господь благословит нас. Провожала нас вся молодёжь. Поезд был уже под утро. Все были с нами на вокзале. Много пели. Молодёжи трудно было расставаться... Олечка, Лина подружка, напекла нам на дорогу рулетов и булочек, так, что чай в поезде мы пили с удовольствием.

В Москве нас встретил Виталик на машине и погрузил все вещи. Встречал также Коля Станиславский — Вовин друг, и Женина мама с Андреем, Вера Спиридонова, моя сестра с Людочкой. И мы опять всей семьёй приехали к Раисе Владимировне. 21 марта мы вылетали из Москвы в Сакраменто. Нас провожали Виталик — он опять привёз наши вещи, Женины

родные и их родственники — дядя Саша с женой. Они принесли нам кофе и бутерброды. Это хорошо подкрепило нас. Затем мы пошли на посадку. Всё было так интересно, но было как во сне... Самолет был очень большой, лететь было удобно, и мы не заметили, как прилетели в Нью-Йорк. С нами ехала врач из Москвы, которая сопровождала папу, так как у него здоровье было слабое и больное сердце. Эта врач ехала с нами до самого Сакраменто. Всё время наблюдала за папиным состоянием.

В Нью-Йорке нас встретили специальные люди с большим вниманием. Сначала мы оформили все документы. Отдали свои пакеты, которые дали нам в Москве. Очередь из тех, кто прилетел в Америку на постоянное жительство, была большая. Затем нам отдали паспорта и все документы, и мы пошли за багажом. Многие наши сумки порвались. Пришлось собирать вещи и связывать сумки. В Нью-Йорке багаж сдали и получили его уже в Сакраменто. Получили всё, ничего не пропало. После того, как мы сдали багаж, нам рассказали, как мы будем лететь дальше, на каких самолётах. Те люди, которые встретили нас, всё время сопровождали нас, следили, чтобы мы вовремя улетели. В Нью-Йорке нас перевезли из одного аэропорта в другой. Был сильный ливень. Аэропорты в США очень богатые, красивые. Но купить что-то покушать надо было уже на доллары. Вовчик купил нам перекусить бутерброды с водой. Всё было вкусно, но, казалось, мало. Затем мы летели ещё на двух самолётах. Везде нас кормили.

Прилетели в Сакраменто уже затемно. Часов в 10 вечера. Мы были все усталые, изнурённые долгим перелётом. К нашему удивлению и изумлению нас встречало очень много верующих, наших ферганских друзей, и спонсор наш — Володя Перевертайло. Тонечка Брыкова организовала всех ферганцев, живущих в Сакраменто, и они устроили нам вечер встречи. Сначала все встречали нас в аэропорту. Затем поехали в дом нашего спонсора Володи. У них был очень большой зал. И вот там сделали для нас вечер встречи... Было много наших ферганцев: Леонид Абрамович Файер с женой Лизой, Николай Шевченко с Таней, Коля Мартынов с Танечкой, Литвиновы, Жирковы...

Было много молодёжи... Сколько было радости! Когда мы зашли в зал аэропорта, папа совершил молитву, поблагодарил Бога за то, что мы благополучно долетели, что нас так тепло встретили друзья, и чтобы Господь благословил наше пребывание на этой земле. Когда приехали к Володе Перевертайло и сели за столы, папа снова совершил молитву, и мы стали принимать пищу... В простоте и веселии сердца... Что было на столах — нам и не снилось во сне: яблоки красивые, крупные, бананы, апельсины, клубника. Печёное разного вида, котлеты, куры, грибы, рыба... Зазвонил телефон... Наша Таня звонила, чтобы поприветствовать нас на новой земле. Папе дали трубку, и он разговаривал, и весь зал слышал, что они говорили...

Это всё было ново и интересно для нас. Много расспрашивали нас о жизни на бывшей родине, как люди живут, как церковь? Пели, было много пожеланий. С нами на вечере была и врач, которая сопровождала нас. Она попросилась переночевать у кого-нибудь, а на другой день улетала обратно. Она сказала, что первый раз бывает на такой встрече. Ей очень понравились верующие люди. Тонечка взяла её к себе переночевать, а утром проводила в аэропорт. Мы тоже после гостей легли отдыхать, так как очень устали. Наших детей взяла к себе Тонечка, а Веру с Женей — Коля с Таней Мартыновы.

На следующий же день и в последующие дни наш спонсор — Володя Перевертайло — стал возить нас во все организации, где надо было оформить разные документы. Сначала поехали, чтобы оформить велфер (welfare), потом номер социального страхования (Social Security number). В World Relief нам выдали чек на семью по 200 долларов на человека. Так что мы получили сразу приличную помощь. Стали ездить с Володей и искать себе место для жилья. Посмотрели несколько домов. Нам они все нравились. Потом позвонили Литвиновы и сказали, что недалеко от них в хорошем районе у их хозяина есть второй дом. Можно его посмотреть. Мы приехали туда с Володей. Посмотрели. Как раз для нашей семьи: входной коридорчик, направо зал, налево три спальные комнаты, прямо — ещё одна комната. Дальше — хорошая кухня и большая столовая. Отдельная ком-

ната для стирки и сушки белья. Гараж на две машины. Платить в месяц 750 долларов. Это было посильно для нашей семьи, так как я, папа и Марина — мы получили пособие. А дети — Лина, Вова, Саша и Наташа получали пособие отдельно. Им дали пособие на 7 месяцев, пока они должны были учить английский язык и ходить в школу. Марина тоже пошла в школу в 9-й класс. Мы с папой не учились. Подали на получение пенсии. Вскоре получили Social Security — карточки и медицинскую страховку. Друзья всему учили нас, где как поступать.

Стали ходить к доктору. Он сразу направил папу на прием к кардиологу. Кардиолог направил папу на один тест, который папа очень тяжело перенёс. Он покрылся холодным потом и потерял сознание. Много врачей немедленно стали оказывать ему помощь. Это было в Методист-госпитале. Оттуда сразу на машине скорой помощи папу увезли в Мерси-госпиталь. В этот же день — 20 апреля 1995 года — папе сделали продувание сосудов сердца. Начали в 7.30 вечера и кончили в 9 часов. Продувка ничего не дала, и 21 апреля 1995 года папе сделали операцию аортокоронарного шунтирования — поставили 5 шунтов. Операцию начали в 7 часов утра. Когда повезли его, медсестра подозвала меня и предложила поцеловать мужа. В основном, операции проходят благополучно, но на всякий случай они предлагают попрощаться. Папу увезли... Я осталась одна... Очень волновалась, как пройдет операция? Села в зале ожидания. К моей радости пришли вместе со мной посидеть и помолиться Леня Литвинов с Верой и Тонечка Брыкова. Они поинтересовались состоянием Саши, вместе со мной помолились, и мы стали ждать, когда окончится операция. Операция шла долго — 5 часов. Временами выходил врач и сообщал, что операция проходит благополучно.

В этот день должен был приехать Даррел первый раз к нам в гости. Дети пригласили Ольгу Брыкову быть переводчицей. Они собрались дома. Когда Даррел узнал, что папе сделали операцию, то он предложил всем вместе поехать посетить папу. Когда они приехали, папу уже привезли в палату после операции. Я была около него. Он был весь в системах, трубоч-

ках и спал после наркоза... Врач разрешил всей молодёжи зайти в палату. Они побыли немного и собирались уходить. Я решила остаться около папы. Но медсестра сказала, что 5 часов папа будет спать, и мне здесь нечего делать. Я могу поехать вместе с детьми. Дарелл обещал привезти меня спустя 5 часов. Мы уехали. Сначала Дарелл заехал с нами в одно кафе и угостил мороженым, кому взял воду, кому кофе, кто что хотел. Потом поехали к нам домой. Дети заранее уже приготовили обед. Сели все за стол. Дружная собралась семейка... Во время обеда Дарелл стал со всеми знакомиться. Когда дошла очередь до Лины, он спросил, сколько ей лет? Она сказала: «32». Он обратил на неё внимание и снова переспросил: «32?» Получив положительный ответ, стал знакомиться с другими. Так мы хорошо посидели вместе, затем Дарелл предложил поехать к Белому дому. Там мы походили немного, посмотрели вокруг и поехали в больницу.

У Белого Дома в Сакраменто

Папа ещё спал. Все побыли немного и уехали домой, а я осталась с ним. Пришла медсестра и сказала, что пора уже ему проснуться. Я стала будить его. Но все старания мои были

тщетны. Он продолжал спать... Прошло уже 7 часов, а он ещё спал. Я звала его: «Сашуня, Сашуня! Открой глаза!» Я гладила его руку и хотела разбудить. Просила пошевелить пальцами... К моей радости он шевельнул рукой! Слава Богу! Он слышит! Значит, скоро проснётся! Я так боялась, что не проснётся от передозировки наркоза... Потихоньку он приоткрыл глаза... Разговаривать ему было нельзя. Рот его был заклеен, торчали две трубки, одна из желудка, другая — из легких. Кругом были провода. Стояли системы... Переливалась его кровь из целлофанового пакета. Было подключено искусственное сердце и искусственное дыхание. Медсестра часто приходила, наблюдала за ним. Всё было в порядке.

На другой день пришёл врач мужчина и стал убирать трубки изо рта. Через трубку, которая была в желудке, он грушей отсосал жидкость из желудка, потом ее вытащил. Теперь предстояла очень тяжёлая процедура. Саша должен был заполнить лёгкие воздухом и тогда врач уберет трубку изо рта и отключит искусственное дыхание. Это было что-то ужасное... Саше наложили маску на рот и заставили вдыхать воздух. Он вдыхал, вдыхал... Уже глаза выпучивал, а мало воздуха набрал в легкие... Врач тогда убрал маску и оставил ещё рот заклеенным с трубкой. Сказал, что придёт попозже. Где-то через часок он пришёл снова. Я молилась: «Господи, помоги ему набрать воздуха сколько надо»... На этот раз врач объяснил ему, как лучше дышать. Что надо раскрыть лёгкие, чтобы они заполнились воздухом. Саша стал снова дышать через маску. Он уже так напрягся, глаза уже выкатились, вот-вот лопнут... А врач говорит: «Ещё, ещё!» Я умоляла: «Сашуня, ну ещё! Сашуня! Постарайся!» И вот врач выдернул трубку, и отклеил рот. Саша стал дышать сам! О! Слава Богу! Наконец-то мучения кончились. Хорошо, что человек не знает заранее, что предстоит ему перенести. И не беспокоится заранее. И выполняет указания врача. Если бы мне предложили сейчас операцию не сердце, даже если она необходима, ни за что не согласилась бы. Переносить такие мучения... Уж сколько прожить дано, столько бы и прожила.

На третий день медсестра пишет на доске — подъём в 3 часа утра, умыться, побриться и перейти в палату. Папа не поверил: «Они что в уме? После такой операции на третий день вставать?» Но это действительно так. Пришла медсестра и говорит: «Алекс, вставай!» Он говорит: «Я не могу. У меня кругом провода». «Ничего, это не мешает. Я помогу тебе». И могучая медсестра подошла к нему и подняла его. Сперва посадила, потом заставила встать на ноги. Посадили его в кресло. Переставили все аппараты на тележку и повезли в другую палату... Так 24 апреля папа был переведён в отдельную палату в Мерси-госпитале. Там каждый день заставляли его ходить по залу. Сначала с медсестрой, потом со мной. 25 апреля нам принесли живой цветок в горшке. Очень большой, пушистый. Это Дарелл заказал для папы и привезли его ему в больницу. Я всё время была с папой в больнице. Хорошо, что я немного знала английский язык. Кое-что понимала, что говорили врачи. Тонечка дала мне русско-английский словарь. Если я что не понимала, мне переводили по этому словарю. Нам было всё интересно. Новая страна. Больницы очень оснащённые, удобные палаты. Для каждого больного отдельная палата. В палате туалет, душ. Еду приносят вовремя. Приносят меню и просят заказать, что ты хочешь.

В понедельник нас выписали. Пригласили Фёдора Петровича Карпеца, он перевел нам советы доктора, как надо себя вести после операции, какие лекарства и как принимать. Перед операцией переводчиком тоже был Фёдор Петрович Карпец. Тогда он сказал, что сердце папы нуждается в операции. Рассказал, как проходит операция и что она даёт. Так мы с самого начала нашего приезда в Америку познакомились с Фёдором Петровичем Карпицем.

Теперь мы с папой всё время были дома. Ежедневно мы ходили на прогулки. Погода установилась, дожди перестали. Стало тепло. Дети ходили в школу. Иногда дети уезжали куда-нибудь с Дареллом в путешествия, и мы с папой оставались одни. Читали Библию, молились, отдыхали. Часто приезжали Вера с Женей и Эвелиночкой. Жизнь стала совершенно другой.

Я, наконец-то, стала иметь возможность отдохнуть. Везде были удобства. Стирка не занимала времени. Наши хозяева поставили нам новую стиральную машину, новую сушилку, новый холодильник. Кругом чисто, просторно... Папе стало намного лучше после операции. Постепенно стали снова ездить на собрания. Возил нас часто Костя Жирков. Мы посещали церковь, где был пресвитером Костя Жирков. В нашем доме часто собиралась молодёжь, были братские советы, общения.

Помню, у нас собралась молодёжь. Был праздник — Хэллоуин. Стали стучать дети. Пришлось мне сесть у гаража и провожать проходящих, чтобы они не мешали. Добро, что был дождик и хождения быстро прекратились.

Как-то в Сакраменто было общение молодёжи, и наша молодёжь встретила с молодёжью из Салт-Лейк Сити. С тех пор Игорь Маюров стал чаще приезжать в Сакраменто и встречаться с нашей Наташей. У них появилась взаимная любовь. Они ждали встречи друг с другом. Так продолжалось недолго. Затем приехали сестры его вместе с ним и отцом, и мы сделали помолвку. Свадьбу назначили в январе. На Рождество Наташа ездила в Салт-Лейк Сити. Они с Игорем сняли апартаменты, и стали обустроить себе жилище. Хорошие близкие отноше-

Помолвка Наташи

ния стали и у Лины с Дареллом. В октябре Дарелл сделал Лине предложение. Назначили помолвку. Приехали его родители, сестры. Мы пригласили Костю Жиркова, Файер Виктора с женой. Помолвка прошла очень интересно. Свадьбу назначили на май.

Павлик

Большим событием для нашей семьи стало решение Павлика жениться. Как-то Валя позвонила нам из Ферганы и сообщила: «Павлик женится!»

Мы тут же перезвонили Павлику. Он сказал, что ездил во Фрунзе и сделал предложение Любе Шумковой — девушке-сестре из большой христианской семьи. В их семье 16 детей. Она — вторая. Павлику она давно нравилась, но он всё не решался сделать предложение. Мы знали об этой семье и о его желании — его решение мы одобрили и дали своё согласие. В подарок дали ему 500 долларов на свадьбу. Павлик был очень доволен.

Свадьбу справляли во Фрунзе. Бракосочетание было в молитвенном доме. Пир проходил во дворе дома. Было много гостей. И хотя не записали на видео, сделали много фотографий. Любочка пришлась всем по душе в Фергане. Она стала петь в хоре. Жить они стали в нашем фамильном доме в Фергане. Содержат они его в добром порядке. Павлик ежегодно делает ремонт. За семь лет, что мы прожили в Америке — в Фергане у нас появилось 4 внука: два мальчика и две девочки. Ромочка, Ольга, Алексей и Галина. Детки очень хорошие. Мы можем сказать: Люба — хорошая жена, любящая мать и хорошая хозяйка.

Свадьбы

В январе 1996 года вся наша семья и наши друзья поехали на свадьбу нашей Наташи. Наряжать Наташу согласилась Люда Кричун, одна из наших новых друзей в Америке. С семьёй

Свадьба Павлика и Любы, г. Фрунзе

Кричун мы познакомились через Брыковых, когда Вовчик пригласил на свой первый день рождения в Америке ферганцев — Брыковых, Литвиновых, Балацких. Вместе с ними были приглашены их близкие друзья, среди которых и были семья Кричун — Люда, Лариса, Владимир, Танечка, Ирина и Евгений. Очень хорошая христианская семья, гостеприимная, добрая. Людочка должна была прилететь поздно вечером перед свадьбой, чтобы утром наряжать Наташу. Мы же — наша семья — поехали в Салт-Лейк Сити на автобусе Дарелла. Дарелл тоже должен был прилететь перед свадьбой. Вовчик дорогу уже знал хорошо. Знал и в городе дом, в который мы должны приехать. Всю дорогу была холодная погода, дул холодный ветер. По дороге у нас спустило на полном ходу переднее колесо. Вовчик сумел удержать руль. Машина съехала на обочину и остановилась благополучно. Вовчик и Саша стали ставить запасное колесо. Мы иногда выходили из машины. Было страшно холодно... Но вот всё наладили, и мы поехали дальше. При въезде в Салт-Лейк Сити пошёл сильный снег, так что нельзя было прочесть указатели дорог. Но Вовчик хорошо помнил дорогу и вскоре мы благополучно приехали на место.

Нас хорошо покормили и уложили спать. Остановились мы у Наташи с Сашей, сестрёнки Игоря. Утром все направились в церковь американскую, где должно было состояться бракосочетание. Так как церковь ещё была закрыта, мы зашли в дом Валентина Субботина. Он посещал эту церковь, был там диаконом, и там договорились сделать бракосочетание. В доме у Субботиных уже была наша Наташа, вся убранная и красивая. Она уже была готова к бракосочетанию. Затем Людочка осмотрела всех нас и сделала кое-кому поправку, сделала хорошую причёску. Снега навалило очень много. Пришлось трактором счищать дорожки. К назначенному времени все были уже на месте. Бракосочетание проводил папа. Пел хор. Дружками у Игоря были Саша наш и Петя Гурлов. У Наташи подружками были Ольга Реймер и Субботина Лена. Было много гостей. Приехала молодёжь из нашей церкви, Вера с Женей, Эвелиночкой, Дэником и Жениным папой.

Бракосочетание Игоря и Наташи

Бракосочетание было живым, интересным. После бракосочетания все поздравляли молодых, фотографировались. Затем поехали на брачный пир. Он был в другом месте. Это был клуб войсковой части. Его украсили Ольга Брыкова с подружками. Столы были богато и вкусно обставлены. Свадьба шла спокойно. Пели брачные гимны, давали пожелания молодым... Дарелл пел на английском языке и играл на кларнете... Так мы оставили нашу Наташу в Салт-Лейк Сити.

В марте месяце мы переехали в новый дом. Это был трёхбедренный дом с гаражом и огороженным двором. Он был недалеко от собрания. И несмотря на то, что можно было прийти туда за 5 минут, мы ехали на машине. Папа легко управлял машиной. Здесь не было фривея, а по улицам папа не боялся ездить. Прожили мы в этом доме 6 месяцев. Он для нас тоже был благословенным, так как и первый. Из этого дома Лина с Да-

реллом и друзьями ездили в ЗАГС. Из этого дома вышла замуж Лина. Свадьбу справляли 4 Мая в Честере. Первый раз мы поехали в Честер перед свадьбой. С нами ехали Тонечка Брыкова и тётя Зина Бородаева. Они согласились помочь нам в приготовлении пищи. Дорога в Честер была очень красивой. Мы восторгались этой красотой. Могучие леса, речка... Горы, покрытые лесом... В самом Честере прекрасное озеро... На свадьбу Лины с Дареллом приехали Танечка с Павликом и детьми, Надя с Толиком и детьми, Виктор с женой и детьми, Лариса, Наташа. Все они хорошо пели. Лина пригласила Вену Портанского быть переводчиком на свадьбе.

Первым сказал проповедь пастор церкви, в которую ходил Дарелл. Проповедь была очень интересной. Он говорил о промысле Божьем — Лине надо было приехать в Америку, встретиться с Дареллом. Как Господь заботится о своих детях! Его пути неисповедимы! Господь направил их друг ко другу, они увидели в этом волю Божию. И он рад за друга своего Дарелла и благословляет его. После этого пел хор. Молодые уже ждали у входа... Когда дали знак идти, первыми шли дети — Игорёк и Светланочка. Затем шли Ангелина и Дарелл, затем подружки и дружки. Сочитывал папа. Вена Портанский переводил. Было очень много американцев, поэтому перевод был очень нужен. Все остались очень довольны. На бракосочетании было четыре пастора, и им очень понравилось, как папа сочитывал. Очень понравилось, что молодые поприветствовали своих родителей и назвали их «папой и мамой». Это очень хорошо. Дарелл и теперь всё говорит: «Папа, папочка», «Мама». Как это хорошо! Я знаю семьи, где супруги не хотели называть папой и мамой родителей другого несмотря на то, что оба были из воспитанных верующих семей. Бракосочетание сопровождалось пением хора. Пели сильные спетые голоса. После бракосочетания все поздравляли и приветствовали молодых...

Затем поехали на брачный пир. Он был в другой церкви. Там уже всё было готово. Украшено. Но пришлось много побегать с приготовлением пищи на столах. Плов готовил Коля Мартынов заранее. А вот пюре картофельное готовили на ме-

Свадьба Даррела и Лины

Николай Мартынов готовит национальное узбекское блюдо — плов

сте. Не поставили ответственных подавать на столы. И кто согласился, тот и помогал. Ну всё же быстро подали на столы, и пир прошёл очень хорошо. Было много участия. Участвовали и американцы, и русские, и взрослые, и дети. Лина с мужем стали жить в новом родительском доме — большой трёхбедренный дом, очень удобный и тёплый. Теперь они живут в своём доме в Чико. У них растут трое прекрасных сыновей: Андрюша, Веночка и Джордан. Мы иногда бываем у них дома. Встречаем очень тёплый приём и заботу о нас с их стороны. Они очень хотят, чтобы мы жили с ними. Нам хорошо у них, но без русского собрания мы не можем.

После свадьбы наши дети и внуки, приехавшие из Миннесоты, погостили у нас ещё несколько дней. Они поехали по интересным местам, хорошо отдохнули. Когда дети оставались дома, мы ходили с ними на речку возле нашего дома. Там было дерево, перекинутое с одной стороны на другую, и мы с детьми переходили по нему. Также гуляли по нашим улицам, смотрели на красивые дома. Дети вели себя хорошо. Вскоре они уехали. Мы были очень рады, что повидались с нашими детьми и внуками. После того, как Лина вышла замуж, дома часто оставались мы с папой вдвоём. Вовчик работал в Честере, Саша тоже уезжал. Америкэн авеню 2323 — очень благословенно было для нас ещё и тем, что на Пасхальные праздники покаялся наш Саша. Как мы с папой были рады! Саша действительно изменился тогда. Стал новым человеком. Он ежедневно и подолгу читал Библию. Молился. Часто мы молились с ним вместе. Как было хорошо! Но радость эта продлилась только до Нового года. На новогодний вечер Саша не пошёл из-за обиды и справлял Новый год с новой компанией, которая увела его на путь греха, на путь погибели. Одни друзья сменялись другими, но было ещё хуже. Мы с папой ежедневно молимся о его покаянии. Если бы он взял себе Другом лучшего Друга и Спасителя Иисуса Христа, то был бы вознаграждён уже в этом мире. Господь заботится о своих чадах и уж позаботился бы и о нём. Что может быть дороже в этой жизни?!

Саша

* * *

*Прости мне, мама, что был я непослушен,
Тебе в ответ нередко я грубил.
К твоим молитвам был я равнодушен,
Ведь я тогда неверующим был.*

*Я приношу поклон ей самый низкий,
И встану на колени перед ней,
Ведь человек она мне самый близкий —
И нету никого её родней!*

Летом мы встретили Валю с Виталиком, с Юрочкой и Виком. Они остановились у нас. Коля очень быстро нашёл им квартиру, и они переехали в своё гнёздышко. Они жили близко к собранию Минникова, и стали посещать это собрание. В это же время приехал к нам в гости мой брат Вениамин. Он смог попутешествовать по Америке. Был в Миннесоте у наших детей. Его брал с собой Дарелл. Ездили они на микроавтобусе.

Много видел красивой природы. Были мы с ним и в зоопарке в Сан-Франциско. Посетили также планетарий. Побыли на океане. И хотя было холодно, Вениамин искупался в океане. Когда мы были в магазинах, он удивлялся, и слёзы текли по его щекам. Он говорил: «Думал, что Америка богатая, живёт в изобилии, но никак не мог представить такого изобилия... Я рад за тебя, Лина, что ты живёшь в этой прекрасной стране». В этом же доме, уже при переезде, когда мы должны были освободить этот дом по договору, посетил нас и Сергей Богданов. Вовчик возил его в Честер, в Салт-Лейк Сити.

В сентябре мы переехали жить в недорогую квартиру на 24 стрит. Там мы прожили полтора года. В начале 1997 года мне сделали операцию — удалили варикозные вены на правой ноге. В феврале мы поехали к Лине — у неё предстояли роды. Я, Женя, родители Дарелла, пастор церкви, сестра Дарелла — собрались в больнице Честера, где работал Дарелл, и молились, чтобы Лина могла благополучно родить. Пастор предложил нам всем взяться за руки, мы встали в круг, взяли за руки,

Благословение Андрюши — первенца Дарелла и Лины

и пастор совершил молитву. Вскоре мы услышали долгожданный плач младенца — это родился Андрюшенька. Мы с папой побыли первое время у Лины. Интересно, на второй же день Дарелл голенького Андрюшу держал под солнечными лучами на окошке. Мы боялись, что ребёнок простынет, но всё прошло благополучно. Андрюша рос хорошо и никогда не болел. Летом Лина с Дареллом поехали путешествовать, а мы с папой смотрели за Андрюшей. Лина с мужем побыли в России, на Украине, в Узбекистане, Англии и благополучно приехали домой. Андрюшенька был уже у мамы Дарелла, так как он должен был принять прививки.

В августе 1997 года мне дали пенсию. Мы решили купить себе дом. Нашли вроде подходящий, но не сошлись ценой. Тогда мы с папой поехали в Миннесоту к нашим детям — Тане и Наде. Хотели посмотреть, как они живут, и отдохнуть у них на «севере». Долетели хорошо. Приехали к Танечке с Павликом в их дом. Дети очень тепло нас встретили. Все уже сильно подросли. Умные стали, сообразительные. Бабушка раздала им подарки. Хоть простые, но с любовью. Дети радовались. Наденька с детьми тоже приехала к Тане. Так что мы сразу со всеми увиделись. Ездили с Павликом на собрание. В Воскресенье Надя с Толиком решили принести на благословение Володеньку и Марка. Принесла также свою дочку на благословение Суб-

Наш дом 7030 Demaret Dr.

ботина Володи дочка с мужем. Так что было трое детей. Трое служителей совершали молитву над детьми. Это было так трепетно, так торжественно! И всё собрание было очень хорошее. Тема была: «Я и дом мой — будем служить Господу». Было много стихотворений, пения. Попросили Бурцеву Нину поделиться, как они молились за детей, и как дети, которые были далеко от Господа, вернулись и стали на путь истины. Она со слезами рассказывала, что она ходила на молитвенную группу, и они 5 лет молились, пока не началось пробуждение среди молодёжи. И вот теперь её сыновья и дочери служат Господу... Всё собрание благодарило Господа за Его чудные дела!..

Когда мы вернулись домой, нам предложили купить тот дом, который мы хотели. И мы купили. И вот живём в нём уже 4 года. Дом стал красивый. Выросло много плодовых деревьев. Был уже урожай. Какие вкусные были абрикосы, персики, апельсины, яблоки, слива, виноград! Первые годы мы сажали помидоры, огурцы, болгарский перец... Урожай был хороший.

В июне 1998 года приехали Спиридоновы Вера, Саша и 14 детей. Семейка большая и дружная. Старших девочек взяли к себе Дарелл с Линой, а родители с Леной и меньшими детьми были у нас. Мы часто гуляли с детьми вокруг нашего дома. Смотрели, есть ли дома в аренду. Порой проделывали большие расстояния. Лина с Дареллом нашли им дом. Одна китаяночка решила взять большую семью. Ей сказали, что 10 человек. Она согласилась. Думали, временно часть детей у нас побудет, часть у Лины. Но когда девочки старшие мыли окна и убирали дом, хозяйка спросила у Лины: «Сколько у них детей?» Лина не хотела говорить. Хозяйка сказала: «Пусть все живут. Добавят 30 долларов. 830 будут платить, только пусть аккуратно ко всему относятся». Так они прожили в этом доме 2 года, а затем купили свой дом. Очень хороший, удобный, большой дом. Как раз для их семьи. Пока они жили у нас, нам было с ними очень весело. Дружная весёлая семейка. В зале у нас поставили 2 стола, и семейка очень хорошо справлялась за столом. Ели всё подряд, что готовили. Молодцы, не чванились. Всё им нравилось. Очень много делала Леночка — вторая мама. Умница!

Вскоре как они уехали, приехала наша Анечка с семьёй. Сперва они взяли квартиру, где жила Валя. Но вскоре им предложили найти другое место, и они перешли в другой дом, недалеко от нас. Они стали ходить в нашу церковь. Рядом с ними был колледж, и они учились, и работали. Им было там удобно. Но Господь послал им ещё одно дитя — Эдика. Места уже было мало, и Господь дал им возможность купить свой дом. Дом хороший, интересный, как раз для их семьи. Мы очень рады, что Господь благословил их.

Долго у нас было тихо, народу было мало. Но вот Лина с Дареллом предложили, чтобы они пожилы у нас, решили помочь нам рассчитаться с долгом, который мы имели при покупке дома. Мы с папой очень благодарны Господу, что Дарелл заботится о нас, вникает в наши нужды, помогает. Старается сделать что-то доброе. И не только нам, но всем, с кем соприкасается. В нашем доме родился Веночка. Часто деда укачивал его спать. Так он и подрос в нашем доме. Мы рассчитались со всеми долгами, и теперь спокойно спим. Как хорошо жить без долгов! А сколько мы жили в долгах! В Фергане, когда купили дом первый — в долг. Когда купили второй дом — было 9 тысяч долга. Когда купили дом на Интернациональной улице, и первый, и второй — всё в долги... Как они нас измучили... не давали покоя. Хорошо, что хоть уехали без долгов.

В июне 2000 года исполнилось 40 лет нашей совместной жизни. Дети справляли этот день вместе с нами. Приехали Надя с Толиком и детьми, Таня с Павликом и детьми, Игорь с Наташей и детьми, Вера с детьми. Лина с Дареллом и детьми, Вова, Марина. Мы решили отметить нашу годовщину на лоне природы. Поехали в парк. Там жарили шашлык. Дети купались в озере, катались на лодке. Приехала Тонечка Брыкова порадоваться с нами. Дети рассказывали нам в пожелание стихотворения. Танины дети спели нам очень хорошо гимн на слова, которые сочинил сам Павлик. Как они прекрасно пели! Молодцы! Возле озера под деревьями дул ветерок, и было прохладно. Мы остались очень довольны этим праздником в кругу своих детей и внуков.

Свадьба Марины и Брэндона

В сентябре приехал к нам в гости Павлик. После его приезда мы узнали, что его статус потерял силу, и что он уже не может больше приехать сюда по статусу беженца. Было 15 сентября, а статус кончился 31 августа. Писали мы прошение восстановить статус, но бесполезно. Павлику в Америке понравилось, но уже было поздно. Он погостил у нас до декабря и уехал.

В 2001 году мы все — я, папа, Вова, Марина — сдали экзамен на получение гражданства. Теперь подали заявление (application) на Павлика, чтобы он приехал в Америку. Ожидание до рассмотрения дела обычно 810-825 дней. Что будет за это время?..

21 июля 2001 года была свадьба у Марины. Приехали Таня с Павликом, Наташа с Игорем. Свадьба была в субботу во дворе у жениха. Много позаботилась по приготовлению к свадьбе мама Брэндона. Познакомились с родителями Брэндона. Бракосочетание прошло очень хорошо. Сочитывал пастор. Всё было заранее продумано. Всё было сделано вовремя. Были приглашённые гости с обеих сторон. Дэник нёс кольца, а Эве-

линочка — цветами посыпала дорогу невесте. Очень торжественный момент был, когда выходила невеста. Долго ждали её выхода. Играла хорошая музыка... Всё было очень торжественно! Перед сочетанием и после девочки Спиридоновы спели 2 гимна. «Солнышком, солнышком ваша жизнь пусть светиться...» После сочетания фотографировались. Фотографии получились очень хорошие.

Вот скоро и мой день рождения — 14 декабря. Мне исполнится 66 лет. Доживём до этого или нет — знает Один Господь. Пришествие Его совсем скоро! А день нашего отшествия с папой может быть ещё скорее. Хочется, чтобы всё наше семейство встретилось там, на небе, у Белого Престола, и так всегда всем вместе быть с Господом!

К 66-летию матери

*С днём рождения поздравляем
Дорогую нашу маму!
И молитву направляем
В небеса, как телеграмму.*

*И Творца Вселенной просим
О духовной свыше силе,
Чтобы стала жизни осень
Плодоносней и красивей!*

*Мы от всей души желаем
Тебе, мама, жизни вечной,
Чтобы был блаженным раем
Мир твой внутренний сердечный!*

*Чтобы вражья сила злая
Отступила перед верой.
Мама! На Христа взирая,
Будь в Нём дерзновенно смелой!*

*Шестьдесят шесть лет минуло
В день четырнадцатый декабря,
Да, земная жизнь — минута!
Вечность упраздняет время!*

*Уповай на милость Бога,
И звездой станет свечка.
И живи счастливо, долго!
Нет... Не просто долго — вечно!*

Семейство Мальцевых

Сашины родители жили в городе Камень-на-Оби. Сашин папа Куприян был высокий и стройный парень. Всё у него горело в руках. Мог сделать любую работу. Все любили его, потому что он видел кому, где и чем надо помочь, и не ждал, когда ему скажут, что это надо сделать, а сам старался помогать всем. Родители его были православными христианами. Мама Саши Мария хотя и была невысокого роста, но красавица. Когда их сочитывали в православной церкви, то все говорили: «Какая красивая невеста!» Жили папа с мамой дружно. Папа работал, мама была дома.

Всего в семье Мальцевых было 9 детей. Двое деток умерли рано, маленькими. Семеро выросли и обзавелись своими семьями. Саша был в семье седьмым ребёнком. Детство его прошло в этом городе — Камень-на-Оби. Это был большой, красивый город на левом берегу реки Обь. Обь — большая река, больше километра шириной. По ней ходили большие пароходы. Огромные баржи сплавляли лес на огромных плотках. Зимой река замерзала. По ней ездили большие трактора и машины. Делали проруби, чтобы достать до воды. Воду привозили домой на санках в кадлушках. Такая кадлушка с водой всегда стояла в сенях. В ней плавал лёд. И в такой ледяной воде все умывались. Летом дети и взрослые купались в реке на специально отведённых местах — пляжах. Река Обь длиннее Волги. Город Камень-на-Оби расположен между Новосибирском и Барнаулом.

Дом, в котором прошло детство Саши, состоял из двух больших комнат и сеней (сени — это прихожая традиционного русского дома). Сени были не маленькие — на всю длину дома. В первой комнате была русская печка с лежанкой и стол, за которым собиралась вся семья. Вторая комната с тремя окнами. Называлась она светлицей. В ней часто собирались гости. Сашины папа с мамой покаяться и приняли водное крещение уже будучи семейными. Когда началась война, папу и старшего сына Николая взяли в армию. Коля служил в трудовой армии, а папу взяли на фронт. Во время сражения на Курской дуге папа получил ранение — в него попало семь осколков. Один осколок был в легком, близко от сердца, и его не стали вынимать, так папа и носил его до конца своей жизни. Лечили папу в госпитале, а когда он поправился, отправили в трудовой лагерь в город Чкалов — нынешний Оренбург. Там он и работал до конца войны — 1945 года, а затем вернулся домой. Саша пошёл в школу во время войны в 1943 году. Когда кончилась война, он окончил второй класс. В школе Саша учился хорошо. Был очень смышлёным, имел хорошую память. Учителя часто хвалили его за интересные сочинения. Он много читал интересных книг и запоминал легко то, что прочитывал. Эта способность помогала ему всегда быть интересным собеседником. Даже сейчас, да и

раньше, он мог своими знаниями удивить любого собеседника. Я часто поражалась, когда присутствовала при его разговорах с другими людьми: как много он знает и правильно всё понимает и в политике, и в литературе, и в географии, и в истории! Многие тексты Священного Писания он знал наизусть, знал места, где написаны те или иные слова Библии.

Покаялся он семнадцатилетним парнем уже в Фергане, когда вся семья переехала из Камня-на-Оби в Фергану в 1952 году. Первое время они жили на квартире у Брусниковых. Затем им выделили участок для строительства дома, и они стали строить дом. Сами делали кирпичи. Саша утром до работы выбрасывал глину, а Володя с Веней формовали двумя формочками по два кирпича. К осени дом был готов. Дом был большой, удобный — веранда, коридор, пять комнат. Собрания в Фергане проходили по улице Крупской, в том же месте, где и сейчас.

В 1952 году, когда они приехали в Фергану, был ещё учителем Церкви уважаемый всеми и любимый брат Пётр Иванович Чекмарёв. Он часто приглашал к себе молодёжь, беседовал с ними. Многие пришли к Господу через его беседы. Саша тоже покаялся в его доме. После покаяния он вместе со своим другом Сашей Панибратцевым изучал Священное Писание. Они часто уходили в поле и там читали Евангелие, затем обменивались мыслями о прочитанном. Они были хорошими друзьями и принимали друг друга с полуслова.

В 1954 году в июле Сашу призвали в армию, и вернулся он в декабре 1957 года. Он сразу же включился в жизнь молодёжи. Ревностно посещал соседние города иногда с молодёжью, иногда даже один. В армии он служил в Туркмении, там тоже при возможности посещал собрания. Очень хорошо проводил время в Ашхабаде. Я приезжала в Фергану летом 1958 года, и там впервые познакомилась с Сашей. Помню, после утреннего собрания мы собрались у тёти Кати Бурцевой в её квартирке напротив рынка. Саша предложил двум братьям сказать Слово, спели несколько гимнов, затем он прошёл со шляпой перед молодёжью. Каждый положил туда, сколько мог денег. Купили на базаре фрукты и пошли на посещение к больным. И так

было всегда. Вечером собирались в доме Петра Ивановича Чекмарёва, читали перевод книги «О благодати». Очень серьёзная и нужная книга. Молодёжь хорошо знала Слово Божие. Она была правильно наставлена. Ей привили любовь к Слову Божию. Чтение и изучение Слова Божия предпочиталось всему остальному. Зная Слово Божие, они легко отгадывали даже самые трудные загадки. Учили наизусть Золотые стихи, знали места, где они написаны.

В феврале 1959 года я снова приехала в Фергану на зимние каникулы, где и произошла наша первая серьёзная встреча с Сашей, беседа о друге жизни, о воле Божией. И впоследствии я влилась в это большое семейство Мальцевых. А теперь продолжателями этого рода стали Мальцевы — Павлик, Вовчик и Саша. У Павлика уже четверо детей, и двое из них мальчики — Мальцев Рома и Мальцев Алексей. Вовчик и Саша пока ещё не встретились со своими избранницами. А наши прекрасные дочери — восемь дочерей — изменили фамилию Мальцевых на фамилии своих мужей: Мартынова, Чекмарёва, Лелюх, Дорожина, Маюрова, Daugherty, Sullivan. Они родили своим мужьям прекрасных сыновей и дочерей. И теперь мы с Сашей имеем 43 прекрасных внуков и внучек. Очень интересно, что Бог допустил такие чудеса в нашей жизни, что мы имеем сейчас то, о чём даже в мыслях никогда не было — Бог переселил нас в другую страну, самую богатую и мощную на земле. Думали ли мы когда-нибудь, что будем жить на земле дяди Тома и будем не рабами, а полноценными гражданами этой страны, будем пользоваться всеми благами её? Мы от всего сердца благодарим Бога за Его промысел, что, живя здесь, мы можем помогать бедным на нашей Родине. И здесь мы имеем хорошие церкви, где душа отдыхает, наслаждаясь общением с Богом, братьями и сестрами. Слава Богу, что мы хоть небольшой отрезок нашей жизни прожили в этой стране, отдыхая и не имея забот о завтрашнем дне. Какая чудная страна, столько в ней интересного и прекрасного!!!

Жизнь такая интересная и разнообразная. Глядя на эту красоту, хотелось бы мысленно представить красоту Небесного

Иерусалима... Сколько чудесных гимнов мы слышим здесь по радио об Иерусалиме... И теперь нас с папой уже ничего не держит на земле. Мы готовы переселиться в этот Небесный Град. Это наше желание. Не плачьте, когда мы уйдём с земли. Пойте радостные песни — ведь это мечта каждого христианина — перейти к Господу в Вечную радость! Встретимся там с Иисусом и со всеми святыми, среди которых наши родители и наши дети, которые ушли раньше нас — Веночка и Любочка... Спойте на наших похоронах гимн:

*Твой город не здесь, среди мёртвой пустыни.
Где царство греховных страстей,
Где грязнут сердца омрачённых неверьем
В объятьях лукавых сетей.*

*О нет! Ты лишь странник в тот город небесный,
Строитель которого Бог,
Он отдых тебе и отрада святая
В печальной долине тревог!*

Года уходят

*О, милые мои года!
Вы мчитесь быстро, как вода,
Вас не остановить никак,
И не вернуть деньки назад.*

*Вам Бог черёд установил,
Могучей силой наделил —
Всё вдаль с собою уносить.
Да... я хотел бы вас просить:*

*Несите вы с собою вдаль
Невзгоды, горе и печаль,
Обиды, горечь, суету
И сердца жгучую тоску.*

Наше семейство. 2002 год

Дедушка и бабушка с внуками. 2002 год

*Но сохраните вы во мне
Любовь к Тому, Кто на кресте
В тяжёлых муках умирал,
К Тому, Кто жизнь за мир отдал.*

*О милые мои года,
Несите вы меня туда,
Где Дом небесный меня ждёт,
Где солнце больше не зайдёт.*

*Там Солнце яркое — Христос,
Не будет уж нужды и слёз,
Там вечный отдых и покой,
Злобы не будет никакой.*

*Летам там не ведётся счёт,
И вечно всё живёт, цветёт.
Дай, Боже, свято жизнь прожить,
И научи нас дорожить*

*Тем временем, что Ты даёшь.
Ведь скоро Ты уже придёшь...
Гряди... Возьми всех нас к Себе.
Там будем счастливы вполне!*

И вот встреча Нового 2002 года... Как и всегда, проверяем с Сашуней пройденный за год путь, каемся пред Господом в своих прегрешеньях и просим благословение на новый грядущий 2002 год. Здоровье Сашуни по-прежнему оставляет желать лучшего. В собрания ездить он уже не может, задыхается при любой нагрузке... Хочет ещё увидиться со всеми детьми и внуками... Все дети запланировали встречу в Сакраменто в июле месяце на день рождения папы... И вот наступила эта желанная встреча...

Из Миннесоты прилетели на самолёте 17 человек — Таня и Надя с семьями и родными. Наташа с Игорем и детьми приехали из Юты, собрались все Калифорнийцы... Вот подъезжает Женя с гостями на большом Вовчкином автобусе... Гостей

встречает на веранде папа... Столько неопишуемой радости!!! Встречи, объятия, поцелуи, подарки... И, наконец, совместный ужин...

Всё время пребывания гостей было заранее распланировано, когда и куда будут поездки: в Сан-Франциско на океан, в планетарий, в Sixflags, купание в бассейне, посещение заповедников и главное — день рождения папы 25 июля! Купили громадный торт и зажгли на нём 67 свечей... Внуки говорили дедушке пожелания, и каждый дарил ему по одной красной розочке. В результате получился внушительный букет. Радовались и взрослые, вспоминали прожитые годы, благословения и трудности, победы и поражения, желали имениннику бодрости духовной и физической. На память сделали семейное фото: все вместе, отдельно с детьми и отдельно с внуками... Хорошо погостив, дети улетели и разъехались по домам.

Важным событием этого года была встреча Вовчика с Жанночкой. Красивая, стройная, умная, ревностная, богобоязненная... Она сразу обратила на себя внимание Вовчика. Именно такую спутницу жизни просил он у Бога. Одно волновало его — её молодость. Он был намного старше её. Однако, он видел её расположение к нему и поэтому много молился, ожидая ответа от Господа. Наконец, решил сделать предложение и получил согласие. Папа смог побыть на помолвке. Мне же очень понравилась молитва отца Жанны, его богобоязненность поразила меня до слёз! Я была рада, что Жанночка воспитывалась в такой богобоязненной семье.

Свадьбу назначили на 21 января 2003 года. На свадьбу приехал Павлик. В день свадьбы был солнечный тёплый день. Мы с папой смогли побыть и на бракосочетании, и на брачном пире. На бракосочетании пресвитер Константин Иванович Жирков отметил, что жена — это подарок от Бога, и его надо ценить и беречь! Чудесно пел хор! Все присутствующие разделяли радость жениха и невесты! После бракосочетания новобрачные и молодёжь поехали к Белому дому фотографироваться.

И вот брачный пир. Гости заняли свои места. Играет музыка. Входят молодые. По белой ковровой дорожке проходят к

Бракосочетание Вовчика и Жанны

столу. Ведущий просит жениха совершить молитву благословения на брачный пир и пищу. Гостей было много, но места хватило всем. Было много участия: пожелания, песнопения, декламации, играл оркестр... Был также показан слайдфильм о детстве и юности жениха и невесты, их встрече. Поздно вечером все радостные и довольные разъехались по домам. Вовчик вернулся в дом уже не один, а с женой — он сделал себе «колокольню» — спальню на втором этаже, отдельный зал и кухню, которые помогали ему приготовить родственники и друзья!

Жанночка оказалась общительной и умелой. Когда были гости, посещающие папу, она всегда накрывала на стол. 19 мая приехали из Спокена моя сестра Мила с мужем и дочкой Лилей. Они пришли к нам в гости вместе с моей сестрой Верой, а также приехал племянник /сын моего брата Вены/ с женой. Было тёплое общение. Папа сидел вместе с нами, участвовал в беседе, радовался, что у Вовчика была свадьба, и мы стали смотреть её видео. Папа отметил, что Жанночка — хорошая хозяйка, и это видно было по сервировке стола и тому, что было на столе. На другой день за нами приехала Лина, чтобы увезти нас к себе в гости. Папа давно обещал Дарреллу, что, когда Павлик уедет домой, мы приедем к нему в гости.

Вот уже дней десять, как он уехал, и мы согласились поехать к Лине. Дорогу папа перенёс хорошо. Нас встретил Даррелл и помог папе подняться на крыльцо. Мы пообщались немного, потом Даррелл уехал на работу. Лина приготовила на обед манты, и папа с удовольствием их поел. Чувствовал он себя хорошо. Мы все были рады. Вечером хотели все посидеть у Лины в комнате, принесли туда кресло, и я повела папу туда. Папа уже хотел садиться в кресло, повернулся, чтобы сесть, но ногой задел за ножку стула, споткнулся и... упал... Я не смогла его удержать, и упала вместе с ним... После этого папа поднялся на колени, но встать на ноги не смог... Он напрягал все силы... Старались помочь мы с Линой, но бесполезно... Позвали соседку с сыном, но и они не смогли нам помочь... Я предлагала папе вызвать «Скорую помощь», они бы сразу помогли, но папа не разрешил, боялся, что его заберут в больницу. Тогда позвонили Дарреллу. Он приехал с одной медсестрой — здоровой сильной женщиной — и вот вшестером мы подняли папу и усадили уже в его кресло. Даррелл принёс от соседей кислород и дал папе. Ему стало легче. Я дала ему все его лекарства, и ему стало лучше... Но я очень беспокоилась за него. Раньше он говорил: «Если я упаду, то больше уже не встану»... И вот это случилось... Давление вроде было невысокое, но сердечко колотилось очень быстро, в то время, как его пульс всегда был медленным.

Наступила ночь, и мы все легли спать... Даррелл вернулся с работы и заходил к нам, спрашивал, как чувствует себя папа. Он ответил, что нормально. Но спать мы не могли... Состояние папы было тяжёлое, хотя он старался не показать этого. Я сидела с ним рядом на стуле и готова была исполнить любую его просьбу... Глубокой ночью сон сморил и меня, и я легла рядом с ним, крепко его обняв. Так хотелось, чтобы скорее наступило утро, я надеялась, что днём ему станет легче. Но легче не становилось... В седьмом часу утра я предложила ему вызвать «Скорую помощь» и поехать в больницу. Тогда он велел спросить у Даррелла, позволят ли мне быть с ним в больнице? Позвали Даррелла и спросили, на что он сказал, что, конечно, мама бу-

дет с ним. Тогда Саша разрешил вызвать «Скорую помощь». Не прошло и пяти минут, как в нашей комнате появились здоровые, сильные мужчины. Они проверили давление, послушали сердце и сразу же вызвали спецмашину. Тут же сделали электрокардиограмму и сказали: «Необходимо ехать в госпиталь». Папа согласился.

И вот мы уже в больнице. Дежурный кардиолог осмотрел его, сделал необходимые анализы... Я была рядом с Сашей, а Лина находилась в коридоре. Вижу, врач подошёл к Лине, что-то сказал ей, и она, заплакав, ушла... Нас перевели в палату. Приходили консультировать ещё другие врачи... Потом пришёл кардиолог и спросил у папы: «Если случится остановка сердца, желаете ли вы, чтобы мы снова запустили его?» Саша стал спрашивать у меня, на что я ответила: «Конечно, я хочу, чтобы ты был живой». Тогда Саша попросил оживлять... Ему подключили разные системы, поставили в рот трубки и заклеили рот. Теперь он не мог со мной говорить. Через какое-то время он знаками попросил меня дать ему бумагу и карандаш. Я дала. Он написал мне: «Я знаю, что я умру». Я ответила ему: «Всё будет хорошо, не волнуйся». Несмотря на то, что его состояние было тяжёлым, я не могла допустить мысли о его смерти... Сколько раз он был в таком состоянии и выживал... Тем более в больнице в присутствии прекрасных врачей... И тут этой запиской, как громом, он сразил меня... В смятении я спрятала эту записку куда-то... так что после того, как папы действительно не стало, нигде не могла найти её, чтобы показать детям и оставить её себе на память...

Вскоре стали приезжать дети... и семьями заходить в палату... Оказывается, врач сказал Лине, что папа не выживет, и пусть приезжают все родные... Уже съехались все дети, живущие в Сакраменто. В Миннесоте ждали звонка и искали билеты... В Юте уже готовы были выехать... Дети окружили папу со всех сторон... Каждый хотел чем-то помочь, что-то сказать... Некоторые просили у папы прощение... Папа не мог говорить, во рту были трубки, но он мог видеть... А я держала его руку в своей руке, и он от радости сжимал мою руку... Иногда мы

что-нибудь спрашивали у него, и он отвечал нам пожатием руки или глазами...

Думаю, что с того момента, как он написал мне записку, он много передумал... Вся жизнь мгновенно промелькнула перед ним в его сознании... И хоть мы с ним часто, сидя вдвоём, проверяли свою жизнь, каялись и просили у Бога прощения, думаю, всё же в этот критический момент он опять всё проверил и уже готов был к встрече с Господом...

Тут пришёл врач, проверил компьютерные показатели, послушал сердце и сказал: «О! У него дела пошли хорошо. Сердце стало работать лучше... Ещё три дня, и он пойдёт домой в хорошем состоянии». Мы все обрадовались... Кое-кто попрощался с папой, и родные стали разъезжаться по домам. Уехали Валя и Саша... Остальные не хотели от радости уезжать и мирно разговаривали в комнате ожидания. Последними зашли попрощаться Лина с Мариной, а я должна была остаться около него... И вдруг Лина выбежала и стала звать Даррелла. Мне она сказала: «Папе стало плохо. Зови всех». Все снова собрались возле папы. Вернулись те, кто только что уехал... Давление стало падать... Пульс стал расти и работать беспорядочно... Наступила пароксизмальная аритмия... Врач сказал: «Прощайтесь, он скоро умрёт». Папа хотел нам что-то сказать. Показал знаками, чтобы убрали трубки... Пока пришёл врач специальный, принесли кислород, прошло какое-то время... Когда врач убрал трубки, подключил кислород, папа сделал два вдоха и перестал дышать... Давление стало показывать 0, пульс — сплошная черта... Перед нами лежало тело без духа... Папа и был рядом, и не было его... Ангелы уже несли его в вечность в присутствии Бога... Все молча стояли около него... Никто не проронил ни слова. Радостные надежды не оправдались... Смерть!!!

Что такое смерть??? По словарю Ожегова — это отделение духа от тела... По Слову Божию — это переход из жизни временной земной в жизнь вечную — вечное блаженство или вечное мучение... Верующий в Бога человек идёт к Богу, а неверующий — к дьяволу. Многие не задумываются о вечности, живут по течению, идут широким путём вместе с толпой прямо

в погибель. И счастливы те, которые, не доходя до пропасти, приходят в себя, останавливаются, открывают глаза и видят, что их ждёт впереди... В ужасе они ищут путь спасения, и многие находят его во Христе, потому что Сам Христос говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь». Иоанн. 14:6. Человек анализирует свою жизнь, свои поступки. Сознёт, что он погибший грешник... Совесть его не даёт ему покоя... Он ищет выход из этого критического положения... Взывает к Богу... И Бог всегда спешит на помощь... «Воззови ко Мне, и Я отвечу тебе», — так говорит Бог! И человек с надеждой хватается за пронзённую спасающую руку Иисуса Христа. Иисус Христос берёт все грехи человека на Себя, бросает их за хребет и больше не вспоминает... Бремя греха сваливается с грешника, и он чувствует освобождение! Ему становится легко, радостно, свободно! Какая радость, какое блаженство!!! Какой это чудный момент— второе рождение! Новая жизнь во Христе! Жизнь по Его учению! Иметь чистое сердце и святость... чтобы увидеть Бога...

Да, папа был для нас примером... Он знал Слово Божие и старался жить по нему. И, конечно, он сейчас славит Господа на небесах в ожидании нас...

Похороны прошли благословенно... Проповедовали братья из Совета Церквей Маркевич и Антонюк. Сколько друзей пришли проводить его в последний путь! Но это было только его тело, его плоть, человек без духа. Мертвец! Дух же его взял Господь. И дела его пошли вслед за ним...

Сколько духовных мертвецов вокруг нас! Некоторые всё знают о Боге, но любят грех, не хотят его оставить, не осознавая, что идут в погибель, что их ожидают вечные мучения. Угрызения совести иногда не дают покоя, что пошли за сатаной, оставив Бога. Особенно тяжело родителям смотреть на своих детей, которые не хотят слушать вразумление отца и матери... Познав спасение, они желают, чтобы и дети были счастливы вечно, молятся за них и увещевают... Но дети не хотят слушать... И, не смотря на это, родители до смерти молятся, в надежде, что дети когда-нибудь отзовутся на зов Христа: *«Се, стою у двери и стучу... Кто откроет дверь, к тому войду и вечерю с ним совер-*

Похороны Саши

Идет погрузка на паром

Обед на берегу океана

шу» Откр. 3:20. Как велика любовь Отца, Который не пожалел Сына Своего, отдал в жертву за грехи всего человечества, чтобы не погиб грешник, но имел жизнь вечную. И Христос возлюбил грешника до смерти крестной. Умер за него, взяв на Себя грехи всего человечества. Потому-то так тяжело было Ему, потому что Бог оставил Его, когда Он поднял на Себя наши грехи. Он умер, принеся Себя в жертву за наши грехи, но, благодарение Богу Отцу, что Он Духом Своим воскресил Его и вознёс Его на небо. И мы воскреснем с Ним и так вечно радоваться будем...

Вымоленные благословения

После похорон мы с сыном Сашей сняли дом возле нашего собрания. Я не могла больше находиться в доме, где мне всё напоминало о папе. После похорон остались деньги, которые я могла расходовать по своему усмотрению. Сразу же после похорон Лина с Дарреллом взяли меня в путешествие по Америке и Канаде. Я была всё время у них на глазах, и они уделяли мне максимум внимания... И всё равно я не переставала думать о Саше... Считала дни нашего расставания... Кто мог понять меня? Прожить 43 года вместе и остаться одной... Да, дети все дарили мне свою любовь, но она не заменит любимого человека... Он всё время был в моих мыслях... Конечно, то, что я видела в путешествии радовало меня... Красивые водопады, заповедники, парки, океан... Раньше я не могла никуда поехать, я всё время была с Сашей, за ним был нужен уход, да и мы никогда не расставались... Теперь же я была свободна и могла позволить себе путешествия...

Началась новая жизнь... Домик, который мы сняли, был очень удобным. У Саши была отдельная спальня и комната перед ней, а я занимала зал и спальню, еще была небольшая кухня со столовой, комната, куда я составила ящики с одеждой для

посылок. Небольшой, но хороший дворик, где мы держали собачку, которую Брэндон купил и привёз папе с какого-то ранчо. Саша работал, у него была машина, которую он ставил возле дома. Мне было хорошо ходить на собрания... Перешла через дорогу — и уже на собрании... Поэтому я имела возможность ходить в третий хор, в котором пели бывшие хористы, но по возрасту уже не могли быть в основном хоре. Был ещё отдельно молодёжный хор. Собрания тогда проходили в палатке, так как здание церкви ещё строилось... Часто у нас в доме проходили детские собрания. Вовчик привозил мне «бесплатку» — хлеб, торты, булочки, молоко, кефир, сметану, йогурт, муку, сахар, картошку, лук, разную зелень, арбузы... Я звонила бедным семьям, они приезжали и разбирали, кому что надо было. Были и конфеты, и печенье. Я всегда снабжала ими детей, которые приходили на детские собрания к нам в дом. Я собиралась поехать в Фергану, поэтому заранее отослала туда посылки, чтобы было, что дать людям. А пока меня пригласили в Миннесоту, и я полетела туда.

Отвезти в аэропорт меня должна была Марина. Я хотела достать верёвочку в кладовой комнате, подставила стул и потянулась за верёвкой, но сорвалась и рёбрами повисла на стуле... Ощутила страшную боль... Что делать? Не лететь? Видно, повредила рёбра спереди грудной клетки... Сделала тугую повязку, вроде стало легче... Посоветовавшись с Мариной, решила поехать... Марина сама сдала мой багаж, так что у меня была только сумочка с документами. Когда меня встретили, я предупредила всех, что меня нельзя обнимать, чем были недовольны дети... Они так хотели обнять бабушку! Я гостила у Танечки, потом у Нади. К концу своего отпуска я уже могла поднимать небольшие сумки.

Вернувшись домой, стала готовиться к поездке в Фергану. Из всего, что я имела, я выбирала самое лучшее, чтобы делать подарки друзьям, соседям... Приготовила много игрушек, вставила на них батарейки, так что все они ездили, пели, смеялись. Почти все их принесли мне дети, так как их детям уже надоели эти игрушки, но они были как новые. Кое-что покупала

на «гаражках». Купила также для подарков красивые косынки. С собой можно было взять 2 сумки по 32 кг. Я собрала 3 сумки и заплатила за одну 145 долларов. Но мне это было необходимо, так как я хотела взять много чего для детского дома. В ручную кладь я взяла самые дорогие игрушки. В октябре я полетела в Ташкент, где меня встретил Павлик. Мы наняли машину, чтобы ехать к друзьям. Нас вёз на «Москвиче» молодой узбек. У него было трое детей. Кроме денег я дала ему конфет и игрушек... Сколько благодарности произнёс он от радости!!! Мы переночевали у друзей. У меня было много друзей в Ташкенте и подруга юности. Я позвонила ей, и она приехала. Я разложила подарки и предложила всем выбирать, кому что понравится... Сколько было радости!!! Потом мы на такси поехали в Фергану. Дорога шла через перевал... Когда-то это была опасная дорога... Теперь же это была основная дорога, так как на поездах уже не могли ехать, много таможен... Или перевал, или самолёт... Кое-где лежал снег...

Жизнь изменилась. Многие русские уехали в Россию. Побросали работу, квартиры... Предприятия остановились, большие многоквартирные многоэтажные дома стояли без окон и дверей... Грустно было смотреть на такое зрелище... Где-то по дороге наш водитель остановился, вышел из машины, подстелил коврик и стал молиться... Это был узбек уже пенсионного возраста, он соблюдал часы молитвы. После того как он привёз нас к дому, он сразу поспешил в мечеть в Фергане. А дети уже ждали бабушку... Получили много подарков. Мне выделили отдельную комнату, бывшую Линину. Там уже стояли одиннадцать посылок, которые я посылала для подарков. Да ещё я привезла много чего. Я старалась вспомнить узбекский язык. Но он переплетался с английским. Восемь лет я не была в Узбекистане...

Много изменений было в городе. Выстроили много новых красивых зданий. «Новые узбеки» понастроили себе 2-х этажные дворцы... Монумент Ленина снесли, а вместо него поставили памятник узбекскому учёному Аль-Фаргони. Сделали красивые аллеи, посадили цветы, открыли ресторан, поставили

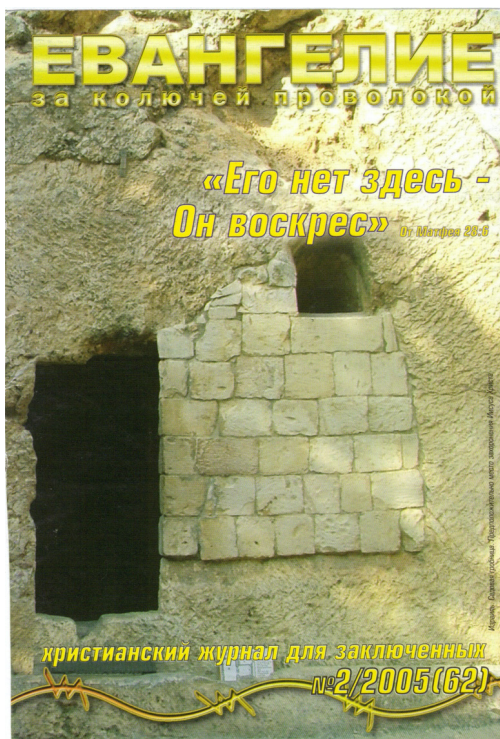
много качелей, Колесо обозрения, много лавочек для отдыха. В универмаге можно купить, что хочешь, но цены очень высокие. В универсаме тоже выбор прекрасный: шоколадные конфеты разных сортов, и цены наполовину дешевле, чем в русских магазинах в Америке. На праздник Хаит (Курбан Хаит — один из крупнейших праздников исламского мира) я купила полную сумку шоколадных конфет и поехала посетить друзей в Саур-Булак, где я отработала почти 30 лет. Не успела я сойти с троллейбуса, остановилась, чтобы решить, куда же сначала пойти, как напротив из чайханы услышала возглас: «Линапа!!!» Узнали меня сразу! Пришлось идти на зов. Новая чайхана, рядом мясной ларёк. Всего этого не было. Рядом с магазином — ресторан... Люди все праздновали, одеты были в красивые праздничные одежды.

Попила чай, угостила конфетами, расспросила, как живут люди. Совхоз также существует, снабжает овощами город. Заводы все закрылись. Работы нет. Занимаются больше торговлей. Держат скотину — есть своё молоко и мясо. Пекут узбекские лепёшки. Зашла сначала в свой дом, ухоженный по-местному, по-узбекски, но хозяева уехали на праздник. Пригласили соседи киргизы... Пришлось посидеть, покушать плов и попить чаю. Затем пошла по Саур-Булаку. Много детей, которых я совсем не знаю, родились уже после меня. Угощаю их конфетами, а они отказываются... Не берут от чужих... Тут выбегают те, что узнали меня, обнимают и говорят: «Это Линапа!!!» Тогда дети берут угощение. Встретилась и со многими стариками.

Удивительно, что узбекский язык вспомнился полностью, и я могла легко общаться на узбекском языке. Люди расспрашивали, как мы живём в Америке, как устроились, чем занимаются дети... Им было всё интересно... Каждый старался подарить мне что-нибудь, но я отказывалась от подарков... Всё же в некоторых домах не смогла отказаться и пришлось посидеть за их праздничным столом... Жизнь продолжалась. Дети строили на родительских участках дома и жили своими семьями. У узбеков это нормально, если в одном дворе живут несколько семей и родители. И живут они дружно.

Благословенный дом на 5507 Aristada Ave

Благословенный номер журнала, который первый попал мне в руки

Посетила также своих соседей, всем что-нибудь подарила на память... Все были очень довольны. Была в собрании. Несмотря на то, что многие уехали, кто в Америку, кто в Россию — Молитвенный дом был полон. Очень много новых членов — красивые русские женщины, пришедшие к Богу из мира. Много новых братьев, много детей. Хор, правда, стал меньше, но пели хорошо. Посмотрела место, где намечалось построить новый Молитвенный дом. Время пробежало очень быстро. На обратном пути я ещё побывала в Ташкенте на собрании. Повидалась с ташкентскими друзьями. Вместе с сестрой Кларой побывали в Пятизвёздочном отеле на празднике, посвящённом дню инвалида, на котором выступал народный хор «Шёлковый путь». Дети из одного детдома ставили постановку, и этим детям государство дарило... надувные шары. Билеты на концерт продавали по 100, 50 и 10 долларов в пользу детям-инвалидам. Я видела, как родители приносили своих детей инвалидов на руках, у них даже не было колясок... И этим детям не давали никаких подарков... Мы приготовили 18 подарков — мягкую игрушку и шоколадку в красивом пакете и раздали детям, участвовавшим в постановке. Раздавала подарки сестра Клара. Потом, когда мы уже уходили, и дети сидели в автобусе, они благодарили сестру Клару и приглашали её в гости в детдом.

На другой день я улетела в Америку... Мы с Сашей ещё пожили немного в этом доме, и хозяин решил дом продавать. Мы перешли жить в апартаменты. Где-то в марте 2004 года мне пришёл чек с папиной страховкой на 21 000 долларов. И письмо, что я буду получать по 1500 долларов ежемесячно в течение трёх лет. Я оставила пенсию и стала жить на этот чек, так как он почти в два раза превышал мою пенсию. А получать и то, и другое, нельзя. Я решила купить себе дом, используя эти деньги и взяв кредит в банке, а потом ежемесячно платить за кредит. В это время в Сакраменто поднялись цены на дома. Я не смогла купить даже кондоминиум. Тогда, посоветовавшись с детьми, я поехала в Юту к Наташе, купила там за 133 400 долларов 2-х этажный дом, и переехала туда жить. Я дала банку 16 000 долларов, и у меня ещё остались деньги на мебель.

Упаковка посылок

Я стала ездить в Церковь, которая мне очень нравилась. Через четыре дома от меня жили верующие, которые возили меня на собрание. Любочка была очень ревностная христианка, она ездила на молитву и брала меня с собой. Иногда я помогала проводить детские собрания. Мне было очень хорошо в новом доме. Зимой часто были вьюги. Я слышала вой ветра. Это была моя любимая стихия! Город Салт-Лейк-Сити окружали со всех сторон горы. Так интересно было смотреть на них!

Как-то на молитву одна сестра принесла журнал «Евангелие за колючей проволокой». Этот журнал привёз её муж из отпуска. Я попросила дать почитать его мне, и сестра дала мне его на один день. Придя домой, я не могла оторваться от чтения и не легла спать, пока не прочла его от корки до корки.

На следующий день я переписала все адреса заключённых в тетрадь, чтобы написать им всем поздравления с праздником Пасхи. Журнал отдала назад, так как было ещё много желающих его прочесть. И вот с Пасхи 2005 года я начала писать письма заключённым!!! Это было как раз то, что нужно мне для утешения! До этого что только я ни старалась делать,

чтобы как-то унять тоску одиночества... Я выписывала разные христианские книги и журналы, выписала серию кассет Веры Кушнир... Делала копии и раздавала в церкви слушать братьям и сестрам. Вечерами же включала видео похорон Сашуни и рыдала... Напротив кровати висел его увеличенный улыбающийся портрет... А рядом я поместила красивую открытку одинокой женщины... и цветы...

Не помню уже сколько, но сразу я отправила много поздравительных писем... Я ещё не знала, что ожидает меня... Вскоре стали приходить письма из тюрем. Оказалось много писем от пожизненно заключённых... Это были письма от братьев, которые закончили по 5-6 заочных Библейских школ... Я не ожидала таких писем и испугалась... Хватит ли у меня мудрости отвечать на такие письма? И поэтому на молитвенной группе попросила помолиться, чтобы Господь дал мне мудрости отвечать на эти письма и благословил меня. Все помолились за меня и благословили. Молитвенную группу посещала и жена пресвитера, которая предложила помощь, если вдруг понадобится. Сначала заключённые ничего не просили, только просили продолжать общаться. Познакомившись, я стала спрашивать их о нуждах. Стали просить витамины, конверты, бумагу, нижнее бельё. Несколько посылок отправила жена пресвитера. Потом я уехала в Миннесоту. Там я приготовила два пакета подарков для заключённых — витамины, предметы гигиены, канцтовары. Попросила у пресвитера 5 минут и рассказала о заключённых, о журнале «Евангелие за колючей проволокой», о пробуждении среди заключённых, об их нуждах и попросила разобрать у меня подарки и оплатить пересылку.

После собрания многие подходили ко мне, брали адрес, чтобы выписать журнал и разобрали все подарки, даже кому-то не хватило... Вернувшись назад в Юту, я получила очень много писем. Одно письмо очень обидело и расстроило меня. Один молодой пожизненно заключённый обличал меня, что я не отзываюсь на его нужду, что он очень болен, а мне нет дела до него. И это тот «брат», которого я выделила среди других по духовному росту, нужде которого я особо вняла и послала ему

через сестру посылку. Я плакала всю ночь, но потом простила его... Позже он получил посылку, просил прощения за предыдущее письмо. Так мы стали с ним не только друзьями, но он стал мне сыном, а я ему мамой, так как его мамы уже не было в живых... Второе письмо из всех, полученных мною, перевернуло мою жизнь! Его мне написал тоже заключённый с ПЛС. Я ему писала, как мне Саша всегда говорил: «Мамочка, я люблю тебя». Так вот этот Саша тоже написал мне: «Мамочка, я люблю тебя!»

Эта его фраза перевернула всю мою жизнь! Я была рада, что меня любят заключённые, что я им нужна! Что я могу кому-то передать часть своей любви и любви Христовой... Жизнь моя изменилась... Я полностью ушла в переписку. Я жила жизнью заключённых, что могла, делала для них. Правда, я стара-

Ангелина. Юта. 2006 год

лась ещё по возможности посылать посылки бедным. Все необходимое для отправки мне приносили дети, а я распределяла по посылкам и отправляла, оплачивала пересылку...

Когда чеки мои кончились, я продала дом в Юте и переехала опять в Сакраменто. Это был 2007 год. Господь и на сей раз благословил меня средствами... Год я жила одна в доме и смогла оплачивать аренду. Ко мне приезжали дети и внуки... Я была очень благодарна Богу, что Он так благословил меня!!! Я имела возможность собирать к праздникам пакеты с духовной литературой и канцелярскими товарами и отсылать их заключённым через братьев и сестёр. Сын Володя возил меня в разные церкви, где пресвитеры давали добро рассказать о служении и даже сами участвовали в отсылке пакетов. В этом году мы имели возможность встретиться в нашем городе Сакраменто с братом Сергеем Яковлевичем Якименковым, ответственным за служение Русского Христианского радио, который дал интервью по радио о тюремном служении в России и проповедовал в двух больших церквях ЕХБ.

С 2008 года я стала получать пенсию и живу в центре для пожилых. Это — очень уютные, удобные, тихие апартаменты. Много цветов, деревьев... Стала членом церкви, которая находится недалеко, и мне очень нравится.

С января 2009 года существует сайт служения заключённым www.uznik.net: через него я тоже познакомилась со многими очень хорошими братьями и сестрами, тюремными служителями. Я благодарю Бога за такую прекрасную жизнь, которую он мне подарил! Да, я осталась одна, но я верю, что мой Сашуня, уходя на небо, вымолил у Господа для меня все эти благословения. И скоро мы опять с ним встретимся... Уже 2 раза Бог делал мне остановку. Один раз отнималась левая рука и нога, но всё восстановилось... Второй раз было похуже — удалили жёлчный пузырь и сильно ослаб организм. Теперь уже почти пришла в норму. Но это только напоминает мне, что я недалеко от перехода в вечность и должна в готовности ожидать своего часа встречи с Господом, а также с родными и близкими в Небесной стране!!!

Мои любимые гимны

* * *

*Нависли скалы слева, зияет пропасть справа,
Тропа узка и страшной крутизны.
Не за кусты и корни цепляюсь я руками,
Держусь я верой Господа руки.
Нельзя стоять на месте, сбивает ветер лютый,
И вьётся эхом хохот тьмы.
Скольжу и спотыкаюсь, и настают минуты,
Когда полисага больше не пройти.
Но слышу через бурю такой знакомый голос:
«Дрожащие колени распрями!
Ещё немного будет и тяжело и больно,
Но вечность стоит этого пути.
Её врата мерцают всё ближе и яснее
Жемчужинами города Христа.
Моя рука с тобою, держись, иди быстрее,
Там на Вечере Агнца ждут тебя».
Когда лишь скалы слева и рядом пропасть справа,
Тропа узка и страшной крутизны,
На жалобы и ропот мы не имеем права,
Ведь вечность стоит этого пути!*

Не раз, не два мой утлый чёлн

Не раз, не два мой утлый чёлн
Бросал, как щепку, грозный вал.
И заливал потоком волн,
И парус мой на клочья рвал.
Казалось мне в моей борьбе,
Что в гавань я не доплыву,
Найду покой в седой волне,
На дне морском склоню главу.
Но каждый раз Ты шёл ко мне,
Шагая просто по воде.
Смолкала буря в тишине,
Страх исчезал, не знаю, где.
Сменялась радостью печаль,
Овладевал душой покой,
Сияла вновь лазурью даль,
Виднелась цель — подать рукой.
Предвижу бурю впереди,
Опасен морем путь домой.
Молю, Господь, не проходи,
Как обещал, пребудь со мной.
Тогда, уверен в этом я,
Благоуспешен будет путь,
Залог тому — любовь Твоя,
И потому со мною будь!

Я каждый день стою на страже

Я каждый день стою на страже,
Легко уснуть и проглядеть...
Не раз пыталась сила вражья
Моей душою овладеть...
Но каждый раз, склонив колени,
Я слышу голос неземной:
«Когда вокруг бушуют тени,
Не забывай, что Я с тобой...»
И в этом голосе прекрасном,
Звучащем многие года,
Я нахожу слова для песен

*И вдохновенье для труда...
Господь мои врачует раны...
Определяет сроки жить...
И, может быть, мои все планы
Успею я осуществить...
Я каждый день стою на страже...
Конец пути не за горой...
Когда Спаситель мне укажет
Приют в Отчизне неземной...*

В ожидании вечности

«Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим» (Пс. 89:10).

Господь дал мне дожить до большей крепости! 80 лет!!! Это только милость Божия — продлить мои дни жизни на такой большой срок! Вся наша большая семья собралась отпраздновать этот юбилей в доме Павлика... Светланочка испекла огромный торт.

Дочки и снохи тоже испекли разные торты. Женя — зять — приготовил вкусный узбекский плов, много было приготовлено разных салатов... Сначала была торжественная часть: дети и внуки поздравляли бабушку с Днём Рождения, говорили пожелания, пели, играли на музыкальных инструментах. Желали бабушке прожить ещё много лет.

Сюрпризом для бабушки был подаренный ей большой альбом, в котором каждая семья из одиннадцати детей заполнила по несколько страниц с красочными пожеланиями и поздравлениями, украшая их прекрасными фотографиями и картинками.

После этого было тёплое общение, и после молитвы все принялись за еду... Как и всегда уже у нас стало принятым — стол был приготовлен по-американски... То есть вся пища была расставлена на одном столе и каждый подходил и брал, что ему

нравится, потом садился за стол, или на диван, или в кресло... Кому где нравилось... Везде сидели родные лица, с которыми приятно было разделять общение и беседу... После этого все сфотографировались на память.

Господь давал хорошее здоровье и дал возможность благословенно провести Рождество Христово и встречу Нового года — 2016!!!

С самого начала года все дети и внуки желали в Новом году иметь общение всей нашей большой семьи! Общим согласием решили провести отпуск в течение десяти дней в штате Юта у Наташи — нашей двенадцатой дочки с 1 по 10 июля. Кто учился, кто работал... Но все с радостью ждали этого прекрасного момента! И, слава Богу, все дожили и встретились в назначенном месте! Столько было радости, когда одни за другими подъезжали дети, внуки...

Кто приезжал на машине, кто на самолёте... А мы с Мариной и её детьми приехали на поезде... Общались, радовались, совершали прогулки по городу... В воскресенье утром все пошли в церкви! Встречи с друзьями, участие в служении, песнопениях, молитвах!!! Как прекрасно, что нас объединяет одно — вера в Искупительную жертву Иисуса Христа и радость спасения! Как я рада, что все наши дети и внуки знают эту спасительную весть и многие уже имеют пригласительные билеты на Брачную Вечерю Агнца на небесах... Очень немногие пока ещё медлят сделать решительный шаг, чтобы принять Иисуса Христа в своё сердце и иметь мир Божий в сердце и быть записанными в Книгу Жизни на небесах... Я постоянно молюсь об этом: и за детей, и за внуков, и за правнуков, хотя они ещё маленькие, но семя любви и веры, посеянное в детском возрасте, принесёт плод в своё время! Господь благословляет любящих Его до тысячи родов! После общения в церкви был торжественный обед всей семьи дома, после чего стали фотографироваться, чтобы осталась память всей семьи и по отдельности кто с кем желал!

Следующая неделя была вся распределена на разные поездки в красивые места, леса, горы, озёра и парки. Катались на

лодках, путешествовали по лесу, ездили на горячие источники, праздновали День независимости Америки, смотрели салюты в вечернем городе Салт-Лейк-Сити, посетили много парков. Все были довольны. Почти все размещались в доме Наташи — места было много. Молодые ребята почти все спали в подвале на надувных матрацах и очень дружно общались поздними вечерами! Девочки почти все обосновались на втором этаже... Семейным были выделены отдельные комнаты. Время пробежало очень быстро, и было очень трудно расставаться... Так хотелось продлить это прекрасное время общения и радости! 14 лет у нас не было такого общения, когда собралась вся семья!!!

Последний раз мы собирались в Сакраменто в 2002 году, когда был ещё жив наш родоначальник — папочка и дедушка и муж — Александр Куприянович Мальцев — мой любимый неповторимый и родной человек! Он подарил мне счастье любви и тринадцать замечательных детей! Я воздаю славу и благодарность моему Господу и Спасителю Иисусу Христу, что Он дал мне верующих родителей, которые воспитали меня в страхе Господнем, а затем соединил нас в брачных узах с прекрасным христианином — моим Сашуней! Воспоминания о нём вызывают у меня слёзы радости и благодарности о жизни с ним в союзе с Господом! Он уже радуется на небесах и ожидает нас. Вот уже осталось так мало времени до дня рождения 81 года...

Праздник Дня благодарения справили всей семьёй в доме Анечки. Сначала все дети поиграли в парке, а потом собрались в доме! Совершили молитву благодарности Господу за то, что он сохранил всех в нашей семье в полном благополучии и попросили благословения на пищу... Многие делились благословениями, которые Бог посылал им в этом году и благодарили Бога!

День рождения справляли у Вовчика... Были приготовлены столы отдельно для детей, молодёжи и взрослых... Было обилие пищи на столах... Особенно всем понравился шашлык! Все поздравляли маму и бабушку... Дети играли на музыкальных инструментах...

Я радуюсь каждому подаренному мне дню жизни, насы-

щена днями и Божьими благословениями, и хотела бы с радостью сказать вместе с Апостолом Павлом: «Подвигом добрым я подвизалась, течение совершила, веру сохранила; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его» Тим. 4:7-8. И прошу Господа подарить мне ещё немного дней, чтобы я могла привести все свои дела в надлежащий порядок... Чтобы могла сказать: «Господь, вот теперь я готова! Возьми меня...» А теперь только хочу просить Его хранить меня в совершенном мире, в чистоте и святости. Каждый день в Его руках! Да будет во всём воля Отца Небесного!

Ангелина Мальцева, 2016 год

* * *

*В последний день моих земных скитаний
Оденусь в белый праздничный виссон.
Взойду на облаке в собор святых собраний
И буду там, где обитает Бог!*

*Увижу ангелов, прекрасных херувимов,
Там будут петь архангелов уста,
Небесных жителей и сотни серафимов
Пред Сыном Божиим и пред Отцом Христа.*

*Свят, свят Господь! – и это я услышу...
Паду как раб и поклонюсь пред Ним.
Отца Небесного во славе я увижу,
Иисуса дивного и град Иерусалим.*

*Не страшно мне предстать перед Незримым.
И я не житель вечного огня.
Я буду с Любящим, я буду пред Любимым.
Я знаю Господа, и знает Он меня!*

*Пока дышу и сердце мое бьется,
Я буду славить Господа Христа.
И дух все также твердым остается,
И не смолкают петь Ему мои уста.*

*Еще немного и совсем немного,
Знакомый голос позовет туда,
Где нет страданий бедного больного,
И я уйду навеки навсегда!*

*Я буду с любящим, я буду пред Любимым,
Я знаю Господа, и знает Он меня!*

Содержание

Детство	3
Папа	17
Юность.....	41
Судьба	58
Мама.....	76
Свой дом	83
Саур-Булак	88
Джуйдам	94
Семья.....	100
Любочка	105
Божья воля или судьба.....	115
Новый дом	123
Дети.....	139
Вена.....	156
Верочка	171
Америка	173
Павлик.....	185
Свадьбы	185
Семейство Мальцевых	200
Года уходят	204
Вымоленные благословения.....	215
Мои любимые гимны	225
В ожидании вечности	227